

**Всеволод РЕЧИЦКИЙ**

# **ЭССЕ О ПОЛИТИКЕ**

**5(37)**

**ХАРЬКОВСКАЯ ПРАВОЗАЩИТНАЯ ГРУППА**

ХАРЬКОВ 1998

**В специальном выпуске информационно-аналитического бюллетеня Харьковской правозащитной группы "Права людини" (37 излагаются современные представления политической науки и науки конституционного права о демократии, отдельных формах и видах политической активности и правах человека. Особое внимание уделено взаимоотношениям между политикой и конституционным правом в посттоталитарных странах.**

Всеволод Речицкий - докторант Национальной юридической академии Украины им. Ярослава Мудрого (г.Харьков), стипендиат фондов IREX, FULBRIGHT, конституционный эксперт Украинско-Американского бюро по защите прав человека.

Книга будет полезна специалистам в области политических наук и конституционного права, а также всем, кто интересуется проблематикой политических отношений, демократии, прав человека.

---

## **СОДЕРЖАНИЕ**

**ПРЕДИСЛОВИЕ**

[ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ?](#)

[РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО НА ВОССТАНИЕ](#)

[ИНДИВИД В ПОЛИТИКЕ](#)

[МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ](#)

[ЕСТЬ ЛИ У ПОЛИТИКИ ЦЕЛЬ?](#)

[ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ](#)

[КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ](#)

[НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИКИ](#)

---

**ПРЕДИСЛОВИЕ**

Небольшая книга "Эссе о политике" посвящена тем аспектам современной политической науки и практической политики, которые, с точки зрения автора, наиболее тесно связаны с проблемами конституционного права современных посттоталитарных стран.

В частности, уже стоящий первым в оглавлении книги вопрос о демократии рассматривается в ней как вопрос об одной из наиболее распространенных, а потому и высокоразвитых форм эволюционной политической активности. Сделано это еще и потому, что именно эволюционность, "постепенность" демократии, как особого вида политического поведения, является сегодня наиболее интересным качеством как для общей теории конституционного права, так и для возможных практических творцов и составителей любой конкретной конституционной модели.

Нечто подобное можно сказать и о революционной политической активности в ее связи с конституционным правом на восстание. Сегодня право на демократическое восстание является широко известным, если не универсальным элементом мирового конституционализма, хотя сам по себе "хаос восстания" весьма сложным образом вписывается в логику любой из современных посттоталитарных концепций правового регулирования. С другой стороны, присутствие права на демократическое восстание в конституциях США, Германии, Чехии, Словакии, Литвы и некоторых других стран является впечатляющим свидетельством того, что главные приоритеты конституции на самом деле принадлежат не столько государству, как долгое время было принято считать в традиционной теории конституционного права, сколько гражданскому обществу и его характерным "хаотическим" субъектам.

Эссе "Индивид в политике" посвящено политической активности хорошо осознающего свои интересы одиночки, "автономной личности" в терминах Д.Рисмена. Актуальность данного эссе определяется также и тем, что почти во всех посттоталитарных странах практическая политика и сегодня лишь с огромным трудом выходит из-под влияния коллективистской (марксистской) парадигмы понимания социальных процессов. Движение же конституционной теории в сторону "эгоистической" концепции социальной динамики происходит еще более медленно. С другой стороны, следует признать, что проблема политического индивидуализма, лидерства, автономных политических решений и конституционных гарантий их реализации уже вскоре во весь рост встанет перед украинским политическим истеблишментом.

Вопрос о массовой политической активности рассмотрен в книге, главным образом, по причине его сохраняющейся болезненности. Как известно, в практической государственной политике социалистических стран главная ставка десятилетиями делалась на так называемую политическую активность масс. Более трезвый взгляд на массы и традиционно производимое ими политическое действие и эффект предложен в рамках специального эссе "Массовая политическая активность".

Вопрос о векторности или направленности политического поведения человека рассмотрен в эссе "Есть ли у политики цель?" Помимо того очевидного обстоятельства, что всякая политика крайне противоречивым образом связана с идеей социального прогресса, следует также согласиться, что современное состояние разработки проблемы политической векторности находится как бы на переломе. Политическая стратегия весьма неоднозначным образом связана с политической тактикой. При этом сам вопрос о реальном существовании политической стратегии (политического прогресса) сегодня многими исследователями ставится под сомнение. В эссе приводятся аргументы "за" и "против" идеи политической векторности. Возможно, именно эти аргументы и делают настоящее эссе не только теоретически полезным, но и практически оправданным.

Эссе "Политические циклы" посвящено идее политического круговорота, сторонниками которого были, как известно, Аристотель, Д.Вико, П.Сорокин и др. В эссе анализируются некоторые современные подходы к общей концепции политической цикличности, исследуется феномен политической флуктуативности (колебательности). Общий же практический замысел данного эссе заключается в том, чтобы еще раз и, по возможности, аргументированно продемонстрировать читателю реальную сложность явления так называемого "политического маятника", структуры политических отношений и политического поведения людей в целом. Несмотря на внешнюю теоретичность названия, данное эссе не стоит воспринимать как исключительно скучное.

Эссе "Новое понимание политики" является, пожалуй, наиболее сложным для восприятия и серьезным по замыслу фрагментом общего замысла сочинений, приведенных в этой книге. Смысл профессионального подхода в завершающей части книги "Эссе о политике" может быть выражен достаточно кратко. Он сводится к признанию того обстоятельства, что современная политика реализуется не только в рамках государства и государственных политических отношений, но и в границах непосредственно гражданского общества; не только в массах, но и в среде разделенных, в западной терминологии - автономных людей. Иначе говоря, настоящая политика может существовать и иметь хорошие перспективы на будущее лишь в гражданской среде автономно мыслящих, независимых и свободных от политического диктата государства людей.

По мнению автора, старому пониманию политики, как исключительно государственной (патерналистской в моральном смысле) деятельности, в современном мире постепенно приходит конец. Взамен этого не только общества в целом, но и отдельные люди все чаще сталкиваются с реальной разделенностью феномена политики на политику государственную и политику общественную, представленную в политической активности гражданского общества и его субъектов: общественных организаций и индивидов. В сущности, в эссе о природе и истоках политики отстаивается популярная в наши дни идея о том, что политические отношения по вертикальной ("пирамидальной") схеме, в которой доминирует или существенным образом присутствует элемент субординации человека государству, какой-либо организации или другому человеку, строго говоря, не являются политическими. Такие отношения выступают, скорее, административными (военными или "диктаторскими") отношениями. Современному человечеству же лишь предстоит строить свои внутренние отношения на уровне политики (А.Зиновьев). Сегодня, однако, сохраняющиеся традиции тоталитарного прошлого все еще заставляют нас по-прежнему считать административную активность политической.

В целом заключительный раздел книги рассчитан на вдумчивого и серьезного читателя, который специально интересуется общей природой и особенностями процессов трансформациями политики и политических отношений в быстро меняющемся современном мире.

Библиографические справки, приведенные в книге по тексту каждого из эссе, призваны помочь любопытным и интересующимся проблемами политики читателям отыскать необходимые первоисточники. Следует, однако, заметить, что часть из упомянутых источников остается пока что малодоступной в Украине. Все эссе о политике, собранные в данной книге, были написаны автором во время профессиональных стажировок в Библиотеке Конгресса США и Университете Эдинбурга.

Совершенно очевидно, что без финансовой и организационной помощи фондов международного научного обмена IREX и FULBRIGHT, спонсорской поддержки благотворительного фонда "Відродження" а также Института Открытого Общества (OSI,

New-York) и Министерства иностранных дел Великобритании список ключевых источников данной книги сократился бы более, чем наполовину.

Следует также признать, что книга "Эссе о политике" не увидела бы свет без организационной инициативы, дисциплинирующего влияния, моральной поддержки и издательской помощи Харьковской правозащитной группы. Именно сопредседателю этой замечательной общественной организации Евгению Захарову автор обязан всеми возможными выгодами и невыгодами предстоящего этой небольшой книге о политике суда общественности.

Всеволод Речицкий

## ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ?

В настоящем эссе демократия рассматривается как эволюционная политическая активность, основные черты которой естественным образом предопределяются ее структурой. Современные конституции содержат набор разнообразных юридических средств обеспечения политической активности, которые можно также считать гарантиями ее реализации. Последние создаются применительно к отдельным звеньям политической системы, стадиям реализации политической свободы или даже отдельных политических прав граждан.[1] Более важно здесь, однако, иное. Ведь вопреки внешней видимости конституционная реальность формируется политической реальностью, а не наоборот, хотя именно этот факт исследователями конституционализма неоправданно часто игнорируется.

Эпитет "эволюционный" (evolutio (лат.) - развертывание) обычно обозначает процесс постепенного, непрерывного количественного изменения в каком-либо объекте.[2] В широком смысле "эволюция" есть процесс изменений в природе и обществе, динамический рисунок которых противоположен "революции".[3] В этом смысле эволюция означает не только количественные, но и качественные преобразования, происходящие в течение длительного промежутка времени. В рамках так понимаемой эволюции как раз и происходит развитие основных политических событий повседневности.

Так как человечество обычно смутно представляет свои политические потребности (А.Уайтхед), а творческого прироста мудрости в мире отчетливо не наблюдается (Н.Бердяев), политический эволюционизм выглядит практичным. Но поскольку политический организм, как говорил Ж.-Ж.Руссо, едва родившись, стремится к своей смерти, политическая эволюция в социальном смысле энтропийна. Логикой бытия она прерывается антиэнтропийными революционными фазами, из-за чего на долговременных отрезках истории политическая активность приобретает дискретный, флуктуирующий характер. В итоге изменчивость политических форм в истории господствует.

Б.Гаврилишин политическую эволюцию считал способом изменений "налево, направо, налево, направо", когда общество постоянно колеблется между "мессианской" и "прагматической" фазами. У П.Кропоткина эволюция проходит периоды замиранья и внезапного движения вперед,[4] а у Ш.Монтескье политический строй сначала устанавливается лидерами, а затем воспитывает последних. Г.Спенсер оценивал политическую эволюцию как плодотворную и прогрессивную, а у Сен-Симона она обеспечивает постепенность перехода политического сообщества от одной доктрины к другой.[5]

В политической эволюции, писал Х.Линц, стабильность порождает стабильность, сохраняя преемственность и традицию. Последняя обеспечивает блага цивилизации, альтернативой которым могут быть лишь нищета и голод. Преемственность политической судьбы определяется количеством и качеством идей, выработанных предшествующими поколениями, поэтому неуважение к динамическим особенностям политической истории враждебно интересам народа и говорит лишь о "ничтожности правителей".[6] Закономерно, что эволюционную постепенность считают гарантом рациональной политики, предотвращающим насилие в борьбе за власть.

Иначе говоря, политическая эволюция близка реформаторству. Ведь реформа есть качественное изменение, подготовленное эволюционным развитием. Реформаторство предполагает постоянство усилий, так что в реформе, как писал Морелли, тот, кто не улучшает ничего, портит все.[7] По мнению М.Борна, спасти человечество сможет лишь отказ от применения силы, то есть политическая эволюция. Тем более, что эволюционным при этом является и сам рост сознания человека. В итоге природа людей требует мира в той же степени, как природа зверей яростных сражений.[8]

Одной из наиболее ярких теоретических концепций политической эволюции может служить модель развития Мэйдзи, разработанная в результате усилий японской миссии в Европе под руководством Т.Ивакуры (1868-1912 гг.) и предусматривающая такие основные моменты планируемого политического роста: опору на собственный капитал; отказ от внешних займов; политическую независимость императора; конституционное ограничение власти парламента.[9] Примером же политической эволюции на практике можно считать поведение "маленьких робеспьеров" после Термидора, сделавшее радикальных якобинцев нуворишами, из которых затем вышли удачливые дельцы капитализма и яростные защитники частной собственности.[10]

По имеющимся историческим свидетельствам, основные политические преобразования в мире совершаются эволюционно, революции же лишь открывают им дорогу. После "Славной революции" 1688-1689 гг. рабочие в Англии добились избирательного права через 100, а женщины - лишь через 300 лет. После принятия Декларации независимости США негры оставались рабами почти 80 лет, женщины не участвовали в выборах 112 лет, а рабочие создали профсоюзы только через 150 лет.[11] Такова была политическая инерция "тяжести мира" (Н.Бердяев). Коммерция, как писал А.Токвиль, подготовила человека к свободе, предохранив его одновременно от революции.[12] Возможно, что именно в силу такого потенциала теория демократической стабильности считается одной из наиболее древних интеллектуальных традиций.[13]

И все же эволюционная политическая активность предполагает развитие, а не сохранение политического status quo, и некоторая сложность отношений между демократией и эволюцией как раз в том и состоит, что демократия не фетишизирует стабильность. Приоритет свободы в демократии очевиден, а свобода обычно готова жертвовать стабильностью. Поэтому между демократией, социальным прогрессом и конституцией устанавливаются непростые правила отношений, следование которым требует от участников подлинного искусства. Эволюционная форма и демократическое содержание, действуя в оптимальном режиме, позволяют политической системе колебаться подобно маятнику, избегающему слишком крайних положений.

Демократия органически эволюционна, и, возможно, поэтому Аристотель допускал ее не столько по выбору, сколько по необходимости. Г.Моска также считал доктрину демократии априорной.[14] Процветающие страны являются демократическими и почти все демократические страны являются процветающими, констатировал С.Хантингтон.[15]

Возможно, это происходит именно потому, что в демократиях вертикальная мобильность (сменяемость элит) является типичной. Так или иначе, но сомнения в возможностях демократии А.Токвиль считал сопротивлением воле Господней.[16] У П.Новгородцева государственное развитие неотвратно ведет к демократии, так что демократизация казалась ему всеобщей и непобедимой тенденцией эпохи.[17] Впрочем, и сегодня демократия - это система, вокруг которой формируется международный консенсус.[18]

Народ стремится к самоуправлению, которое водворяется в низшей сфере прежде, чем в высшей. Вслед за Б.Чичериним об этом же писал Д.Брайс.[19] Поскольку децентрализация власти и ее зависимость от решений и информации снизу постоянно возрастают, О.Тоффлер считает грядущий демократический переворот в политической системе неизбежным.[20]

В целом существующие представления о демократии многообразны. М.Бакунин определял демократию, как правление народа посредством народа и в интересах народа.[21] Д.Сартори предостерегал против злоупотребления в демократии "рудиментарной технологией" прямого правления, а Р.Рейган считал американскую политическую систему покоящейся на утверждении: "Мы, народ..."

У К.Маркса "в демократии не человек существует для закона, а закон существует для человека; законом является здесь человеческое бытие, между тем как в других формах государственного строя человек есть определяемое законом бытие".[22] У Д.Локка демократия - это форма правления, в которой общество создает себе законы, поручая затем их осуществление должностным лицам. У Ж.-Ж.Руссо демократию образует народоправство, принадлежность верховной власти народу, что, впрочем, может сочетаться с аристократической или монархической формой правления.

Еще из римского права и средневековой юридической практики до нас дошел основной демократический принцип: все, что касается всех, должно быть одобрено всеми. Т.Джефферсон ценил демократию как систему, которая недоступна коррупции, а В.Буковский видел в ней возможность индивида отстаивать свои взгляды без ощущения собственной обреченности.[23] Для К.Поппера демократия есть единственный известный механизм защиты граждан против властных злоупотреблений силой, а для Х.Вайнриха это форма государства, при которой исходящая от народа власть по специальным правилам передается его представителям.[24]

М.Рокар писал, что в демократии реально воплощается взаимодействие выборных лиц, средств массовой информации и избирателей, а Д.Сартори - что демократия в политике означает то же, что и рынок в экономике. Для Ф.Хайека демократия - это прежде всего способ мирной смены правительств - ценное достижение, за которое стоит бороться.[25] Главное в демократии, писал С.Хантингтон, есть процедура соревновательного отбор лидеров управляемыми.[26] У П.Бергера демократия есть совокупность политических институтов, дополняемых процедурами, а в изданиях Информационного агентства США демократия выступает комплексом идей, принципов, практических норм и процедур о свободе. Поэтому демократия здесь - это наделение свободы законным статусом...[27]

Б.Рассел писал, что нет ничего более мудрого, чем выбор всех вместе граждан, в чем и состоит окончательный довод в пользу демократии, пусть даже политологи до сих пор не знают, чем руководствуются люди при голосовании. Однако, хотя никто не может быть умнее всех вместе взятых людей, для развитой демократии важно, чтобы парламент и народ признавали над собой верховенство права или конституции.

Д.Пламенатц определял демократию как систему взаимоотношений политически активных и сравнительно пассивных граждан, а Ю.Хабермас выводил ее из невозможности субстанционально мыслить народный суверенитет, который воплощается в коммуникативной власти автономной общественности, формулирующей свои решения в дискурсе. Р.Рейган считал демократию наиболее честной политической формой из всех изобретенных человечеством,[28] а Р.Арон ее сущность видел в лавировании.[29] "Манифест чехословацкого движения за гражданские свободы" демократией называл систему, основанную на интеллектуальном, политическом и экономическом плюрализме, а также на взаимной терпимости,[30] а для М.Мариновича демократия есть строй, в котором политическая власть подчинена высшим духовным ценностям, гарантированным против их уничтожения государством.[31] По мнению Д.Брайса, демократия означает также отсутствие контроля за всем, что прямо не вредит обществу,[32] поэтому privacy может оказаться наиболее необходимой в демократии вещью.[33]

Интересно, что демократия как теоретическая доктрина не имела решительных защитников вплоть до Ж.-Ж.Руссо. "Господами народной свободы" люди становятся лишь в конечном счете, писал Д.Вико. Тем не менее, весьма важной вехой в истории демократии был уже закон Публия (416 г. от основания Рима), по которому он стал народным диктатором. Что же касается эмоциональной прелюдии демократии, описанной как история взаимоотношений Секста и Лукреции, то Г.Честертоном она оценивалась как хрестоматийное, но не поблекшее предание. Близкой к действительности считал ее и П.Сорокин.

По мнению А.Шлезингера, философскую основу системы американской демократии составили идеи Д.Локка, усвоенные в XVIII в. кальвинизмом. Первоначально утвердившись лишь на северо-западе Европы, демократия еще долго оставаясь узкой "во времени и в пространстве" (Д.Кеннан).[34] Волны же демократизации последовали одна за другой уже в наше время: 1828 - 1926 гг., 1943 - 1962 гг., конец XX в.[35] Впрочем, Т.Карлейль считал демократию неотвратимой с момента изобретения печатного станка,[36] а Р.Нибул, в свою очередь, заметил, что если справедливость сделала демократию возможной, то несправедливость - необходимой.

Эволюционно демократия сформировалась вначале как "простая" демократия большинства, а затем уже как "сложная" либеральная демократия. Этот процесс время от времени прерывался проявлениями популистской демократии, которую иногда называли "плебейской демократией" (Ю.Хабермас), "сверхдемократией" (Х.Ортега-и-Гассет) или "тоталитарной демократией" (Д.Талмон, Б.Гаврилишин). А.Зиновьев считал "простой" демократию в СССР, где судьбу меньшинства всегда определяло большинство. Простой была также военная демократия Спарты, хотя А.Тойнби и писал, что для осознания этого требуется известное умственное напряжение. Простые демократии существуют и сегодня, хотя на Западе лишь немногие теперь согласятся, чтобы вопрос о свободе слова решался большинством. В целом же основой простой демократии является ситуация социального умиротворения, сравнительно легко достигаемого, как писал В.И.Ленин, господством большинства.[37]

К сожалению, практика простых демократий не раз порождала национальную рознь, религиозную нетерпимость и культурную деградацию. Достижение справедливости посредством прав большинства есть типичное заблуждение современности, писал К.Ясперс.[38] Ведь сегодня едва ли не для всех очевидно, что простая демократия не уживается с оппозицией, стимулирует поиск сообщников только одного направления и даже примиряется с цензурой и пытками. Ее главным дефектом, писал Д.Брайс, является неспособность прислушаться к "голосу молчания",[39] а ее пороком - фанатическое

единомыслие (Д.Талмон). Простая демократия легко деградирует к потере политической устойчивости (П.Новгородцев), "припугиванию толпы толпой в интересах толпы" (О.Уайльд). В.Розанов считал такое народоправство демократией обездоленных, способных на убийство и грабеж, "вопли к небу и ко всем концам земли". Поэтому простая демократия, как многие считают, проигрывает умеренным недемократическим правлениям.[40] Ведь она имеет скверную тенденцию решать большинством вообще все вопросы.[41]

Аристотель писал, что демагогам и льстецам выгодно, чтобы правили не законы, способные держать в послушании массы, а прямые "постановления народа". У Ш.Монтескье демократия разлагается как утратой духа равенства, так и доведением этого духа до крайних пределов.[42] Недаром В.Эбенстайн подчеркивает у Платона предостережение о том, что если власть получают "дураки и плуты", то демагоги и диктаторы быстро покончат с демократией.[43] Анализируя ситуацию молодой демократии в Восточной Европе, В.Банс опасался, что общественные группы, выйдя в политику, предъявят здесь непримиримые требования, обойдут процедуры и откажутся подчиниться результатам выборов или парламентским решениям.[44] В ситуации "сверхдемократии", писал Х.Ортега-и-Гассет, основой законов могут стать мнения завсегдатаев пивных.

В свою очередь П.Готфрид подчеркивал, что любая демократия ведет к политизации нации.[45] Ее крайние формы не только обезоруживают олигархию, но и беспощадно разрушают индивидуальность.[46] Часто трудности демократии соблазняют людей обращаться к авторитарно-автократическим методам,[47] так что не всякое общество может справиться с ней. Примечательно, что у Д.Сороса либерально-демократическое, открытое общество выступает "чрезвычайно сложной формой организации".[48] Как признавался в свое время Л.Валенса, ему не сразу удалось усвоить понимание демократии как спонтанной деятельности индивидов, контролируемых правом, то есть как свободного рынка политических идей и программ.[49] Впрочем, образ демократии как "мирной войны всех со всеми"[50] и сегодня не для всех очевиден. Слишком легко верить, что меньшинство имеет право на существование просто потому, что так решило большинство.[51] И, хотя этот предрассудок уже существенно поколеблен во многих посттоталитарных странах,[52] не стоит забывать, что для А.Дубчека демократия была всего лишь избирательной урной, а для М.Горбачева - не более, чем книгой жалоб и предложений. Поэтому не удивительно, что А.Даллес призывал политическую элиту США в отношении с менее продвинутой частью мира к осторожности, советуя ей и далее руководствоваться в своей политике более просвещенным эгоизмом, чем абстрактными принципами.[53]

Что же касается либеральной демократической модели, то она характеризуется глубокими индивидуальными чертами и признаками, освоение которых, как принято считать, требует преобразования всей политической системы.[54] Хотя либерализм и не является стройной теорией, уже Ф.Рузвельт понимал, что о любви к свободе свидетельствует положение не большинства, а меньшинства, имеющего возможность проявить свою сущность. По мнению Ф.Фукуямы, первыми теоретиками либерализма были Т.Гоббс и Д.Локк. И хотя проблема прав меньшинства была знакома уже эпохе Просвещения, Д.Локк был первым, кто философски сформулировал принципы ее разрешения. Априорная ценность либерализма вытекала также из известного парадокса Л.Нельсона: неограниченное большинство может решить, что править должен тиран.

З.Бжезинский писал, что либеральная демократия сочетает в себе аристократическую традицию, конституционную законность и демократию, основанную не на контрастном,



как в манихействе, различении добра и зла, а на политической терпимости, практика которой первоначально сформировалась в Англии, США и Франции.[55] Таковую демократию иногда называют "консоциативной демократией". К этому типу демократических стран Х.Линц относил Нидерланды, Бельгию, послевоенную Австрию и Ливан до распада.[56] Требованием консоциативной демократии является не только всеобщее голосование, но и участие всех в выборе проблем, подлежащих политическому решению.

Поскольку люди обычно стремятся избежать ответственности, проистекающей из жестких политических доктрин, в противовес тоталитарному декадансу в обществе наконец повеял ветер либерализма и благородного неравенства, писал В.Аксенов.[57] Возлагая груз политической ответственности на максимально возможное количество людей, современная либеральная демократия остается способом персональной жизни,[58] возникающей из "сверхсложного" комплекса политических условий мира.[59]

По мнению Х.Ортеги-и-Гассета, либерализм возник из необходимости сохранить поле деятельности за теми, кто думает и чувствует не так, как приверженцы либерализма, не так, как сильное большинство. Для А.Швейцера либерализм означал полемику индивида с пессимистической этикой общества, а для П.Новгородцева - релятивистский политический режим, не признающий никакого исключительного порядка, никаких абсолютных верований или воззрений. У Ф.Хайека либерализм обеспечивает лишь ограниченный порядок в таком спонтанно развивающемся обществе, где право большинства принуждать к чему-либо меньшинство ограничено обязательными для большинства правилами. Таким образом, либерализм делает затруднительным образование большинства, объединенного несправедливыми интересами.[60] Ф.Фукуяма считал источником либерализма неотъемлемое право человека на свободу,[61] а И.Берлин выводил либеральную идею из вопроса о допустимых пределах вмешательства правительства в частную жизнь.[62]

К.Поппер писал, что либеральная демократия основывается на дуализме фактов и норм, а Ф.Хайек доказывал, что концепция, согласно которой общество становится лучшим, приспособляясь к стандартам большинства, является, на самом деле, противоположной принципу развития цивилизации, в которой прогресс обеспечивают немногие, переубеждающие многих.[63] Последнее означает, что демократии присуща лишь селективная, а не креативная способность, и что поэтому прогресс в его ключевых моментах должен быть защищен от демократии конституционным пространством свободы. Ведь именно в пространстве свободы и неконтролируемой частной инициативы создаются всевозможные материальные и духовные, в том числе поведенческие, образцы и модели, динамические стереотипы, способы и стили мышления, то есть, интеллектуальные подходы к решению грядущих проблем. Естественно, что при этом роль основного гаранта свободы индивида должен взять на себя основной закон гражданского общества - конституция. Именно конституционные гарантии позволяют демократии, образно говоря, балансировать на краю пропасти, где отрицается долг человека принести себя в жертву коллективу, если он предпочитает не делать этого.[64] Как писал Д.Брайс, либеральная демократия производит на свет не более высокий тип среднего человека, а высшую способность обеспечивать разнообразие в обществе. И если демократия не может удовлетворить стремление человека к объектам за пределами прозы жизни, ее ожидает фиаско.

В.Банс насчитывает пять признаков либеральной демократии: правление закона; обширные гражданские свободы; представительное правление; бюрократия по М.Веберу; децентрализации контроля над природными ресурсами. При этом в либеральной

демократии правила игры оцениваются всегда выше, чем ставка. Поэтому либерализму имманентно присущи определенные процедуры и неопределенные результаты. Для того же, чтобы процедуры стали эффективными, либерально-демократический порядок должен превратиться в социальный идеал. Либеральная демократия высвобождает позитивную сторону несовершенного знания, а именно творчество, писал Д. Сорос. Ее плоды непредсказуемы, ибо зависят от слишком многих участников, из чего также вытекает, что трансформация тоталитарного режима в демократический требует замены неопределенных процедур определенными, а предсказуемых результатов - неопределенными.

Как известно, тоталитарные режимы имеют тенденцию допускать в общество только то знание, социальный эффект которого предсказуем. Поэтому против информации, как "количества непредсказуемого, содержащегося в сообщении" (А. Моль), [65] диктаторы обычно строят железные занавесы и возводят берлинские стены. Либерализм же допускает информацию в общество без предварительной официальной оценки. Последствий этого достаточно много, но главным из них является то, что либерализм есть процедура, производящая полиархию. [66]

Политическая активность в либеральной демократии как бы дрейфует: ее конечные цели малоизвестны, движение существует лишь как тенденция, а повседневные результаты могут быть разочаровывающими. Тем не менее, именно в подобных политических условиях жертвы прогресса оказываются минимальными. Поскольку же либеральная демократия стремится к решениям, удовлетворяющим максимально многим, [67] она есть дискуссия, сама атмосфера и участие в которой ценится выше возможных результатов.

Сущность либерализма в том, что его порядок не основан на догмах, а его ограничения служат лишь для сохранения обществ. [68] Недостатки здесь обычно выставляются напоказ и открыто обсуждаются, [69] а парламент выступает как собрание зрелых людей, а не собрание невежд, руководимых кучкой высококобых. [70] Зрелось в либеральной демократии оказывается важнее специальных знаний. В абсолюте либерализм стремится к установлению "истинной меритократии таланта", [71] где важно спасение влияния наилучших, количество которых ограничено.

Поскольку демократические массы обычно с трудом удерживаются в известных пределах, У. Марсалис сравнивал демократию с джазом, где автономная личность в условиях творческой свободы кладет свои достижения к ногам какой-либо группы людей. [72] Как писал В. Аксенов, нацисты и коммунисты ненавидели джаз "структурно". Ведь они понимали, что джаз - это импровизация, [73] то есть "человечное устремление, направленное на сохранение свободы..." [74]

Либеральная демократия, писал А. Миллер, есть открытая система, в которой борьба добра со злом происходит на открытой арене. [75] А. Тойнби смысл такой демократии видел в том, чтобы наполнить практическую политику христианским чувством братства, [76] а А. де Сент-Экзюпери, в свою очередь, полагал, что либерализм понимает уважение к свободе, как уважение к Человеку, поэтому для привнесения в демократию чувства братства необходимо не возвеличивать личность, а подчинить личность культу Человека. Именно из этой разновидности политических культов в либеральную демократию проникает принцип: "побольше противься - подчиняйся поменьше" (У. Уитмен).

У Ч. Милоша мы находим следующую метафору либерализма: "Американцы сравнивают демократию с неуклюжим баркасом, на котором каждый гребет веслами в свою сторону. Полно визга и взаимной брани, и нелегко грести в одном направлении. По сравнению с

таким баркасом боевая галера тоталитарного государства выглядит импозантно. Случается, однако, что там, где разобьется тоталитарный быстрый корабль, проплывет неуклюжий баркас".[77] С другой стороны, как писала Д.Мэнсбридж, политическая наука рассматривает современную демократию как один из способов объединения человеческих устремлений, коренящихся в эгоизме.[78] Поскольку же механизм эгоистически действующих волей приближает демократию к рынку (Д.Шумпетер, Д.Сартори), постольку правила демократии требуют, чтобы контроль за происходящим осуществлялся лишь там, где существует полное согласие. В остальном же участникам следует положиться на волю случая.

Конечно, в изначальном варианте либеральная демократия есть политический механизм реализации интересов частного собственника. Ведь реализовать свои качества вне отношений собственности личность способна не больше, чем пловец способен доказать умение плавать без воды. Экспроприация собственности в социальном смысле адекватна лишению человека индивидуальности. Последнее же убийственно для демократии. Кроме того, в национализации всегда присутствует (если не доминирует) элемент морального недоверия к человеку, по поводу чего Гегель писал: "Представление о благочестивом или дружеском и даже насильственном братстве людей, в котором существует общность имущества и устранен принцип частной собственности, может легко показаться приемлемым умонастроению, которому чуждо понимание природы свободы духа и права и постижение их в их определенных моментах. Что же касается моральной или религиозной стороны, то Эпикур отсоветовал своим друзьям, намеревавшимся создать подобный союз на основе общности имущества, именно по той причине, что это доказывает отсутствие взаимного доверия, а те, кто не доверяет друг другу, не могут быть друзьями".[79] В итоге частная собственность оказывается настолько же важной для выражения личности в демократии, насколько тело для художника, как заметил однажды П.Гоген, есть исключительное средство для выражения души.

Запретив частную собственность и рыночные отношения, политическая власть в СССР сама стала формой собственности и предметом купли-продажи.[80] Впрочем, неразрывная связь эффективной экономики и демократии проявлялась еще у шумеров. Все торгующие цивилизации, писали К.Поппер и Ф.Бродель, характеризуются, как правило, развитыми демократическими чертами. Ибо подлинная демократия - это не только свобода слова и демонстраций, но также частная собственность граждан, владение землей и ее недрами индивидуально, а не государственным комитетом по собственности.[81] Недаром в Древней Греции запрещалось выбирать в парламент неимущих, а М.Фридман, Ф.Хайек, Л.фон Мизес, К.Поппер и Л.Эрхард без устали доказывали, что политическая свобода прямо зависит от экономической, и что только при минимальном государственном вмешательстве возможно подлинное развитие личности. Демократия есть политический аспект живой и нескучной жизни, ее результаты не программируются, и она требует свободы как единственной эффективной гарантии своего существования.

Поэтому, как писал Д.Коммерс, либеральная демократия немислима без конституционализма. Ведь только благодаря последнему удастся предотвратить ситуацию, в которой государственная власть оказывается *vis-a-vis* с индивидом.[82] Неслучайно для Р.Рейгана демократия - это не столько система государственной власти, сколько система, ограничивающая prerogatives правительства. Истинная демократия есть власть закона, такое взаимное ограничение законодательной, исполнительной и судебной власти, при котором суд выступает средством, связывающим государство в целом. И хотя демократией невозможно управлять, она обычно действует по правилам конституции - "деперсонифицированного (animpersonal) организма".[83]

Основные ценности либеральной демократии составляют личная свобода и конституционное государство, писал А.Шлезингер. Ее порядок основывается на децентрализованных решениях и потому имеет спонтанный характер. Поскольку же децентрализованные решения обеспечены информационно обычно лучше централизованных, они оказываются и более эффективными. Возлагая свои упования на индивида, демократия гораздо чаще предстает перед людьми не как программа, а как процесс.[84] В этом качестве либеральная демократия есть не столько форма правления, сколько способ жизни ассоциации, совместный опыт коммуникации.[85] Эту мысль Д.Дьюи подтверждает также и Г.Штейн.[86]

Либеральную демократию Р.Дал называл "крупномасштабной демократией" ("democracy on large scale").[87] В отличие от тоталитарной демократии, где политическое большинство определяет не только то, что считается правом, но также и то, что считается хорошим правом (Ф.Хайек), либеральная демократия не требует от политического меньшинства ни отречения от собственной воли, ни даже отказа от ранее намеченной цели. Все, что здесь требуется, есть лишь отказ от практической реализации политических убеждений до тех пор, пока меньшинство не соберет лучшие аргументы в их пользу.

Сегодня политическими примерами практически воплощенных "стандартов демократии" (К.Поппер) могли бы послужить конституционные образцы США, Франции, ФРГ, а правовыми - Парижская хартия для новой Европы или Документ Копенгагенского совещания-конференции по человеческому измерению.[88] Последние отличает прагматический характер и ориентированность на определенный тип активно действующего человека. О реальном существовании "демократического" типа личности в США писали А.Токвиль, И.Ильф и Е.Петров, В.Франкл.[89]

Практические выгоды политической эволюции в форме либеральной демократии очевидны. Как признавал Л.Эрхард, без внедрения либеральной демократической модели в Германии невозможно было бы добиться таких стремительных темпов развития народного хозяйства, как в послевоенные годы. Закономерно поэтому, что П.Новгородцев отождествлял либерализм с жизненной раскованностью и гарантией прогресса. Либеральная демократия воспитывает целеустремленную волю, стимулирует активность, силу и энергию, обеспечивающие в итоге "изумительные выгоды".[90]

Конституционные аспекты эволюционной политической активности в посттоталитарных странах состоят, главным образом, в том, что основные законы этих стран призваны стать основными правовыми гарантиями свободы гражданского общества. Категория свободы в целом, равно как и политическая, экономическая и личная свободы человека в конституциях посттоталитарных стран должны оцениваться выше стабильности, порядка и защищенности. Иными словами, структура и содержание органических конституций современных стран должны определяться системными свойствами народного, а не государственного суверенитета. Это означает, что в общей схеме политической активности компетенция (полномочия) государства и его агентов должны определяться в субординированном по отношению к гражданскому обществу качестве. Такая подчиненность активности государства интересам гражданского общества является не менее важной, чем принцип разделения властей, или вытекающая из этого принципа классическая модель сдержек и противовесов. Именно здесь следует не забывать, что патернализм есть "величайший деспот над воображением" (И.Берлин).[91] и что казенный альтруизм бюрократии стратегически почти всегда уступает здравому смыслу свободно действующего человека.

Чтобы выполнить свое органическое предназначение обеспечения гражданской свободы, конституции посттоталитарных стран должны вывести политический дискурс общества за пределы пространства, регулируемого текущими законами. Ведь последние и сегодня остаются в большинстве случаев не более, чем рычагами государства. Из данного тезиса вытекает, что интеллектуальная активность гражданского общества не может быть ограничена не только живой властью, но и законом. Поскольку же всякая настоящая информация имеет непредсказуемое содержание, постольку общественный доступ к ней должен предшествовать ее государственной оценке. Все это также означает, что политическая активность гражданского общества в своих сущностных моментах не должна регулироваться традиционным текущим законодательством. Требуя себе адекватной правовой оболочки, эта проблема может быть решена лишь на уровне специального конституционного законодательства.

Закономерно, что наиболее известные в современном мире конституционные образцы безоговорочно привержены демократической форме правления. Как говорится в ст. 89 Конституции Франции 1958 г. и ст. 139 Конституции Италии 1947 г., республиканская форма правления не может быть предметом конституционного пересмотра.[92] Переходные постановления Конституции Италии 1947 г. запрещают восстановление фашистской партии в любой форме. В ст. 148 Конституции Литвы 1992 г. записано, что Литовское государство является демократической республикой, и что данная норма может быть изменена лишь в том случае, если за ее изменение проголосует не менее 3/4 граждан Литвы.[93] Ст. 5 Конституции Чехии 1992 г. утверждает, что политическая система страны основана на принципе свободной конкуренции политических партий, уважающих основные принципы демократии и отказывающихся от применения силы, как способа утверждения своих интересов.[94] В ст. 13 Конституции Польши 1997 г. запрещается создание партий националистического, фашистского или коммунистического толка, методы и практика которых являются тоталитарными по своей сути.[95]

Принципы современной демократии закреплены в разделе II Конституции Чехии 1992 г., главе II Конституции Литвы 1992 г., разделе I Конституции Македонии 1991 г., главе VIII Конституции Узбекистана 1992 г., ст. 21-47 Конституции Хорватии 1990 г., главе III Конституции Словакии 1992 г., ст. 34-40 и разделе III Конституции Украины 1996 г., разделе I Конституции Польши 1997 г. и др.

## **РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО НА ВОССТАНИЕ**

Интерес к этой форме политической активности предопределен тем, что политический процесс не является исключительно эволюционным и часто предстает перед нами в прерывистом или дискретном виде. И хотя стремление избежать прерывания политической постепенности носит почти фундаментальный характер, политические революции, восстания и акты гражданского неповиновения в современном мире все равно происходят. В свое время А. Турен писал о необходимости порядка, контроля и политического подавления, как об объективных потребностях социализации,[96] но и сегодня эффективность всех этих средств остается все еще сомнительной. Более того, для преодоления препятствий, воздвигаемых перед политической свободой жестко организованным обществом, политическое насилие оказывается все еще благотворным, оно высвобождает свободную энергию общества, позволяя гражданам осознать свою силу.

П.-А. Гольбах сравнивал политические революции с грозами в природе, очищающими воздух и восстанавливающими мир и покой. П. Кууси писал, что политическое насилие есть свойство широко понимаемой эволюции. Стимулируя умственные способности того

или иного социума, оно укрепляет групповую солидарность победителей и побежденных.[97] У А.Богданова политическое насилие также консолидирует общество, пробуждая в нем организационное мышление.

Как принято считать, общий смысл революционных преобразований сводится к разрушению или ослаблению сил противоборствующей стороны.[98] По мнению М.Янкова, кризисы и революции выводят на первое место в политическом бытии утверждение принципиально нового при сохранении положительной части старого. М.Бланшо писал, что в революциях правление законов уступает место политической анархии, в обстоятельствах которой правительства могут переделывать конституции.[99] Для Р.Рейгана быть революционером - это значит не принимать устаревшие идеи прошлого, а у А.Богданова революционер как правило стремится к развитию в направлении своих особых склонностей.[100]

В.Гейзенберг соглашался с исторической неотвратимостью революций, однако подчеркивал, что насилие способно решать лишь "ясно определенные проблемы".[101] Впрочем, еще Гегель писал, что все времена знают злоупотребления высших официалов,[102] поэтому: "Если изменение неизбежно, оно должно быть осуществлено. Подобная тривиальная истина должна быть высказана потому, что страх перед предстоящим действием заставляет отступить готовность мужества, и люди, преисполненные страха, понимая и признавая всю необходимость изменения, тем не менее в решающий момент проявляют слабость, предпочитают сохранить все принадлежащее им; в этом они уподобляются расточителю, который, будучи поставлен перед необходимостью сократить свои расходы, в каждом данном случае считает невозможным отказаться от своих прежних привычек, не хочет ни в чем себя ограничить и лишается в конечном итоге всего - как действительно необходимого, так и того, без чего можно было бы обойтись".[103]

У Д.Мережковского в основе революции лежит "честно сформулированная ложь, добросовестно обнаруженная гниль, подведение итога прежнему разложению".[104] И хотя, как сетовал М.Джилас, революции обычно не чуждаются варварских средств, они остаются трагедиями, порожденными неискоренимой преступностью и развращенностью правящих классов.[105] У П.Кропоткина революция - это смерть на коне, под красным флагом и с косою в руке, а для Г.Попова политическая революция есть просто взрыв, сметающий торможение.[106] Как говорил Гегель, гангрену не вылечить лавандовой водой, и тлеющая жизнь может быть преобразована лишь насильственными действиями.[107]

Й.Хейзинга писал, что в теоретическом смысле революция всегда была близка идее внезапного спасения, благой и скорой перемены. Для Ф.Энгельса революция выступала явлением почти физической природы, не подчиняющимся правилам, определяющим развитие общества в обычное время.[108] Как писал Ф.Бродель, термин "революция" был заимствован политиками из астрономического лексикона. В значении переворота, разрушения существующего он появился в английском языке в 1688 г.[109] Революция - вещь серьезная, простая и скромная, говорил Д.Стрелер.[110] Возможно, что именно поэтому в XIX и XX вв. она превратилась в почти традиционный инструмент политических перемен. В пользу этого предположения свидетельствует, кстати говоря, и хронология: 1815, 1830, 1848, 1870, 1917.

Т.Скокпол считал революцию быстрой трансформацией государственности и классовых структур, а также доминирующей политической идеологии, а А.Камю видел в ней проявление неизбежности нового образа правления. Для А.Богданова революция есть

также разрыв социальной границы между классами,[111] а для Ф.Ницше она кажется ужасающим и излишним фарсом.[112] А.Уайтхед писал, что в революции бессмысленные силы и разумные намерения объединяются, чтобы снять человечество с проржавевшего якоря. В целом же однозначное отношение к революции встречается редко.

Е.Шацкий подчеркивал в революции ее противостояние традиции, полагая, что разрыв с традицией постепенности как раз и образует главный признак революции. И хотя впоследствии революции обычно преодолеваются возвратом к традиции, в отречении от традиций их суть.[113] Для В.Розанова революция и старый строй - это "дряхлость" и "еще крепкие силы", но ни в коем случае не идея. Поэтому он не соглашался с Самариным, считавшим революцию рационализмом в действии, пусть и не лишенным загадочности.[114]

К.Поппер считал, что у Платона революция возникает как следствие разобщенности правящих классов и исключительной погруженности этих классов в экономические проблемы. Х.Арендт писала, что революции ведутся за все более широкое представительство,[115] а Т.Скокпол отмечал, что произведенная на свет революцией политическая система всегда оказывается более централизованной и рациональной, чем предыдущая.[116] В целом же он объяснял обращение масс к революциям очень разными мотивациями.[117]

По-видимому, главная тенденция политических революций в самом деле ориентирована на все расширяющийся демократизм. В.И.Ленин в 1917 г. писал, что в революциях большинство ее участников всегда выступает за демократию. И тем не менее, множество революций закончилось поражением демократии.[118] Н.Бердяев усматривал в революциях протест личности против неограниченной власти политики, однако протестовал против применения в революциях любых средств. У П.Сорокина революции биологизируют, а не социализируют массы, сокращая базовые свободы и вредя экономике и культуре. Результаты революций он считал чудовищными и непропорциональными первоначальному замыслу. Создавая "дефицит порядка", революции часто помогают утвердиться у власти деспотам и тиранам. Различая в революциях оптимистическую, разрушительную и конструктивную фазы, П.Сорокин последнюю из них считал факультативной.[119] По мнению же Э.Хемингуэя, революции достигают своих целей лишь после настоящего военного разгрома страны.[120]

Революция, писал В.Розанов, "...сложена из двух пластинок: нижняя и настоящая, *arheus agens* ее - горечь, злоба, нужда, зависть, отчаяние. Это - чернота, демократия. Верхняя пластинка - золотая: это - сибариты, обеспеченные и не делающие; гуляющие; не служащие".[121] Р.Арон в истоках революций видел паралич власти и стремление к политическому омоложению, а у В.Мушинского революция выступает классовым возмездием, наказанием за прошлое доминирование.[122]

В контексте приведенных соображений политически радикальную замену "негодного правления" следует, по-видимому, называть не революцией, а демократическим восстанием. По сравнению с революциями демократические восстания гораздо более рациональны. Их цели обычно осознаются предварительно, а жертвы оказываются приемлемыми. К демократическим восстаниям следует отнести "Бостонское чаепитие", "Славную революцию" 1688-1689 гг. в Англии, "бархатные революции" в странах Восточной Европы и свержение власти ГКЧП в 1991 г. в России. Как отмечал Б.Рассел, революцию 1688 г. в Англии и 1776 г. в США совершили люди, которые глубоко уважали закон. Иначе говоря, они были осуществлены "по зрелому размышлению".[123] Поэтому, хотя демократические восстания также авторитарны,[124] в отличие от революций им

свойственны продуманная стратегия и щадящий режим. Насилие в восстаниях применяется лишь по отношению к вооруженному врагу и почти никогда не становится массовым.

Демократические восстания никого не обращают в рабов и "нравственных уродов" (К.Кавелин), их режим не тоталитарный, а авторитарный (Ж.-Ф.Ревель). Часто они не столько утверждают новые политические ценности, сколько восстанавливают старые, временно утраченные. Классическим примером восстания, вернувшего стране свободу, демократию и экономический рынок Ж.-Ф.Ревель считает "бархатную революцию" 1989 г. в ЧССР.[125] По контрасту с ней советская экспансия 1945-1948 гг. в Восточную Европу, названная В.Бансом "фальшивой революцией", [126] привела в этом регионе Европы лишь к несвободным выборам, уничтожению оппозиции и коммунистической диктатуре. Иначе говоря, она не была, говоря словами Ш.Монтескье, переворотом, произведенным свободой для утверждения свободы. Речь в данном случае, скорее, шла о применении силы в отношении народа и в противоречие к доверию народа.[127] Как известно, реституция свободы и демократии после этого наступила нескоро. Впрочем, как писал И.Гердер, терпеть легче, чем исправлять, и народы порой удивительно долго не пользуются своим правом разума.[128]

Политическое восстание, писал Г.Моска, стремится к порядку посредством беспорядка ("order through disorder"), [129] в то время, как революция разрушает порядок, не думая о последствиях. Именно поэтому Р.Арон оправдывал насилие восстания, которое ведет к конституционной стабилизации. Насилию же во имя насилия он выносит обвинительный приговор.

Подводя некоторые итоги, следует, видимо, признать, что революции не являются и не могут являться объектами конституционного регулирования. Как сказал кто-то из политологов, плотиной не загородить океан, а сачком для бабочек не поймать астероид. Что же касается политического восстания, то его признание в лучших конституционных образцах стало сегодня едва ли не традиционным. Право на восстание против тиранического правления предусмотрено в Декларации независимости США 1776 г., где оно выступает не столько разрешением на революцию для защиты жизни, [130] сколько гарантией и доказательством приоритета гражданской свободы перед государственной стабильностью. В целом присутствие в той или иной конституции права народа на восстание почти неопровержимо доказывает ее принадлежность гражданскому обществу, а не государству, ибо лишь общественности принадлежит моральное право противопоставить хаос восстания обеспеченному государством политическому, экономическому и культурному порядку.

По мнению К.Фитцпатрик, право народа на восстание и свержение тиранического правительства является центральной идеей американского политического опыта.[131] Этот подход подтверждает также и Р.Дворкин, оценивающий гражданское неповиновение как легитимно-неформальный институт политической культуры американского общества.[132] Впрочем, строго говоря, право на демократическое восстание не является исключительно американской прерогативой. Еще в 829 г. Пармский собор определил, что управляющий без благочестия, справедливости и милосердия король является тираном. Как известно, Ф.Аквинский также поддерживал эту европейскую в своих истоках политическую идею, хотя вопрос о процедуре осуждения дурного короля средневековой церковью серьезно не поднимался. Как пишут исследователи, отлучения, интердикты и низложения случались, но лишь Иоанн Солсберийский первым осмелился проповедовать тираноубийство.[133] Последнему, однако, в политической теории старались не придавать слишком крупного масштаба.



Так, хотя Д.Мережковский и считал Россию способной на "январский, декабрьский, чугуевский, холерный, пугачевский, разинский - вечный бунт вечных рабов", [134] как политический мыслитель он все же надеялся на преодоление будущей Россией излишнего политического радикализма. Как известно, против применения "кратчайших путей" в европейской политике высказывался и Ф.Ницше.

Сегодня институт демократического восстания является универсальным элементом конституционной культуры. Демократическое восстание прямо предусмотрено в ст. 20 Конституции Германии 1949 г., предусматривающей право немцев оказывать сопротивление всякому, кто осмелится посягнуть на их демократический строй, если иные средства при этом не смогут быть использованы. [135] В ст. 23 Конституции Чехии 1992 г. говорится, что граждане имеют право на сопротивление посягательствам на демократические принципы прав человека и основных свобод, установленные Хартией, если деятельность конституционных органов, или активное применение правовых норм станет в стране невозможным. [136] В ст. 120 Конституции Греции 1975 г. соблюдение Конституции вверяется патриотизму греков, правомочных и обязанных оказывать любое сопротивление попыткам отменить их Конституцию насильственными средствами. [137] Конституция Словакии 1991 г. в ст.32 гласит: "Если деятельность конституционных органов или применение правовых норм становятся невозможными, то каждый гражданин имеет право оказывать сопротивление всем, кто будет посягать на демократическое функционирование прав человека и основных свобод, изложенных в этой Конституции". [138] Сопротивление насильственному изменению демократического строя является конституционным правом граждан Эстонии (ст. 54 Конституции Эстонии 1992 г.) и Литвы (ст. 3 Конституции Литвы 1992 г.). [139]

## **ИНДИВИД В ПОЛИТИКЕ**

Конституционное значение индивидуальной политической активности предопределено общей ролью индивидуального начала в активности человека. Известно, что Л.Фейербах развитие индивидуального начала считал естественным результатом эволюции видов. Чем ниже вид, тем слабее и незначительнее различие между его составляющими, тем более безлична и малоценна индивидуальность, писал он. [140] Э.Фромм также думал, что политическая эволюция связана с развитием человеческого самосознания и процессом индивидуализации и что именно они привели к появлению у индивида чувства обособленности от других людей. Кроме того, как считает Д.Ролз, политическая культура современной цивилизации требует, чтобы каждый был индивидуально ответственен за интерпретацию принципов справедливости и собственное поведение в свете этих принципов. [141]

Ф.Шлегель писал, что стремление индивидов к обособлению развивается бесконечно, и что человек тем более совершенен, чем он более неповторим. У К.Кавелина общественное развитие основывается на "личном духовном развитии", которое он призывал всегда учитывать в государственных соображениях. В эволюции человеческого рода индивидуальное начало является определяющим для всего облика социальной среды, полагал Н.Бердяев. У него не среда создает человека, а человек создает окружающую его среду. В свою очередь, К.Поппер констатировал, что влияние индивидуального начала на общественные процессы постоянно возрастает. [142] Прогресс не унифицирует человеческую индивидуальность, если мы будем следить, чтобы технологии оставались подчиненными человеку, а не наоборот, писал также Э.Мунье. [143]

У Гегеля образованный, внутренне развивающийся индивид хочет сам быть во всем, что он делает. [144] Для А.Моруа гражданственность всегда предполагает личный кругозор, а

у А.Зиновьева человек всегда остается один, если решает быть человеком. В этом качестве его "не защитит никто", и он обязан надеяться только на себя. Д.Рисмен подчеркивал, что хотя ранее автономность индивидов во многом зависела от обладания ими средствами производства, сегодня влияние этого фактора в мире уменьшилось. Характер человека во все большей степени определяется его досугом, а автономность личности все больше зависит от ее участия в решении творческих задач.[145] Как отмечают исследователи, даже в Восточной Европе автономность индивидов уже не определяется в той степени, как прежде, их отношением к средствам производства. Кроме того, как известно, крайняя бедность делает человека столь же мало зависимым от внешних факторов, как и богатство. Так или иначе, в противостоянии индивида и общества оба эти субъекта выступают достаточно обособленными организмами. Если побеждает общество, индивид превращается в его функцию. Однако лучше, писал Н.Михайловский, чтобы индивид продолжал оставаться "высшей целью".[146]

Л.Эрхард думал, что совесть индивида невозможно сочетать с властью организаций и государства, что и объясняет, по его мнению, почему язык политических функционеров всегда лишен внутренней правдивости. Если общество воздействует на индивида сильнее, чем индивид на общество, это ведет к деградации культуры, говорил А.Швейцер. В основе цивилизации лежит правило о том, что индивид равен массе, писал А.де Сент-Экзюпери. У С.Лема подлинно человеческое действие всегда носит индивидуальный характер, ведь если действовать призваны все, то немногие откликнутся на призыв.[147]

М.Шелер, в свою очередь, считал, что "творческая диссоциация, а не ассоциация или синтез отдельных частей есть основной процесс развития жизни".[148] Поэтому индивидуализация личности в современном мире постоянно углубляется, противостоя обобществляющему напору средств массовой информации и общему духу конформизма.[149] Индивидуализмом, писал А.Богданов, пропитана вся нравственная философия прошлых веков, его началами проникнуты киренская, стоическая и эпикурейская философские школы. По мнению К.Поппера, философия индивида началась с Протагора, а у Сократа индивидуальный человек является уже самым важным. Именно из последнего тезиса возникает его совет к уважению других и самого себя. В целом как принято считать, если XVIII в. дал миру декларацию неотчуждаемых прав, то XIX в. принес с собой в общество осознание неповторимости индивидуальности. Поэтому не гармония, а антиномия личного и общественного, писал П.Новгородцев, стала характерным признаком наших дней. Характерно, что и у М.Хайдеггера новоевропейская концепция "гения" отражает новую метафизическую концепцию человека-субъекта.[150]

Б.Гаврилишин верховенство личности считает главной англосаксонской ценностью, а для Ж.Батая буржуазный индивидуализм закономерен в той же мере, как и феодальный иерархический порядок. Еще Ч.Беккариа писал, что "ни один человек не пожертвовал частью своей свободы единственно ради общего блага, - подобные химеры существуют только в романах. Напротив, всякий из нас желал бы, если бы это только было возможно, чтобы связывали других, но не нас; всякий видит в себе центр земных отношений".[151] Сходную констатацию мы обнаруживаем и у Д.Локка: "История сообщает нам о людях всех времен, и мой собственный опыт, поскольку я имел возможность наблюдать, подтверждает, что большинство людей предпочитают свою личную выгоду общей..."[152] Для В.Липинского эгоизм был конечной инстанцией всех дел человеческих, поэтому наилучшим он считал строй, где народные права охранены по мотивам эгоизма, а не любви, справедливости или обязанности.

Как писал В.Розанов: "Мне и одному хорошо, и со всеми. Я не одиночка и не общественник. Но когда я один - я полный, а когда со всеми - не полный. Одному мне все-

таки лучше".[153] Д.Писарев считал, что внедрение принципа личной выгоды в отправление общественной жизни наилучшим образом способствует справедливости. "Чем сильнее работает мысль в этом направлении, тем сознательнее становится стремление к личной выгоде, - тем искуснее и безобиднее производится полюбовное размежевание соприкасающихся интересов, - тем решительнее обнаруживается влияние просвещенного общественного мнения на все распоряжения практической власти, - и, следовательно, тем неотразимее оказывается преобладание великих нравственных принципов над мелким политическим расчетом. Все эти превосходные результаты достигаются не искоренением эгоизма а, напротив того, - систематическим превращением всех граждан, с первого до последнего, в совершенно последовательных и правильно рассчитывающих эгоистов".[154] Как доказывал Й.Шлаф, государство развивается, сохраняя высшую культуру, лишь будучи составленным из автономных индивидов. Ограничивать индивидуальность шаблоном - значит обессилить государственный организм.[155] У С.де Бовуар социальное служит индивиду, а не наоборот. Общественные же учреждения она оценивает лишь по результатам их действий в интересах индивидов.

П.Новгородцев доказывал, что право и государство должны освящать эгоизм и индивидуальные притязания на свободу. Ведь последние производны от эгоизма, покоясь на его признании. У К.Кавелина смешение личных и общественных идеалов ничего, кроме путаницы и хаоса, не дает. Личность не может существовать нравственно, если истинны лишь общие и отвлеченные законы, а конкретные чувства добра и зла, свободы воли, необходимости и случайности считаются не более, чем умственными миражами. Преклонение перед общественным началом развивает в детях лишь общий ум, знания и таланты. В сущности, так называемое общественное воспитание есть лишь "дрессировка для общества". Примечательно, что если эгоизм О.Уайльд считал формой насилия, то индивидуализм он относит к подлинным средством раскрытия личности в свободе бытия.

Наблюдения А.Адлера показывают, что жизнь человека пронизывает линия активности, лежащая в основе индивидуальности.[156] Политические же последствия этой закономерности проявляются в том, что индивидуалистические общества более устойчивы, более способны к обучению и более талантливы, чем общества массообразные.[157] Недаром у П.Кропоткина люди всегда лучше учреждений.[158] Кроме того, индивид обычно хорош и тем, что быстрее действует. По мнению Т.Котарбинского, действовать в подлинном смысле слова вообще могут лишь индивиды.

Для К.Юнга индивид есть единственная реальность. Отдаляясь от этой реальности в сторону идей о homo sapiens как таковом, мы впадаем в серьезное заблуждение. Наше время, писал он, требует знаний об индивидуальном человеческом начале, ибо слишком многое сегодня зависит от личных качеств автономного человека. Известно, что Г.Гессе испытывал ужас перед "оргиями коллективизма", утверждая, что смерть предпочтительнее для него коммунистической или фашистской диктатуры.[159] Поскольку человеческий вид, говорил В.фон Гумбольдт, поднимается в развитии лишь в индивидуальном качестве, постольку все установления, препятствующие индивидуальному прогрессу, особенно вредны.[160] Именно потому, что политическая эволюция требует все большего разнообразия, бегство предпринимателя в картели, поиск индивидом защиты в коллективе Л.Эрхард называл порочными и извращенными стремлениями. Даже сам способ выражать мысли общими понятиями он оценивал как "дурную привычку нашего времени".

Х.Ролстон III писал, что в человеческой истории признание достоинства индивидуальности всегда расширялось, вначале распространяясь на иностранцев, бродяг, детей и младенцев, а затем - на негров, евреев, рабов, женщин, заключенных в тюрьмах,

стариков, душевнобольных, калек и даже плод в утробе матери.[161] По мнению О.Уайльда, исторический Христос терпеть не мог унылых и тупых механистических социальных систем, в которых люди выступают подобно неодушевленным предметам, с которыми надлежит обращаться одинаково.[162]

С другой стороны, как заметил еще С.Милль, человеческой потребностью является и то, чтобы индивидуальные чувства находились в гармонии с чувствами других людей.[163] Ведь для защиты индивидуальных ценностей требуются все люди и самое страшное, что может ожидать человека в жизни - это быть заключенным в тюрьме, позабытым всеми.[164] Поэтому пользование личными правами предполагает существование общества и возможно лишь в рамках социальных институтов. По этому поводу у Аристотеля мы обнаруживаем хорошее сравнение: "Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне - к остальному экипажу".[165] У Х.Плеснера индивид представлен в виде структуры: живое в нем суть тело; в теле есть душа, или внутренняя жизнь; наконец, есть точка зрения вне тела, с позиций которой воспринимается как первое, так и второе. Именно в этом случае индивид для него является личностью (person).[166]

"Я" индивида всегда осознает свою связь с универсальным. "Разве наш дух или самость, или как можно его еще назвать, - спрашивал Л.Фейербах, - есть какое-то ничто, находящееся вне мира и движущееся в ничто? Разве сотканное нашим мозгом не имеет внутренней связи с великой тканью Вселенной? Разве именно в глубине нашей субъективности мы не свободны от границ субъективности? И не является ли дух самой сокровенной глубиной Вселенной? Не находимся ли мы в каждом акте жизнедеятельности в один и тот же момент в себе самих и вместе с тем вне нас? Разве во внешнем мире мы не в себе самих, в нашем внутреннем мире - в то же время не в реальном мире?"[167] По этому же поводу А.Сахаров писал: "Я думаю, что есть какой-то внутренний смысл в существовании Вселенной. Я... пантеист, наверное... или нет. Это что-то другое. Но внутренний смысл, нематериальный у Вселенной должен быть. Без этого скучно жить... Господь Бог просто синоним природы. Думаю, что не надо место человека толковать антропоцентристски. Может, или не может он стоять в центре Вселенной - человек сам должен доказать в дальнейшем".[168]

У Г.Моска в истории политики присутствуют, главным образом, две тенденции: аристократическая и демократическая, но ни одна из них не ведет к правлению масс, "поскольку это невозможно". В.Парето также был убежден, что люди всегда управляются элитой.[169] У А.Богданова же индивидуальная политическая активность производна не столько от принципа социальной иерархии, сколько вообще от человеческого "боевого отношения к среде". В свою очередь, Б.Чичерин думал, что "сложный и искусственный" конституционный порядок требует употребления утонченных способностей, которые "...не составляют отличительного признака демократии".[170] Творчески действует лишь элита, ибо "глубокие изменения происходят только в индивидах и через индивидов".[171] У Ж.-Ж.Руссо политическая власть всегда нуждается в индивидуальных усилиях. Ибо, как он писал, когда власть оказывается в одних руках, частная и корпоративная воля достигают той наивысшей степени силы, какая только возможна.

Как писал П.Сорокин, после исследований Д.Брайса, М.Острогорского, Г.Моска, Р.Митчела, П.Кропоткина, Г.Сореля, В.Парето, Д.Стивена, Г.Мэна, Г.Воласа и Ч.Мерриама следует признать, что количество людей, живо интересующихся политикой, невелико и будет оставаться таким всегда. Подлинно активны в политике обычно лишь два процента потенциальных участников. Политика вообще не должна поглощать сколько-нибудь значительные духовные силы и досуг народа, ибо она не является

занятием для большинства. Чем шире распространяется политика, тем более узким становится ее духовное пространство, считал А.Солженицин.[172]

В основе формирования профессиональных политических качеств лидера лежит борьба за престиж, говорил Г.Моска.[173] Постепенно выделившиеся из массы люди обособляются в правящий класс, приобретая групповой дух.[174] Именно так правительственная бюрократия становится замкнутым обществом в государстве. Тем не менее, правящее меньшинство состоит из различных в массе индивидов. При этом политическая активность данной разновидности людей, чаще всего, предстает перед нами как борьба за власть и позицию, ибо именно эти цели являются определяющими для профессиональных политиков. Социальные же цели политики в этом процессе обеспечиваются косвенно, подобно тому, как производство товаров является лишь косвенным фактором в производстве прибыли.[175] Именно поэтому в политических элитах "всеобщий интерес" представлен частным интересом, а политические профессионалы служат интересам своих сторонников лишь в той мере, в какой они служат также и себе, т.е. "тем более пунктуально, чем точнее их позиция в структуре политического поля совпадает с позицией их доверителей в структуре социального поля".[176]

Индивидуальная профессиональная политическая активность весьма неоднородна. По мнению Ж.-Ф.Ревеля, существует два вида политического элитизма: антидемократический элитизм самоизбранных элит и элитизм меритократии, основанный на экзаменах и соревновании. В.Парето подразделял политическую элиту на "лис" и "львов".[177] По наблюдениям же В.Розанова все члены российской Государственной Думы имели "лошадиную породу". Т.Заславская различала политические элиты по способу проникновения в них: а) на основе обучения и успеха; б) через группировки с круговой порукой.

Индивидуальную политическую активность в полной мере обычно приписывают лишь социальному истеблишменту. Для Т.Гоббса "политические служители" - это лица, которым суверен поручил известный круг дел с полномочиями представлять в них лицо государства.[178] Говоря о составе первичного политического истеблишмента, С.Токарев упоминает в нем предводителей, колдунов и членов тайных союзов.[179] Для П.-А.Гольбаха первыми политиками были государи, вожди, законодатели, монархи, уполномоченные и представители. У Р.Арона так называемые "вожаки масс" - это секретари профсоюзов, лидеры партий, парламентарии, депутаты, государственные служащие, директора предприятий, деятели интеллигенции, авторитет которых высок. В.Весоловский в этом же смысле выделял политическую роль членов и функционеров организаций, которые обладают определенными прерогативами.[180]

В свое время Т.Заславская различала в советской управленческой элите политических руководителей общества и ответственных работников аппарата управления. Политическими руководителями общества, по ее мнению, были члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, депутаты Верховного Совета СССР, руководители союзных министерств и ведомств, высший генералитет Советской Армии, крупнейшие дипломаты, партийные и советские руководители республик, областей, крупных городов и другие лица аналогичного ранга.[181]

Следует заметить, что против ожиданий профессия политика весьма редко оценивается как синекура. Сократ считал политику трудным делом, так как, по его мнению, люди, посвятившие себя политике, долго не живут. А.Моруа писал о политическом честолюбии, как о моральной неспособности прощать,[182] а Аристотель одну из граней политического гения называл "дейносом", скрывающим в себе нечто зловещее.[183]

Г. Моска писал, что у политических реформаторов цель всегда оправдывает средства, а Н. Шлемкевич - что высшие должности допускают изъятия из порядочности, ибо к герою и революционеру неприменим закон в его полной суровости.[184] И у М. Вебера "плебисцитарная демократия вождя" предполагает право силы, игнорирующее мораль.[185] Перед гениями политики, писал Б. Чичерин, народы склоняются безмолвно, и лишь тогда к ним возвращается самостоятельность суждения, когда роковые события делают очевидной для всех слабость их кумира.

По мнению А. Шлезингера, вожди действительно способны повернуть ход исторических событий к лучшему или худшему. Недаром такая политическая разновидность личности, как у исторического Иисуса Христа,[186] "путем чтения в себе самом" (Т. Гоббс) познает не только отдельного человека, но и весь человеческий род. К. Ясперс верил, что Александру Македонскому, Цезарю и Наполеону было действительно присуще инстинктивное понимание реальности, память, трудоспособность и уверенность в достижении целей своей власти, чем и объясняется их прижизненное возвеличение.

Для Р. Хиггинса политический гений совмещает в себе мужское и женское начало, не подчиняясь ни одному из них. Поэтому то обстоятельство, что ранние короли были правителями и священниками, мудрецами и реформаторами в одно и то же время, не должно нас удивлять. Политические лидеры крупного масштаба не являются марионетками классов или законов истории. Наоборот, это фигуры, чья деятельность действительно ускоряет или замедляет социальный прогресс.[187]

К.-А. Гельвеций верил в индивидуальную харизму, без обладания которой правителю не удастся заметить начало политической деградации. С другой стороны, писал Х. Ортега-и-Гассет, дальновидного политика часто понимают превратно. У Б. Рассела гении всегда новаторы, поэтому гениальность для него сопряжена с политикой органически.[188] Как полагал К.-А. Гельвеций, "умный человек никогда не бывает простым гражданином, но всегда настоящим государственным мужем".[189] Т. Кампанелла также связывал обладание высшими политическими постами с экстраординарными способностями. Примечательно, что такими способностями он считал не "рабскую память и труд", а высшую политическую гибкость и восприимчивость, способность к постижению самой сути вещей.[190]

Традиционно харизму принято считать способностью личности профессионального политика "излучать власть", добиваясь повиновения без приказов, угроз или подкупа. Харизматические личности у Э. Фромма - это "высокоразвитые индивиды", уже сам внешний облик которых красноречив. "Именно такими были великие учителя человечества; подобных индивидов, хотя и достигших не столь высокой степени совершенства, можно найти на всех уровнях образования и среди представителей самых разных культур".[191] По мнению З. Фрейда, лишь благодаря влиянию "образцовых индивидов" можно было склонить массы к напряженному труду и самоотречению, от которых обычно зависит существование культуры.

Х. Ортега-и-Гассет также считал, что политика нуждается в людях особых качеств. У М. Марешаля элита определяется не богатством, образованием или манерами, а духом и чувствами, а у В. Соловьева степень политического влияния определяется "внутренним достоинством" человека. Чтобы стать президентом, писала юная М. Башкирцева, недостаточно иметь талант, надо еще обладать особым темпераментом.[192] Только тот, кто способен мыслить и предусматривать, говорил Аристотель, есть настоящий властитель и господин.

В политической литературе и общественном мнении США весьма распространено убеждение, что доступ к политическим должностям должен быть открыт для способных и достойных, независимо от их социального происхождения. Ибо социальная роль и ценность личности, как принято считать в этой стране, определяются индивидуальной активностью.[193] Поэтому никакой специальной подготовки к выполнению политических функций быть не должно. Последнее даже нежелательно. С другой стороны, как считают некоторые, будущего политика может выявить лишь специальная система отбора.[194] У С.Мозма для управления страной требуется особый талант, не зависящий от общей талантливости.[195] У Сен-Симона политические функции должны выполнять люди науки, искусства и промышленности, а у Лао-Цзы к правителю предъявляется только то требование, чтобы он любил свой народ, пребывая в бездеятельности.[196]

Р.Арон считал, что чиновник и политический деятель соотносятся между собой, как профессионал и дилетант. В политике закономерно, чтобы профессионалами управляли дилетанты. Поэтому политик не должен быть экспертом в области, за которую он несет ответственность. Более же существенны для политика общая культура и ум. В.Липинский писал, что политик, как и "куртизан", не нуждается в профессиональной подготовке, ибо главное для них обоих - это умение нравиться.

К.Поппер писал, что Л.Нельсон был настоящим политическим профессионалом, ибо ему обычно удавалось отыскивать и привлекать верных его делу мужчин и женщин, преодолевавших затем совместно любые испытания и искушения. Даже совершая многие ошибки, Ф.Рузвельт не подрывал своего авторитета, ибо люди верили, что его сердце на правильном месте, он пытался...[197] П.Нунен писала о Р.Рейгане, которому она помогала составлять речи: "Вот он, за своим столом, поворачивается ко мне - крупный, высокого роста, лучащийся приветливостью человек, одетый в безупречный костюм, кожа лица мягкая, розовая, гладкая. Он встретился со мной взглядом и подмигнул. ...Он подошел ко мне и взял меня за руку. Нет ничего более странного, но это правда - в его присутствии невозможно не чувствовать себя спокойно. Он ведет себя так, как будто ему здорово повезло, что он встретился с вами".[198] У Г.Видала есть характерная литературная ретроспектива: "Грант (генерал У.Грант, 18-й президент США - В.Р.) - сплошная загадка. Всегда обиженное лицо и в то же время уверенный голос, быстрые, умные глаза, одновременно притягивающие и отталкивающие, - несомненная печать военного гения, который почему-то не превратился в политический, как должно было произойти..."[199]

Отсутствие харизмы также всегда очевидно. Как вспоминала М.Кшесинская о царе Николае II: "Для меня было ясно, что у Наследника не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нельзя сказать, что он был бесхарактерен. Нет, у него был характер, но не было чего-то, чтобы заставить других подчиниться своей воле. Первый его импульс был всегда правильным, но он не умел настаивать на своем и очень часто уступал".[200] О политической недостаточности еще одной исторической личности А.Перрюшо писал: "На Елисейский дворец! Да здравствует Буланже! Но вождь, этот самец, разбудивший женский инстинкт толпы, тот, кто посеял все это безумие, оказался на поверку кем-то вроде опереточного героя".[201]

В одном из своих писем к Ф.Кастро Н.Хрущев замечает: "Мы, политические и государственные деятели, являемся руководителями народа, который не все знает и не может сразу охватить все то, что должны постигать руководители. Поэтому мы обязаны вести за собой народ, тогда народ пойдет за нами и будет уважать нас".[202] Как известно, у Платона государством должны править философы. И у Аристотеля рассудительность есть признак, отличающий политика от обычного человека, хотя в остальном они могут

быть похожи. А.Уайтхед думал, что для управления обществом в наибольшей степени подходит философское мировоззрение, а К.-А.Гельвеций - что философы особенно пригодны для политики, ибо они мыслят широко, не образуют корпораций и чужды личным влияниям. М.Льоса считал полезным осмысливать политические проблемы с культурных и этических позиций,[203] а Д.Брайс доказывал, что хорошая политика нуждается в справедливости не в меньшей степени, чем в интеллекте.[204]

М.Борн думал, что для политики подходят ученые, которые, как правило, не догматичны, а потому лучше подготовлены обсуждать спорные вопросы, чем люди неискушенные в праве, классических языках или литературе. Искусство создания и сохранения государств, подобно арифметике и геометрии, основано на известных правилах, считал Т.Гоббс. Для познания же правил политики обычным людям не хватает досуга, любознательности и метода. В свое время В.Одоевский мечтал о создании в России "училища государственных людей", в которое бы принимались "отличнейшие ученики" из других заведений.[205] Характерно, что в советской политической литературе времен тоталитаризма вместо поиска особо одаренных индивидов предлагалось воспитывать таланты в обычной социальной среде.[206]

Говоря о характерных системных признаках политической элиты, Г.Честертон особо подчеркивал "благодущие и вежливость". Поэтому Оксфорд для политиков, как он считал, является не столько мировоззренческим источником, сколько гарантом против превращения их в "специалистов" или тиранов. Для М.Йодла правление элиты - это правление интеллигенции. Цивилизацию может постигнуть лишь тот, кто сам цивилизован, писал А.Уайтхед. Ведь обычно уровень образованности определяет уровень решений.[207] По свидетельству Н.Берберовой, в среде русской эмиграции 1920-1930 гг. во Франции была популярна идея о том, что политика - это занятие не для дилетантов, ибо дилетанты плохие идеологи, а без идеологии политика невозможна.[208] Гегель же по этому поводу писал: "Деятельность государства связана с индивидами, однако они правомочны вести дела государства не в силу своего природного бытия, а в силу своих объективных качеств. Способность, умение, характер относятся к особенности индивида: он должен получить соответствующее воспитание и подготовку к особому делу".[209]

В целом требования к профессиональным качествам политиков очень варьируют. М.Вебер считал, что ими являются страсть, чувство ответственности и глазомер.[210] Б.Чичерин думал, что это высшее сознание и единство воли. Р.Медведев писал о необходимой способности политика бороться за власть и влияние,[211] а А.Уайтхед - о его таланте не быть неизменной личностью с фиксированными обязанностями. Д.Кеннеди считал, что мировые проблемы не могут решаться скептиками или циниками, горизонт которых ограничен,[212] а К.Медичи, как говорят, однажды заметил, что нельзя управлять государством с четками в руках. П.Шлютер высказывался против допуска пессимистов на руководящие посты,[213] а А.Уайтхед не верил, что в политике преуспеют бесплодные скептики или нетерпимые любители свободы. В.Гавел верил, что для политика мир потерян лишь в той степени, в какой потерян он сам,[214] а О.Уэллс, в свою очередь, боялся, что в политику придут фанатики, которым захочется унифицировать личность.[215] В.Аксенов политически полезными считал чувство юмора и самоиронию, а В.фон Гумбольдт высоко оценивал способность политика сохранять "своеобразие силы".

А.Богданов считал полезным формировать команду политических единомышленников из людей разных качеств, что позволяло бы использовать одновременно, как их достоинства, так и недостатки. В.И.Ленин по этому же поводу писал, что "...более всего было бы нежелательным, если бы... наркомат был составлен по одному шаблону, допустим, из типа людей характера чиновников, или с исключением людей характера агитаторов, или с



исключением людей, отличительным свойством которых является общительность или способность проникать в круги, не особенно обычные для такого рода работников и т.д." [216]

Эти, равно как и другие примеры показывают, что отбор политических лидеров не может быть основан на тестовой системе, ибо для политика существенны не столько отдельные качества, сколько способ их сочетания. А.Битов однажды заметил, что лучшие кинорежиссеры формируются из людей всесторонне, но умеренно одаренных. Хороший режиссер - это сценарист, актер, оператор, костюмер и осветитель в одном и том же лице. Неудивительно поэтому, что и в политике, весьма похожей на социальную режиссуру, сильными могут оказаться гармоничные посредственности.

В своей автобиографии С.Мозэм как-то заметил: "Мы должны радоваться, когда те, кто пригоден управлять страной, будучи к этому призваны, соглашаются возложить на себя это бремя; более того, мы должны быть им глубоко признательны за то, что они согласны и что у них хватает терпения управлять и жить на виду. Посему надо считать большим счастьем для мира, что некоторые люди как бы рождены для этого и что привычка делает для них этот труд легким или, по крайней мере, выносимым". [217] Б.Данем, в свою очередь, считал, что бремя власти лидера столь тяжело, а риск, на который ему приходится идти, столь велик, что просто удивительно, как находятся люди, готовые взять на себя такую ответственность. В свою очередь, С.де Бовуар писала, что великие люди - это именно те, кто взвалил на свои плечи тяжесть мира. Кто-то из них несет свою ношу уверенно, кто-то должным образом не подумал, но важно, что они взяли на себя это бремя. [218] Не стоит удивляться, что обычно эта решимость как-то компенсируется. Как заметил В.Парето, громадные преимущества справедливым образом предназначаются для высших способностей.

Профессиональная политическая активность не лишена парадоксов. Как писал Д.Фрэнгер, на определенной ступени общественного развития высшая власть попадает в руки людей наиболее проницательных и наименее разборчивых в средствах. Но если бросить на одну чашу весов вред, причиняемый обычно их плутовством, а на другую - выгоды от их прозорливости, то может оказаться, что хорошее перевесит плохое. В политическом мире больше бед натворили честные глупцы, чем умные мошенники. [219] К сожалению, сетовал Ф.Дайсон, из гениальных людей не получаются хорошие политики, редким исключением был М.Ганди. По свидетельству же К.-А.Гельвеция, только в юности позволительно питать иллюзии относительно личных качеств выдающихся политиков. Очень часто люди управляются "наиболее глупыми" из их среды. К.Поппер считал, что правители редко превосходят средний нравственный и умственный уровень, а М.Бакунин - что в правящих сферах преобладает посредственность, торжествуют пороки и насилие. [220]

К.-А.Гельвеций считал, что для занятия политических должностей полезен лишь ум, по своей силе точно адекватный должности. Невостребованный же должностью ум порождает фанатизм. О.Конт не доверял политикам-философам, полагая, что трезвое благоразумие в политике полезнее глубокомысленной гениальности. Политические и общественные дела, писал Ф.Ницше, не стоят того, чтобы ими занимались наиболее одаренные. У Ф.Хайека политическому лидеру надлежит выяснять мнение большинства, а не предлагать идеи, которые население сможет постигнуть лишь только в отдаленном будущем. [221]

В.Тендряков писал, что политический деятель, работая в русле текущих проблем, не может позволить себе ждать десятилетиями, чтобы его поняли. Именно поэтому он

прибегает к общепризнанным шаблонам и элементарным понятиям.[222] Ведь обычно все, что говорится людям, действует лишь тогда, когда обращенные к массам идеи лишь незначительно опережает теоретический уровень слушателей. Лучше всего, когда такие слушатели думают: на самом деле я сам должен был догадаться.[223] Государственный лидер, писал Л.Баткин, нуждается в умеренной линии, выражающей равнодействующую общественных сил и настроений. Поэтому ответственный руководитель - это центрист по определению. Возможно, что именно поэтому, как признавал Х.Ортега-и-Гассет, знаменитыми политиками становятся люди недалекие.

Настоящий политический лидер всегда поддерживает равновесие между своими единомышленниками, партией и населением. Лишь тогда он сходит с политической сцены достойно. У С.Милля демократически избранный деятель посредствен по определению, ведь большинство попросту не смогло бы поддержать аристократа. Тем не менее, избранный руководитель предпочтительнее неизбранного, который всегда является либо еще более унылой посредственностью, либо тираном, пестующим народ, как пастух овец.[224] Действия лидера должны соответствовать национальному характеру, считал Е.Вятр. В любом случае лев, как писал А.Зиновьев, не сможет стать предводителем крыс.

Из рассуждений Ж.-Ж.Руссо следует, что главный талант правителей состоит в умении скрывать свою власть, делая ее тем самым менее отталкивающей. Управлять государством следует мягко, чтобы казалось, будто оно и не нуждается в руководителях. Д.Уинстенли считал политиков слугами, отобранными обществом на специальную работу и в определенное время.[225] И для Морелли политические руководители не имеют иной власти и прав, кроме тех, которые требуются им для укрепления общества. Поэтому у них не должно быть преимуществ перед ординарными гражданами.[226] Ф.Хайек считал, что в законодательный орган следует выбирать людей, которые хорошо проявили себя в обычных житейских делах.[227] Н.Бердяев же, однако, полагал, что политический дар предполагает духовные борения и мучения, неведомые обывателю. По мнению А.Шульгина, политика вообще нуждается в сильном моральном начале, и если его нет у лидера, то она грозит гибелью, развалом и катастрофой.[228]

Признавая, что на определенном историческом этапе развития буржуазных отношений политика перестала быть неким священным таинством, К.Маркс писал: "Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление - это какие-то тайны, какие-то трансцендентные функции, которые могут быть доверены только обученной касте, состоящей из государственных паразитов, щедро оплачиваемых сикофантов и любителей синекур, касте, впитывающей в себя образованные элементы масс - на высоких постах и направляющей их против самих же масс - на низших ступенях иерархической лестницы".[229] В свою очередь, К.Поппер также был убежден, что будущая цивилизация выживет лишь при условии, что мир прекратит поклоняться великим. По мнению М.Джиласа, крупный государственный деятель - это тот, кто умеет соединять идеи с реальностью, сохраняя верность основным моральным ценностям. Для В.Гавела прирожденный политик - это человек со вкусом. Если некто скромнее и не рвется к власти, это не значит, что в политику ему путь заказан, говорил он. Напротив, именно там его место.[230]

Кроме того, сегодня почти общепризнанным стало убеждение, что в особые исторические моменты лучшую политику делают непрофессионалы.[231] Р.Рейган начинал карьеру на лодочной станции, Г.Коль работал грузчиком, а Л.Валенса - электриком на судовой верфи. И хотя З.Черниловский и писал, что политике нужны неординарно мыслящие интеллектуалы, из этого автоматически не вытекает политическая дискриминация человека от станка.[232]

Разумеется, при всем своем демократизме образцовый политик может оставаться неординарной личностью. Как писал К.Ясперс, одаренный политик иногда действует, не считаясь с волей масс, но если этот тип людей будет устранен из политики, то истории наступит конец, которого мы не можем себе пока и представить. Поэтому у Д.Шумпетера политик должен избираться на свой пост как оригинальная личность, которую избиратели не могут и не должны инструктировать. Как известно, данный принцип в политической теории и сегодня все еще весьма устойчив.[233]

Из изложенного, как представляется, следуют определенные выводы. Первый из них тот, что индивидуальная (профессиональная) политическая активность развивалась эволюционно. Она начиналась отправлением неких сакральных функций, а сегодня предстает перед нами как выполнение строго очерченных конституционными нормами прерогатив служебного, по отношению к суверенитету народа, характера. Сегодня профессиональная политическая деятельность рассматривается как почетное обременение, требующее определенных индивидуальных качеств. И хотя политический талант может быть обнаружен в любой социальной среде, его свойства обычно не наследуются, оставаясь врожденными.

Все чаще в политике преуспевает человек из обычной социальной среды. При этом политические герои, еретики, маверики и диссиденты оцениваются, если не своими современниками, то судом истории достаточно высоко. Еще Д.Локк обращал внимание на пристрастие одних людей к общепринятым, а других - к оригинальным воззрениям. Именно оригинальные воззрения часто делают политиков популярными. Как писал К.Поппер, подлинно значимыми человеческие отношения становятся в иррациональном царстве неповторимой индивидуальности, и многое в судьбах людей будет разрушено, если они сами и их жизнь перестанут быть уникальными.[234] Человек обычно деградирует, ориентируясь лишь на тех, кто мыслит как все, поэтому политическому либерализму противостоит сегодня не столько некое гражданское большинство, сколько единодушие, которое в большинстве людей весьма часто неосознанно присутствует. Между тем, как считал А.Адлер, человеческую жизнь пронизывает линия активности, лежащая в основе индивидуальности, пусть даже проявления последней и не всегда характеризуются здравым смыслом.[235]

Известно, что Э.Фромм преданных индивидуальному началу людей считал истинными героями, без которых человечество до сих пор жило бы в пещерах.[236] Оригинальные личности воспринимают окружающее иначе, чем массы. Поэтому нешаблонно мыслящий человек легко может стать "врагом для всех".[237] Как писал по этому поводу А.Пятигорский: "Боже, что с этими талантливыми делают! Их мучают в застенках, производят в командармы, посылают получать первые премии на международные конкурсы... Но их всегда унижают, унижают больше даже, чем бьют. И чем больше их унижают, тем глуше становится их беспамятность о самих себе и тем окончательнее - их самососредоточенность, их почти научная по фактической тщательности, регистрация обид, болей и переживаний".[238]

Как считал К.Ясперс, физическое уничтожение выдающихся людей является в истории политики весьма распространенным. Великое в исторических событиях часто гибнет, а незначительное продолжает жить. С нонконформистом всегда обращаются как с чужаком, а в замкнутых социальных группах его жестоко выживают. Оригинальное мышление пугает людей, и невозможно сосчитать, как много выстрадали одаренные умы, считавшиеся в свое время опасными, писал Ф.Ницше. "Советский гуманизм", вспоминал Э.Рязанов, отправлял в психиатрические лечебницы и высылал из страны деятелей

культуры просто за инакомыслие.[239] Недаром у Н.Бердяева всякая система социального монизма враждебна человеческому духу.

Учитывая данные закономерности и факты, в конституциях посттоталитарных стран представляется полезным закрепить право человека (гражданина) на неконформное поведение, как гарантию его автономного статуса не только по отношению к государству, но также и по отношению к любому ассоциативно организованному коллективу. Это право, возможно, служило бы социальному прогрессу больше, чем стабильности, но именно социальная динамика и прогресс соответствуют органическим конституционным приоритетам. Такое право полезно было бы дополнить полным запретом каких-либо дискреционных полномочий для всех государственных должностных лиц. Что же касается императивного мандата для народных депутатов (парламентариев), то многими посттоталитарными конституциями он обоснованно запрещен. Как записано в ст. 67 Конституции Болгарии 1991 г., народные избранники представляют не только своих избирателей, но и весь народ. Возложение на них императивного мандата недействительно. Послы являются представителями народа, поэтому инструкции избирателей их не связывают, гласит ст. 104 Конституции Польши 1997 г. Эта же норма касается и сенаторов.

Кроме того, в контексте данной темы, полезным могло бы оказаться и закрепление конституционной нормы о том, что при замещении политических постов профессиональные требования к кандидатам не предъявляются.

Как оказалось на поверку, писал М.Фридман, капиталистические общества проявили себя менее стяжательскими, чем общества коллективистские. Поэтому настоящие эксплуататоры сегодня - это организации, чья власть основана на коллективизме и групповой лояльности. Если это так, то всякому обществу, желающему быстро прогрессировать, необходимы правила, защищающие индивидов от давления групп. В свое время В.Гавел писал, что внутренними основаниями политических акций диссидента были мораль и экзистенция. Первоначально все, что делал диссидент, он делал исключительно для себя. И только затем последовал политический мотив, смутная надежда, что его действия окажутся полезными для чего-то в целом.[240] Всем известно, как основательно тоталитаризм запечатлел себя в бетоне и бронзе. Поэтому инициатива И.Корецкого о возведении в посттоталитарных странах памятников инакомыслию и сегодня кажется не лишенной морального и политического смысла.[241]

Апология индивидуальности не есть возвеличение "человека, который перестал принимать во внимание другую личность", - писал Ж.Батай. Человек не более социален, чем общество индивидуалистично, а их обязательства взаимны. Однако личности обычно труднее сопротивляться диктату общественного мнения, чем наоборот.[242] Поэтому именно индивидуальная позиция нуждается, в первую очередь, в конституционной поддержке. Как известно, личные конституционные права охраняют неотчуждаемую часть индивидуальности человека. Сегодня даже большинству нетрудно согласиться, что индивид должен обладать свободой мысли, совести и передвижения. Несколько труднее на конституционном уровне признать независимые моральные предпочтения. Тем не менее, доверие к проявлениям индивидуального начала в конституциях возрастает, так что, возможно, когда-нибудь мы скажем: политика не там, где миллионы. Политика там, где проявляет себя свободный и независимый индивид. Не случайно лозунг современного либерализма гласит, что именно личность является политической.[243]

## **МАССОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ**

Массовая политическая активность своими истоками уходит в историю демократии. По отношению к интеллектуальной теоретической активности массовая политическая активность занимает, по-видимому, такое же место, какое физическая реальность занимает по отношению к парадигмам естественных наук. Однако основное отличие массовой политической активности от политической активности иных форм, главным образом, организационное. Как писал Т. де Шарден, в отдаленном прошлом наши предки предстают перед нами группами, вокруг огня. Но едва ли это были те самые "массы", о которых Х.Арендт писала как о совокупностях людей, не имеющих общих интересов.[244]

Термином "массы" в политическом смысле часто называют население, народ или нацию. Этим словом иногда определяются избиратели, участники референдумов, политических движений, группы людей на митингах, иные непрофессиональные участники политического процесса. И хотя современные конституции, как правило, не используют понятия масс, многие конституционные механизмы рассчитаны на действие именно этого субъекта политической активности.

Как известно, у Ж.-Ж.Руссо подданный и суверен объединяются в понятии гражданина,[245] а у П.-А.Гольбаха члены общества объединены в народ.[246] Народ, завоевавший себе политическую свободу, выступает уже как "сверхличность",[247] так что не удивительно, писал Б.Рассел, что у Ж.-Ж.Руссо "верховная власть" представляет все общество в его законодательной правоспособности.

Говоря о политическом развитии идеи народа, следует признать, что конструкция "народа-личности" далеко не всегда выступала лишь политической метафорой. Приводя свидетельства М.Мусоргского ("для меня народ - одна великая личность") а также Н.Бердяева, М.Лосского, Л.Карсавина, И.Гербера, В.фон Гумбольдта, профессор Ю.Каныгин доказывал, что "личность массы" имеет сознание, память, центральный процессор, логику и другие атрибуты интеллекта.[248] Все это, по его мнению, позволяет говорить о психике, воле, сознании, памяти, разуме масс. Поскольку структурно и функционально центральная нервная система человека, и "центральный процессор" общества подобны, политическая роль масс проявляется, вопреки ожиданиям марксистов, не столько в классовой борьбе, сколько в творческих умственных усилиях. Социальный разум и социальная глупость, по мнению Ю.Каныгина, объективны в том смысле, что связаны не с умом и знаниями индивидов, а со структурами и механизмами социального общения. Характерно, что уже в конце XVIII в. попытки психоанализа выйти за пределы индивида, сделав предметом своего исследования общество, народ или даже человечество в целом, становятся весьма распространенными.[249]

Постепенно политическая активность масс стала признаваться не только на уровне идеи полновластия народа, поддержанной политическими мыслителями еще в XVII - XVIII вв., но также и на уровне права народа на демократическое содержание конституции.[250]

Характерно, что если у К.-А.Гельвеция счастье общества проистекает, главным образом, из способа распределения власти между сословиями, то у А.Богданова интерес к политике проявляется в области слитных действий масс. Этот интерес он оправдывает органически коллективным масштабом и способом общественной жизни. Из этого также следует, что судьба общества не должна излишне зависеть от качеств какого-либо отдельно взятого интеллекта. Мнение общества существует, и оно всемогуще, писал А.Моруа. И с этим нельзя не считаться.

Народ, утверждал Г.Гессе, не может и не должен быть управляемым или насилуемым объектом. Наоборот, он обязан быть правомочным и ответственным субъектом.[251] Постоянное возрастание политической роли и значения масс К.Маркс и Ф.Энгельс считали всемирной тенденцией. По их мнению, вместе с основательностью исторического процесса растет и объем массы, делом которой он является.[252] Ф.Энгельс считал, что массы должны знать, за что они политически сражаются, жертвуя иногда своей жизнью.[253] а В.И.Ленин говорил, что при несознательных и нерешительных массах политические изменения в любой стране невозможны.[254] Единственной реальной гарантией политических перемен у него была революционная энергия масс.[255] Чем более трудна и ответственна историческая задача, говорил он, тем большим должно быть число людей, решающих ее самостоятельно.[256] Не случайно у В.И.Ленина "меньше миллионов" в политике не считается.[257]

В свою очередь, как надеялся Л.Мэмфорд, политическая активность масс может эффективно противостоять управлению научно-промышленной элиты. Только массовая политическая активность способна обуздать дух капитана Ахава из "Моби Дика" Г.Мелвилла - метафору политического могущества, средства которого "полностью рациональны, но конечные цели безумны". Активность масс у Л.Мэмфорда противопоставляет власти мегамашины, не имеющей морального основания. С этой точки зрения народные референдумы следовало бы трактовать как способы проверки изолированных построений политического интеллекта чувством и интуицией простых людей. И хотя понятно, что массовая политическая активность не заменит работы экспертов из RAND Corporation или сверхмощных ЭВМ, в предчувствиях своего предназначения, писал еще Ш.Фурье, народ является лучшим судьей, чем ученые.[258] Недаром в России Г.Федотов верил, что в будущем в известном смысле "народ весь будет интеллигенцией".[259]

По мнению З.Бжезинского, массовая политическая активность важна еще и как проявление инстинктивного национального вдохновения, без которого народы не обретают могущества.[260] Поскольку людей недопустимо принудительно тащить к счастью, постольку массы не должны служить фоном для деятельности отдельных политиков. По мнению Ю.Хабермаса, общественные дискурсы могут быть эффективны лишь при условии широкого децентрализованного политического участия. Недаром массы исторически первыми противостояли деспотизму королей, средневекового духовенства и аристократии. Сегодня же политические усилия масс проявляются в борьбе за императивы, порождаемые плюралистической, сложно дифференцированной политической системой.[261]

В позитивном смысле масса есть народ, структурированное субстанциональное качественное множество, обладающее собственной уникальной атмосферой, традициями и почвой, говорил К.Ясперс. В негативном же смысле масса количественна, однородна и примитивна.[262] О.Шахназаров писал, что политическая роль масс возрастает лишь в меру увеличения в ее среде личностной идентификации.[263] У Н.Винера похожие на муравейник тоталитарные общества противны природе человека, ибо на самом деле человеческой массе присуще внутреннее разнообразие. По его мнению, "разнообразие и возможность" (так в тексте - В.Р.) свойственны всей структуре общественного организма.[264] Внутренне дисперсной считал массу и А.Пятигорский. Протестуя против национальных, классовых, возрастных, политических, сексуальных, религиозных и иных коллективных идентификаций, А.Пятигорский называл их способами, посредством которых "объективные идиоты всех стран" политически утверждают себя.[265]

Поэтому нет ничего удивительного в том, что массовая политическая активность в теории очень часто характеризуется негативно. Г.Мабли считал массы политически

безразличными, а Н.Бердяев писал, что массы нуждаются в усовершенствовании. Д.Вашингтон говорил, что народные устремления весьма часто оказываются чуждыми глубокому опыту, и только лишь в великие моменты способны проявить себя.[266] А.Уайтхед считал массы интеллектуально инертными, но восприимчивыми к "мечтам поколений", а у А.Зиновьева народные массы склонны к заблуждениям и сенсациям. Ведь уровень понимания масс всегда обратно пропорционален количеству понимающих.[267] Разум и характер широких масс, писал А.Эйнштейн, несопоставимо более низок, чем разум и характер тех немногих, кто действительно создает человеческие ценности.[268]

Наука, писал Р.Лившиц, трудно сочетается с политикой, ибо теоретические решения редко совпадают с мнением большинства.[269] Для Е.Шацкого массы всегда иррациональны, несмотря на свою общеизвестную веру в шаблонный рационализм. Поэтому для политической ориентации массам обычно нужны авторитеты, символы и атрибуты культа. Д.Мэдисон не верил в философские способности народа, а Ч.Милош не советовал злорадствовать по поводу тупости масс, которым вообще не свойственно размышлять о газовых камерах, концентрационных лагерях, Хиросиме и Нагасаки, американских Кадиллаках и немецких Мерседесах, Пентагоне, Кремле, атомных городах и китайских коммунах, Кубе, промывании мозгов и кровопролитиях.[270]

По мнению Ф.Хайека, люди в группах действуют обычно не в лучшем соответствии со своими познаниями, подчиняясь моральным нормам ничуть не в большей степени, чем индивиды.[271] Как считает М.Янков, мнение большинства слишком часто противоречит тем общественным интересам, которые лучше понимает меньшинство. Поверхностное восприятие проблем типично для "человека-массы", говорил Х.Ортега-и-Гассет. В свою очередь, как доказывал У.Липман, политические суждения масс нерациональны, эмоциональны и обычно не поспевают за быстрым ходом событий. Однако иррациональные ориентации масс дают индивидам в социальной среде иллюзию безопасности и стабильности.[272]

Б.Данем подчеркивал консерватизм масс, с трудом отказывающихся от ошибочного, но привычного, а И.Берлин - их традиционную ослепленность и неуправляемость, пусть и облаченную в покровы идей.[273] Ж.Батай в этом же смысле подчеркивает описание М.Прустом "отвратительных придурков" - депутатов большинства - ироничных, тупых и далеких от справедливости.[274] Для О.де Бальзака не было в политическом смысле чего-либо худшего, чем безответственное и тираническое правление масс, а для Т.Дезами тирания народной власти была худшей из тираний, ибо, как он писал: "Чем шире избирательные права, тем тяжелее становится цепь для эксплуатируемого: вместо одного хозяина у него их тысяча".[275] По мнению Б.Чичерина, деспотизм масс, от которого нет спасения, политически невыносим. Поэтому общественное мнение для Б.Чичерина не самодержец, а тиран.

Н.Бердяев писал, что в господстве общественности над индивидом есть нечто кошмарное. Ведь именно здесь подлинные ценности личности подменяются псевдоценностями общественности. "Социологизм" для Н.Бердяева есть позитивизм. Примечательно, что о политиках послевоенной Европы А.Швейцер писал в том смысле, что их подлинной политической целью было не допустить... "торжества победоносной народной воли".[276] В сущности, нет ничего удивительного в том, что террор Робеспьера стал прямым следствием философии народного суверенитета, доведенной до своего логического предела.[277] По мнению М.Мариновича, народ, желающий иметь хороших политиков, должен сам научиться мыслить политически. В стихийном же состоянии массы обычно ригористичны и авторитарны в вопросах свободы слова и privacy.

Еще Д.Локк считал, что маршировать с толпой значит поддаваться иллюзии "правильности". Правило: "Vox Populi - Vox Dei" популярно, писал он, но я не могу припомнить случая, чтобы Бог возвещал свои заповеди устами толпы, а природа свои истины - криками стада.[278] Как признавал Ж.-Ж.Руссо, народ хоть и стремится к благу, но обычно не ведает, в чем оно. По мнению же М.Бакунина, от имени народа обычно вещает лишь узурпатор.[279]

Массы сами не размышляют, полагал П.Чаадаев, и лишь философы способны привести сознание нации в движение. Характерно, что и у Д.Мережковского "за большинством, теперь господствующим (то есть за большинством капиталистического мещанства) стоит еще большее большинство кандидатов на него (то есть пролетариата), для которых нравы, понятия, образ жизни мещанства - единственная цель стремлений; их хватит на десять перемен. Мир безземельный, мир городского пролетариата не имеет другого пути спасения и весь пройдет мещанством, которое в наших глазах отстало, а в глазах полевого населения и пролетариев представляет образованность и развитие".[280]

Конечно, существуют массы и массы. Недаром Ф.Энгельс писал Э.Бернштейну, что понятие демократии изменяется вместе с изменением понятия демос.[281] Народная же стихия лишь инстинктивно чувствует свое положение, проявляя себя, главным образом, в шумных демонстрациях.[282] У В.И.Ленина переутомившиеся массы поддаются далеко не передовым настроениям, поэтому, как он говорил "...не всем указаниям массы мы подчинимся".[283]

У нас есть идеализация масс, признавал в период советской перестройки Н.Эйдельман. Но ведь бывает и так, писал он далее, что власть лучше общества.[284] Как не привычно для нас клише, писал Н.Попов, что народ всегда прав, сегодня мы знаем, что и народы могут ошибаться.[285] Обычно лишь тонкий слой населения можно считать политически активным. Однако, если поинтересоваться у населения знанием существующих в обществе политических позиций, то лишь микроскопическая часть граждан сможет быть квалифицирована как активная.[286] Поскольку массовая популярность не делает идеи истинными, мнение большинства вовсе не обязательно должно лежать в основе законов.[287]

Ничто так радикально не отличает современные массы от их предшественников, писала Х.Арендт, как потеря ими веры в Страшный суд. Худшие потеряли сегодня свой страх, лучшие - надежду.[288] У М.Вебера массовое политическое сознание сервильно и ориентировано на мнения власть имущих. Поэтому легитимность власти для него всегда иллюзорна.[289] В свою очередь, Ф.Ницше сожалел, что масса "неизлечимо посредственных" людей всегда лишена самоиронии. Как он с сожалением констатировал: "Наступило время масс: они перед всем массовым ползают на брюхе".[ 290]

По мнению Г.Померанца, исторический процесс способен выбить народ из колеи, породив массовые чувства беспомощности, потерянности и страха. И именно тогда может возникнуть эффект панургова стада, бегущего в пропасть за обезумевшим вожаком. Социальный иммунитет масс накапливается медленно, а политические сдвиги в государстве и обществе происходят быстро, поэтому либеральный по своей жизненной философии творческий слой в почти любой стране может быть смыт социальным взрывом.[291] Примечательно, что Э.Ионеско быстрю перемен общественных настроений в подобной ситуации сравнивал с эпидемией, в которой мещане мгновенно становятся фанатиками, а философы и журналисты пишут об "истинно историческом моменте".[292]



Как считают социологи, масса - это ситуативно возникающая социальная общность, вероятностная по природе, гетерогенная по составу и статистическая по формам функционирования.[293] У К.Ясперса эффект массы возникает и исчезает внезапно. Будучи объектом пропаганды и внушения, масса не знает ответственности и живет на самом низком уровне сознания. О массе-толпе Х.Ортега-и-Гассет писал как о бездушном, механистичном, овеществленном, дегуманизированном и иррациональном создании. Гегель этот же феномен называл чернью, для которой бедность умонастроения и внутреннее возмущение против богатых, общества и правительства особенно характерны. Власть черни, по наблюдению О.Уайльда, слепа, глуха, отвратительна, абсурдна, трагична, смешна, опасна и бесстыдна.

Г.Лебон писал, что толпа всегда иррациональна, в высшей степени подчинена эмоциям, догматична и нетерпима. Ее поведение грубо, а интеллектуальные функции элементарны. Поэтому политические решения толпы, как правило, отрицательны и вредны. У А.де Сент-Экзюпери толпа деятельна, но непоследовательна. И если плохо, когда индивид подавляет толпу, то еще хуже подавление толпой индивида. У Г.Гувера толпа легковерна, разрушительна, агрессивна и несозидательна,[294] а у В.Соловьева она хоть и способна на добрые порывы, однако, груба, мелочна и инстинктивна.

"Существует ли что-нибудь столь нечестивое, столь безбожное, столь противоречащее всякому праву, божественному и человеческому, - писал Д.Локк, - к чему когда-нибудь не призывала безумная толпа в своем согласии или - лучше - сговоре? Мы знаем, что это приводило к разграблению храмов божьих, к безудержной дерзости и гнусности, к попранию законов, к низвержению монархов".[295] Недаром герой О.Хаксли говорит, что толпа не более гуманна, чем горная лавина или ураган, а людская чернь на шкале моральных и умственных достоинств стоит ниже шакалов.[296] Для М.Кундеры чернь и подонки - это одновременно как субъекты "коллективного оргазма", так и "инструменты справедливой революционной ненависти".[297] По мнению А.Богданова, в толпе происходит "равнение по низшему", поэтому в ней даже культурный человек решается на зверства.[298]

Слишком часто толпа руководствуется законом прямого действия - "охранной грамотой варварства". Сметая на своем пути все, что не похоже на нее, толпа "вытаптывает" индивидуальность, убивая в обществе все избранное и выдающееся. У Э.Канетти массу стимулирует агрессия, сопровождаемая ростом и регулярным возобновлением толпы. Знакомом массы, по его мнению, был А.Гитлер, эффективно применявший все вышеупомянутые стимулы. Одновременно масса может быть социально притягательной, ибо в ней индивид избавляется от чувства страха и изолированности, пусть даже при этом, как писал Л.Фейербах, все великое чернь тянет в болото.[299] В массе бараны бьют в барабаны, изготовленные из шкуры баранов,[300] но все это является лишь закономерным следствием того, что даже неискушенные во зле, добрые и умные люди, собравшись вместе, становятся гораздо хуже.[301] По мнению Г.Лебона, толпу может образовать не только множество пролетариев, но и множество академиков. Ведь толпа - это фаланга, о которой нельзя судить по характеру составляющих ее элементов. Массовое поведение толпы основано на манипулятивном механизме, в котором растворяется даже сильная индивидуальность. Именно здесь возникает тот психологический феномен, который Г.Юнг называл "третьим Я".[302]

Что же касается конституционных гарантий массового политического поведения, то очевидно, что последние должны ориентироваться как на позитивные, так и на негативные свойства этого вида политической активности. Как писала Х.Арендт, главная проблема здесь заключается в том, что излишне нейтральные, пассивные и

индифферентные массы могут стать большинством в демократически управляемой стране.[303] В обстановке русской революции 1905 г. В.И.Ленин писал, что ему легко и весело жить в атмосфере политической активности масс. Тем не менее, призывая политическую элиту не отрываться от масс, он одновременно советовал не льстить им.[304] Кроме того, ограничение политической активности масс обычно перегружает правительство, оно осложнено в моральном смысле и вредит политическому воспитанию.

Масса должна учиться руководить собой, писал Сен-Симон,[305] что в каком-то отдаленном смысле напоминает известное североамериканское правило, по которому правительство должно действовать лишь там, где рынок не в состоянии снабдить общество необходимыми услугами. Действуя методом эволюционных проб и ошибок, массовая активность редко переходит в трагическую политическую фазу. Именно поэтому демократ "...верит в массу, в действие масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы".[306]

Как и прежде, главный принцип современного республиканизма заключается в требовании, чтобы политические решения государств основывались на коллективной ответственности.[307] Создание же сбалансированного конституционного механизма такой ответственности всегда оказывалось весьма сложной правовой задачей. Ведь хотя массовые политические действия и напоминают в какой-то степени игру большого оркестра, кооперация массовых политических усилий крайне специфична. И если выборы - это машина, то, при надлежащем ее устройстве избиратели - это не рабочие на конвейере, а совет директоров.

Как принято считать, сегодня политическое самоуправление масс остается важнейшим фактором материального и духовного производства.[308] Будучи надлежащим образом организовано, оно не только экономически эффективно, но и противостоит излишней артикуляции государственности, как "самодовлеющей надличностной структуры".[309]

Даже выступая в роли политического диктатора, В.И.Ленин понимал, что свободу народа не обеспечить, если общественность не сможет по своему выбору, бесконтрольно и беспрепятственно устраивать собственную жизнь.[310] Не стоит забывать, что в его политической теории самоуправление народа должно было, в конечном счете, прийти на смену патерналистскому государственному управлению. Сегодня самоуправление трактуется как самоорганизация, самодеятельность, саморегуляция, самоконтроль, наконец, как политически автономный способ коллективной жизни людей.[311] Поэтому самоуправление, или правление масс - это ценность, для обеспечения которой полезным было бы выделить "коллективные дела", не совпадающие с делами государства.[312]

Сегодня в мире считается общепризнанным, что гражданское самоуправление является лучшим способом отобрания у бюрократии монополии на принятие значимых решений.[313] Иначе говоря, оно является высшей формой управления общественными делами,[314] "человеческим фактором" в политике. В инструментальном, тактическом смысле самоуправление оживляет политику, давит на управляющих снизу, постепенно все больше заменяя общегосударственные программы развития местными.[315]

И хотя самоуправление, как воплощение массовой политической активности, можно рассматривать в узком и широком аспектах, в конституционном смысле оно по-прежнему выступает как признание людьми над собой власти лишь собственного объединения.[316] Однако современное самоуправление требует плюралистического, колоритного, политически диверсифицированного общества, гарантированного против появления в нем большинства, объединенного несправедливыми интересами. Иными словами, массы в

системе современной демократии должны быть пестрыми по своим жизненным интересам и приоритетам. Как известно, в США следование этим требованиям позволило создать на редкость эффективную конституционную систему общественного контроля за властью и взаимной ответственности.

Приведенные иллюстрации и аргументы также показывают, что такой институт массовой политической активности, как референдум, целесообразно использовать для решения проблем, требующих не столько рациональной (экспертной), сколько эмоциональной (интуитивной) оценки. Из этого вытекает и то, что все крупные интеллектуальные общественные проекты не могут и не должны окончательно оцениваться государственной экспертизой. Административное начало должно вообще устраняться от оценки социальных проектов, требующих живой и неформальной активности.[317] С другой стороны, сегодня всем ясно, что "вечевые" формы демократии могут поощряться конституционно лишь в ограниченной степени. Решения "сплавленной" площадью в Гаване политической воли масс не могут и не должны доминировать над индивидуально продуманными решениями, выраженными на плебисцитах и референдумах. Легко согласиться, что массовая активность оказывается особенно эффективной там, где речь идет об оценке не столько идей, технических проектов и прочих интеллектуальных стратегий, сколько человеческих качеств кандидатов, претендующих на политические должности и посты.

Процедурной конституционной гарантией против злоупотреблений массовой политической активностью могла бы стать норма о проведении некоторых категорий референдумов за счет средств гражданского самообложения. Ведь не существует серьезных аргументов против того, чтобы массы несли бремя и риск собственных решений в той же степени, как и государство. Если у народа нет контролеров, кроме правил, которые он сам себе установит, а демократия в большинстве случаев не может быть ограничена, то она при всех обстоятельствах должна быть оплачена.

Примечательно, что в ст.72 Конституции Украины 1996 г. референдум имеет процедурные гарантии против спекуляций на особенностях массового политического волеизъявления. Кроме того, как гласит ст. 74 этой же Конституции, референдум не допускается в отношении законопроектов по вопросам налогов, бюджета и амнистии. В ст. 125 Конституции Польши 1997 г. инициация референдума также ограничена существенными процедурными требованиями. С другой стороны, его применение в Польше, как и в Украине, предусмотрено в ответственных случаях изменения Конституции.

## **ЕСТЬ ЛИ У ПОЛИТИКИ ЦЕЛЬ?**

Векторная, или направленная политическая активность рассматривается в данном месте не как директивная (возникающая в итоге администрирования) деятельность, а как естественным образом ориентированная, следующая определенной органической тенденции активность. Следует сказать, что признание реального существования такой активности является сегодня все еще проблематическим, оставаясь предметом специальных дискуссий.

В наиболее общем виде политическая векторность проявляется в том, что общество перманентно восходит от дикости к некоему порядку цивилизации. Не исключено, что данная тенденция основана на законе Фишера ("биологической цефализации"), согласно которому эволюция живого вещества проявляется в его непрекращающемся усложнении, что параллельно сопровождается ростом разнообразия организмов и их свойств. Применительно к обществу этот закон проявляется в постоянном усложнении его

социальной структуры и политической организации, растущем многообразии политических институций, в рамках которых протекает социальная жизнь.[318] По мнению О.Тоффлера, в социальных системах имеет место процесс, адекватный делению и изменению биологических клеток в природе. Вначале клетки биологического организма пребывают в состоянии хаоса. Затем они постепенно становятся клетками легких, почек, сердца и других органов. Поэтому политическую структуризацию общества О.Тоффлер называет политической дифференциацией. Соглашаясь с ним, Ф.Бурлацкий в близком смысле писал о непрерывном процессе "усложнения социальной ткани".[319]

Как считал И.Дьяконов, историческое развитие идет не от худшего к лучшему, а от простого к сложному, причем новое сложное весьма часто диалектически возникает в форме "неслыханной ранее простоты".[320] У Д.Писарева векторность политической активности проявляется в ориентированных определенным образом честолюбивых устремлениях людей: "Обитатели нижних этажей знают, что на антресолях жить очень весело; поэтому во всей пирамиде господствует неистовое желание карабкаться кверху; кверху лезут и гастрономы, и честолюбцы, и тщеславные посредственности; но туда же лезут и замечательные таланты и люди, безукоризненные в нравственном отношении, потому что только в верхнем этаже можно найти умственную деятельность и некоторую степень нравственной самостоятельности. Красота, ум, талант, богатство, железная воля - все, что в каком-нибудь отношении составляет силу человека, все это употребляется на переправу в верхний этаж. Внизу остаются только те, которых природа и обстоятельства лишают всякой возможности подняться".[321] В политике гонение порождает мучеников; мученичество вызывает сочувствие; сочувствие выражается в протесте против гонителей; напор личной логики и воли вызывает ответную реакцию, в итоге же историческое направление жизни определяется действием этих двух начал, говорил он.

В свое время Д.Вико писал, что природа народов вначале жестока, потом сурова, затем мягка, после утонченна, наконец, распущенна.[322] Политическая векторность проявляется у него в цепи превращений от пагубной подозрительности аристократии к волнениям народных республик, а от последних - к монархиям. Сходные представления можно обнаружить у Аристотеля и П.Сорокина. По исторической схеме Б.Рассела, управление народами переходит от королей к демократиям или тиранам. Общая же тенденция, по его мнению, заключается в том, что власть и компетенция национальных государств возрастают. В.Соловьев писал, что несмотря на колебания и зигзаги прогресса, обострение милитаризма, национализма и антисемитизма, равнодействующая истории, в конечном счете, идет "от людоедства к человеколюбию, от бесправия к справедливости, от враждебного разобщения частных групп к всеобщей солидарности".[323] Для П.Ткачева вся совокупность жизненных целей человека сводится суммарно к счастливой жизни, счастью.[324]

В свое время, как известно, Ш.Фурье надеялся на внезапный переход человечества от хаоса к гармонии. В России К.Кавелин думал, что человеку просто не суждено избавиться от собственной веры в то, что мир пойдет по его желанию, и что для этого человек имеет власть переделать мир, как ему вздумается. Впрочем, и для Ф.Ницше история морали показывает вечное стремление политических элит проводить в жизнь благоприятные для них ценностные суждения.[325]

П.Кропоткин направленность политической активности усматривал в последовательном развитии "образованных народов" в направлении ограничения существующей над ними правительственной власти и предоставления индивиду все большей свободы. В.Вернадский этот же вектор видел в демократизации государственного строя, в которую он включал также коренное изменение политического положения науки и ученых. Старые

цели государств, основанные на интересах династий, писал он, должны смениться новым пониманием роли государства.[326] Поэтому создание ноосферы в ее полном проявлении станет со временем целью государственной политики и всего социального строя.

О преодолении мифологической оппозиции в отношениях государства и народа в образе "глубочайшего уровня мечты" писал Т.Шевченко.[327] У А.Герцена все известные истории политические формы *volens - nolens* ведут от одного освобождения к другому, так что и в рабстве виден для него уже шаг к свободе. Государство, писал он, начинается обычно с полного порабощения индивида, но перейдя затем известное развитие, стремится далее к его полному освобождению.

По мнению А.Шлезингера, во всяком постреволюционном развитии общая гуманистическая ориентация политических перемен проявляет себя во все большей степени. Данная констатация близка идее А.Токвиля о том, что правление демократии, в конечном счете, укрепляет силу общественности.[328] По мнению же Л.Гумилева, политическая активность становится векторной после принятия обществом какой-либо "социо-культурной доминанты-символа". Если символ оказывается один, тогда его вектор ярко выражен. Если же социо-культурных доминант несколько, то интерференция символов уничтожает общее политическое направление.[329] Говоря о политике, как о процессе приближения к идеалу, В.Гавел называл ее "практической моральностью". И хотя морально ориентированная политика, писал он, является "исключительно непрактичной и трудной для освоения в повседневной жизни", она не имеет лучшей альтернативы.[330]

Конечно, идея политической векторности в своих основных параметрах близка концепции прогресса. Известно, что идея прогресса, как процесса кумулятивного накопления знаний, была предложена Б.де Фонтенелем еще в 1688 г. Развитое же представление о векторности прогресса принадлежит, как считает Ф.Фукуяма, Н.Макиавелли. В рамках этой концепции отступления человечества от традиционных ценностей во время войны или тоталитаризма не являются определяющими. История постоянно возвращается к поддержанию достоинства и свободы человека, создавая необходимые для их сохранения структуры.[331] С другой стороны, как заметил Ю.Лотман, признание идеи прогресса все же не позволяет нам прогнозировать моменты будущих политических взрывов.[332]

Осознавая это, следует признать, что политические коррективы в происходящее должны вноситься людьми с величайшей осторожностью. По мнению Ф.Хайека, всякий прогресс должен основываться на традиции. Лишь после признания серьезного конфликта между существующей нормой и как-либо трансформировавшейся моральной системой, мы можем отказаться следовать прежнему образцу. Таким образом, всякое новшество у него должно быть куплено ценой скрупулезного соблюдения большинства существующих правил.[333] Как заметил некогда Р.Оуэн, начало добра состоит в знании о том, что человек создается "без его согласия природою и обществом", а начало зла состоит в предположении, что "человек сам создает себя".[334] Недаром Г.Мабли считал политически полезным "не перестанавливать вещи". Только счастье может претендовать у Г.Мабли на роль причины в изменениях политического курса.[335]

По-видимому, общий запрет социальной инженерии мог бы стать современным конституционным принципом. Ведь то обстоятельство, что главным оправданием конституции является обеспечение и гарантирование свободы, еще не отменяет само по себе требования о соответствии конституции той или иной национальной традиции. Именно поэтому в конституционализме так важен вопрос об истоках. Всячески страшась общество против недопустимого сужения в нем пространства свободы, конституция

должна исходить из национальной традиции освоения последней. Иными словами, впечатляющая широта конституционной цели обычно не сопровождается радикальностью процедуры ее достижения.

Справедливости ради следует признать, что достижение эффективного баланса свободы и традиции даже в лучших конституционных образцах никогда не давалось легко. Как напоминает Э.Баткер, радикальное планирование берет под контроль обычно все большее количество жизненных ресурсов, ибо индивидуальные действия в одном секторе ведут к срыву коллективных усилий в другом. Когда же политическая управляемость достигает известной полноты, появляются лидеры более интересующиеся властью, чем идеалами. Визионеры оказываются на пути к тоталитаризму, которого никто из них сознательно не хотел.[336] Поэтому для моделирования конституции посттоталитарного образца сегодня едва ли существует более коварное противоречие.

## **ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ**

Если согласиться с мыслью Л.Харца о том, что векторную интерпретацию политики можно допустить лишь на основе "однофакторной" теории (как у Т.Гоббса и К.Маркса), то концепция политической спонтанности будет покоиться на убеждении, что у истории нет "секретной пружины" или ключа, а если они и есть, то мы не можем их знать. Приняв данную концепцию, мы должны будем признать, что с ней несовместимы ни представления о превосходстве классической древности, ни о преимуществах современности или будущего, к которому ведет современность, ни вообще такие традиционные схемы универсальной истории, как упадок и прогресс. История оказывается обычно богаче ограниченного воображения большинства ученых и законников, а эволюция приносит в нашу жизнь многое из того, чего мы не собирались совершать и не могли предвидеть, не говоря уже о том, чтобы оценить все это заранее с моральной точки зрения.[337] Как считал Гегель, в своих существенных характеристиках человек недетерминирован, и потому свободен сам творить свою природу.[338] Не стоит преувеличивать интеллектуальность человечества, говорил в свою очередь Г.Валлес. Существуют такие человеческие действия и импульсы, которые в своей основе не зависят от какой-либо идеи или цели.[339]

Как считали А.Герцен и П.Новгородцев, природа и история никуда не идут, а потому готовы идти всюду, куда им не укажут. Таким образом, политическое будущее создается сложным творчеством жизни, в котором сознательное перемешано с бессознательным, желательное с неизбежным, а предвидимое с неожиданным и необычным.[340] У В.Вернадского логические выводы из религиозных, философских или художественных произведений, равно как и их рациональная оценка, не обязательны для человека, ибо несводимы к какому-либо единству.

По мнению Х.Ортеги-и-Гассета, человеческий разум не способен подменить жизнь: культура абстрактного интеллекта не является самодостаточной, "это лишь небольшой островок в море первичной жизненности".[341] Для П.Дейвиса природа непостижима и хаотична по своей сути,[342] а у Ф.Броделя рациональность "невидимой руки" А.Смита хоть и признается, но остается при этом неуправляемой, ибо она рождена из самой природы вещей. Характерно, что и Д.Истон признавал существование политических отношений, не имеющих содержательно значимого объяснения.[343]

М.Вебер думал, что действительность иррационального и содержащиеся в ней возможные смысловые значения неисчерпаемы. Поэтому для него является закономерным, что ценности человеческой жизни не могут быть постоянными. Будучи подверженными

вечному изменению, они уходят в темное будущее культуры.[344] Те же, кто упорно держится за свои планы, обречены прежде других почувствовать бессилие собственного разума. У Д.Талмона человек есть порождение индивидуальных и непредсказуемых страстей,[345] а для М.Джиласа эволюционная теория выглядит слишком простой, чтобы быть истинной.

По мнению К.Лоренца, первым, кто заинтересовался феноменом спонтанного поведения как такового, был У.Крэйг. Но еще до У.Крэйга известному девизу Декарта "животное есть объект" был противопоставлен тезис: "здоровое животное активно и действует". Поскольку же в политической спонтанности все традиции "имеют одинаковые права" и равный доступ к центрам власти, то проблемы в этой системе решаются не заменой одних критериев другими, а отвержением рационального подхода вообще.

По мнению Р.Арона, политическое единство всегда двусмысленно, ведь его гармония обеспечивается силами, действующими подобно диссонансам в музыке. "Мир не есть рационально постижимый хаос, - писал С.Франк, - напротив, он одновременно и внутренне осмыслен, и непостижимо-чудесен и непонятен - и в этом и состоит его имманентная значимость".[346] Примечательно однако, что в спонтанной политической активности сильными оказываются чисто человеческие начала. Недаром у М.Рокара политическая цель обнаруживается в человеке, а не в политической системе, которая лишь помогает ему совершенствоваться. Многие внешне крупномасштабные политические реакции человека объясняются обыденными мотивами скуки, простого желания перемен и еще многим другим, что не укладывается в утилитарную логику. Ведь утилитаризм, как писал Х.Ортега-и-Гассет, это такой сторонник полезного, который похож на больного, экономно расходующего свои движения. Ему изначально присущи слабость и ущербность.[347] Здоровый же человек - это корабль со многими капитанами, которые зачастую оказываются на капитанском мостике одновременно (Д.Хаксли). Интересно, что и Ф.Хайек считал человеческую эволюцию прогрессирующей именно из-за ее непредсказуемости.[348]

Для Х.Ортега-и-Гассета все в человеке проблематично, опасно, частично, недостаточно, относительно и приблизительно.[349] А В.Гавел признавал, что его представление об устройстве мира является крайне неопределенным, туманным, открытым и легко изменяемым новыми знаниями.[350] Насколько маловероятно, писал Ф.Хайек, что человеческий ум способен полностью объяснить себя, настолько же маловероятно, что он способен объяснить или предсказать результаты взаимодействия огромного количества умов. Но ведь именно этот тезис свидетельствует в пользу признания реального существования политической спонтанности.

Говоря о прошлых событиях, люди обычно приписывают им логику, которой последние на самом деле не обладали. Недаром для Д.Стейнбека способность людей к политическому согласованию и интеграции выступали симптомами духовного упадка,[351] а марксизм казался П.Новгородцеву политически обскурантистской теорией, игнорирующей "невыразимые запросы духа", тяготение к идеалу, трагический разлад жизни, проблему зла и страдания в их неизъяснимой таинственности.[352]

И.Кант писал, что в отношении человеческого счастья невозможен никакой императив, ведь последнее есть идеал не разума, а воображения.[353] По мнению Д.Крачфилда, Д.Фармера, Н.Паккарда и Р.Шоу человек является спонтанно творящим существом в гораздо большей степени, чем это предполагалось наукой ранее. При этом не исключено, что способность творить обязательно подразумевает хаотический процесс, селективно усиливающий малые флуктуации и превращающий их в связанные состояния ума,

ощущаемые нами как мысли. С этой точки зрения хаос является механизмом проявления свободной человеческой воли в мире, который в остальном управляется детерминированными законами.[354] Данная позиция согласуется, в определенной степени, с утверждением К.Юнга о том, что жизнь не уместается в рамках сознания, и что бессознательное всегда живет в нас без нашего ведома. Чем больше развито в людях критическое *ratio*, тем скуднее их жизнь. Абсолютная же власть разума сродни политическому абсолютизму, ведь она уничтожает личность.[355] Только ощущение ценности, только чувство присваивает знак "плюс" или "минус" ответу на всякий "категорический самовопрос". В слоях же, лишь косвенно доступных человеческому разуму, унаследованное и усвоенное образуют в высшей степени сложную структуру. По мнению П.Фейерабенда, анархизм не только возможен, но и необходим для внутреннего прогресса науки и культуры. Ведь именно разум породил "абстрактные чудовища" обязанности, долга, морали, истины и их более конкретных предшественников - богов, использовавшихся для запугивания человека и ограничения свободы его развития.

У П.Новгородцева именно отсутствие политической программы или плана делают из человека "рулевого, который гордо рассекает волны своей лодкой". Оно позволяет ценить настоящее, осознавать, что цель жизни каждого поколения - оно само, и что природа не делает из поколений средства достижения будущего. Как известно, у П.Кропоткина политическая анархия выступает как демократический общественный идеал. И хотя идеалом традиционной политической власти анархия никогда не была, она всегда оставалась более или менее осознанным идеалом масс.[356] Э.Фромм также писал, что стремление человека к прогрессу - это, чаще всего, поиск новых решений, который с векторностью не имеет ничего общего. Недаром у Д.Рисмена политика - это балет на сцене истории, стиль которого не говорит нам, ни откуда появились танцовщики, ни куда они движутся, но только - в какой манере они исполняют свои партии, и как аудитория реагирует.[357]

Порой кажется, что желание соединить теорию политического хаоса и спонтанности с векторной теорией обретает конкретные черты в концепции политической флуктуативности или цикличности, о которой впервые заговорили в начале XX в., когда представителями гуманитарных наук было открыто, что человеческая жизнь подвержена флуктуациям, то есть, что она колеблется "по прихоти бесконечно возобновляющихся периодических движений".[358] Как считал А.Тойнби, импульсы ухода-возврата внутренне присущи не только человеческой природе, но, возможно, и Вселенной в целом.[359] У Х.Ортеги-и-Гассета человеческая история также движется в согласии с великими ритмами, так что наиболее крупные перемены в ней происходят под влиянием сил космического порядка.[360]

В свою очередь, И.Лысяк-Рудницкий писал, что политическое развитие человечества происходит зигзагообразно, между полюсами капитализма и социализма, чистые формы которых вряд ли когда-либо в будущем сохранятся на планете. Поэтому в своей политической теории И.Лысяк-Рудницкий склонялся к доктрине конвергенции.[361] У Г.Маркузе политическая флуктуативность общественной жизни представлена сменой циклов "метафизики господства" и "метафизики освобождения", логоса и эроса.[362] а у Сен-Симона флуктуирующей является последовательность научных и политических революций, сменяющих друг друга, как причина и следствие.[363] Интересно, что и у П.Чаадаева история вначале создает учреждения, а затем учреждения воспитывают народы, которые впоследствии продолжают дело истории. По мнению И.Стенгерс и И.Пригожина, в обществе постоянно циркулируют определенные вопросы, к которым вынужденно возвращается каждое поколение.



Для С.Хантингтона политическая история не движется вперед по прямой линии, но когда умелые и решительные политики ее подталкивают, она прогрессирует.[364] Каждая из волн демократизации в мире, считает С.Хантингтон, следовала за обратной волной, в которой часть стран, уже осуществивших переход к демократии, возвращалась к недемократическому правлению.[365] Пассивность сменяется активностью, а любовь к сиюминутным удовольствиям обычно преодолевается у людей порывами к высоким целям, говорил А.Шлезингер.

Как принято считать, политические флуктуации порождаются не только крайностями централизма, но и излишествами демократии. Их провоцируют также перемены в политических оценках и настроениях людей, исчерпанность политического стиля и курса политических лидеров и др. Кроме того, в истории почти всегда оказывается, что одни участники политических событий склонны к хаотическим действиям, а другие во что бы то ни стало стремятся к организованности. При этом какая-то часть лидеров видит в политике средство к расширению нравственной и умственной свободы общества, другая же их часть стремится исключительно к личной власти и благосостоянию. В итоге вопрос о том, возможен ли принципиально какой-то объективный критерий в оценке политических действий, решается отрицательно. По мнению Х.Линца, ни один демократический режим не следует раз сформулированным ценностям, а любая демократия зиждется на предпосылке, что шкала социальных ценностей постоянно меняется.

Видимо, не случайно для Б.Паскаля не существовало вечной формулы справедливости. Справедливость у Б.Паскаля выступает не более, чем совокупностью условий, временно отводящих угрозу политического бунта и гарантирующих гражданский мир.[366] Как известно, Д.Талмон также верил, что одновременное стремление человека к самоутверждению и желание подчиниться; эгоистический порыв и поиск справедливости; желание опередить других и стремление собраться вместе - суть флуктуативные установки человеческого существования, действующие на людей даже сильнее, чем материальные факторы.[367] Колебательность, цикличность и флуктуативность присущи всему процессу эволюции, писал Н.Бердяев, они не совпадают с векторностью и могут означать также регресс. Вся жизнь колеблется между прогрессивными и регрессивными фазами. Для постоянного и абсолютного равновесия в ней нет места, говорил П.Новгородцев.

Следует заметить, что феномены политической цикличности и флуктуативности плохо схватываются обыденным разумом. Поразительно, писала М.Мид, как легко вера в прогресс сочетается у людей с верой в неизменность окружающего даже в тех обществах, которым доступны путешествия в обширные исторические анналы.[368] Между тем, еще Ш.Монтескье говорил, что политическая история развивается как через исправление, так и через разложение государственного строя. Если политический строй меняется, сохраняя свои принципы, он исправляется. Если же изменяясь, он их утрачивает, то имеет место разложение.[369] Жизнь происходит от неустойчивых равновесий, писал В.Розанов. Если бы ее равновесия были устойчивыми, не было бы самой жизни.

И.Кристал считает, что единственный способ избавиться от Гегелевского влияния - это вернуться к Аристотелю, то есть пониманию того, что все формы правления, все политические режимы подвержены изменениям, и что устойчивость любых политических систем подрывается временем. Весь XX в. был свидетелем крупных возмущений против секулярно-либерально-капиталистической демократии. И хотя тоталитарные системы в конце концов потерпели крах, питающий их источник сохранился.

Поэтому даже американская триумфальная демократия находится под угрозой, ведь она не может покончить с проблематикой, которую порождает сама. Последнюю воплощает и тоска разобщенных индивидов по социальной общности, и растущее недоверие человека к технологии, и частое отождествление свободы со вседозволенностью.[370] Хотя количество демократий в мире и увеличивается, их рост следует неизменному правилу: два шага вперед, шаг назад. В XIX в. прокатилась основная волна демократизации, но уже в 1920-е и 1930-е годы произошел поворот к авторитаризму. За волной демократизации после второй мировой войны последовали попятные движения 1960-х и 1970-х гг.[371]

Как считает Р.Селден, примерно раз в 30 лет в политике происходит изменение курса, которого люди хотят, и которое они оправдывают.[372] В свою очередь, писал Г.Валлес, главной причиной колебаний в маятнике избирательных предпочтений является, попросту говоря, то обстоятельство, что возбуждавшие ранее общественный энтузиазм идеи становятся плоскими, в то время как новые лозунги кажутся людям свежими и привлекательными.[373]

У Х.Ортеги-и-Гассета жизнь постоянно "колеблется на своем месте", передавая всему живому характерное вибрирование и содрогание. Г.Шпет также думал, что жизнь человечества идет толчками и скачками, поэтому закономерно, что судьба индивида - это фантазмагория и кошмар, а не планомерная эволюция семени, передаваемого по наследству в назначенные сроки.[374] Характерно, что и у Г.Гессе человек способен как на великие взлеты, так и на большое свинство. Совершив нечто великое или мерзкое, он возвращается к своей мере: за взмахом маятника к дикости и бесовству следует его ход в противоположную сторону.

Рассуждая об "образцовых индивидах" общества, Л.Шестов писал: "Для Пушкина не было ничего безнадежно дурного. Даже больше: все было для него пригодным. Хорошо согрешить, хорошо и покаяться. Хорошо сомневаться - еще лучше верить. Весело, "обув железом ноги", мчаться по льду, уйти побродить с цыганами, помолиться в храме, поссориться с другом, помириться с врагом, упиться гармонией, облиться слезами над вымыслом, вспомнить о прошлом, заглянуть в будущее. Пушкин умел плакать, а кто умеет плакать, тот умеет и надеяться. "Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать", - говорит он..."[375] Не стоит поэтому удивляться что для Л.Шестова порядок существует только в классных комнатах. Более нормальным для человека, по мнению Л.Шестова, является состояние, когда почва уходит из под его ног, так что человек живет либо совсем без почвы, либо с "вечно колеблющейся под ногами почвой". Дорога человечества, говорил в свою очередь Г.Честертон, извилиста, как путь через долину. Человек идет, куда хочет и останавливается, где хочет. Может пойти в церковь, а может и свалиться пьяным в канаву.[376]

Х.Арендт писала, что приключение и страсть к игре являются наиболее интенсивными символами человеческой жизни. И то обстоятельство, что игра не имеет конечной цели, как раз делает ее опасно похожей на жизнь, как таковую. В истории, считал Д.Писарев, мы наблюдаем постоянно проваливающиеся попытки создать нечто неизменно пригодное человеку. Все на свете происходит медленно и неправильно, чтобы человек был грустен и растерян, говорит известный герой В.Ерофеева.[377]

Л.Шестов писал, что всякому подлинному индивиду рано или поздно приходится открывать для себя непригодность старых шаблонов, и начинать творить самому. Человеку естественно пребывать в атмосфере неясных истоков, неопределенных целей, колебаний, порывов вперед и возвращений. "Каким образом христианство, столь к человеку благожелательное, - писал В.Розанов, - однако пришло к инквизиции? Явно, что

здесь скрыта цепь "флюксии", "переменных бесконечно малых величин", "дифференциалов": ибо ведь перелома из "да" в "нет", перелома в убеждениях, вере, в идеалах мы при этом нигде не наблюдаем! В этом-то все и дело, что разлома нет!"[378] В каком-то близком к метафоре гоголевской тройки смысле Ж.-П.Вернан напоминает нам о политически безумной вакханалии китайской "культурной революции",[379] П.Чаадаев - о периодах "бурных волнений" народов, Маркиз де Кюстин - о беспорядке российского прогресса, как истинного "сына свободы",[380] а З.Бжезинский - о мире-лайнере, управляемом автопилотом и устремляющемся все быстрее в неизвестном направлении.[381]

В целом, сопоставляя существующие интеллектуальные свидетельства в пользу хаотической модели развития политической активности с имеющимися доказательствами ее векторной интерпретации, нетрудно заметить, что у политического хаоса и спонтанности существует большее количество аргументов. И хотя в непредсказуемости свободного рынка некоторые видят одни лишь потери, а польское государство не всегда держалось "нервондом",[382] безвекторная концепция политической активности и сегодня, похоже, остается преобладающей. Так или иначе, но по мнению Ф.Хайека своим необыкновенным прогрессом Европа обязана воцарившейся в ней еще в средние века анархии.[383] Мир не терпит, говорил Д.Писарев, никаких ампутаций и склеиваний. Кто хочет коверкать действительность, тот просто обнаруживает свое непонимание жизни. Наоборот, полное недоверие к непогрешимости личной логики как раз и составляет признак мужающего человечества, которое сопротивляется опеке гениев, мудрецов и всех вообще важных людей.[384]

К.Поппер писал, что действовать без надежды - выше наших сил. Однако и сверх надежды нам не должно быть дано. Иными словами, "нам не нужна определенность".[385] У П.Новгородцева история есть совокупность отдельных усилий и действий: то прерывающихся, то сочетающихся; то параллельных, то последовательных. Каждый исторический миг у него замкнут, имея свою ценность и завершение. Интересно, что спонтанное восприятие политического процесса привело П.Кропоткина к вере в значимость индивидуальных политических усилий. Поэтому оптимальная политическая тактика современного мира состоит у П.Кропоткина в развитии инициативы в каждой отдельной личности.

В.Гавел считал, что наше политическое отношение к миру должно изменяться в сторону признания его все большей релятивности. Иными словами, мы должны оставить упования на то, что мир - это доступная разрешению загадка, информационное целое, которое можно заложить в компьютер, чтобы получить затем из него рецепт. Напротив, мы должны возродить в себе элементарное чувство справедливости, способность видеть вещи чужими глазами, архетипическую мудрость, вкус, веру в важность конкретных поступков, а не в существование универсального для всех ключа к спасению.[386] Комментируя посттоталитарную ситуацию в ФРГ, Л.Эрхард в свое время так писал о немецких противниках спонтанности и свободы: "Эти сторонники механистичности и дирижизма не имели ни малейшего представления о том прорыве динамической силы, который должен был проявиться у народа, как только он смог заново осознать свое собственное достоинство и высокую ценность свободы".[387]

Капиталистические общества преуспели, ибо последовали этике иррационального, считает Ф.Фукуяма. По мнению М.Фридмана, людям надлежит преследовать собственный интерес уже хотя бы потому, что невозможно заранее предсказать, куда он их заведет. Ведь и в самом деле не исключено, что действительное предназначение человека - жить, энергично играючи, не задумываясь при этом над всеобщим предопределением.[388]

## КОНСТРУКТИВНОЕ И ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Рассмотрение конституционных аспектов креативной (творческой) и деструктивной политической активности затруднено рядом обстоятельств. Исходя из праксеологических представлений, креативная политическая активность означает создание новых политических форм и процедур, а деструктивная, наоборот, их упразднение. Однако очень часто в политике создание нового является одновременно упразднением старого. Политически творческое становится деструктивным, и наоборот. Как писал Д.Белл, у М.Бакунина политическая деструкция означает стремление к творчеству.[389] Всякое активное отношение к status quo является в политике креативным и деструктивным одновременно. Ведь изменить действительность можно лишь "отрицая ее и показывая ей, что мы сильнее, чем она".[390]

Для выхода за пределы самоочевидных утверждений полезно было бы создать шкалу политической конструктивности - деструктивности. Плюсами такой шкалы могли бы стать тоталитаризм и демократия. Тоталитаризм в этой системе координат означал бы коллапс политического, а внедрение демократии, наоборот, начало политического роста. Поскольку в демократии, как принято считать, количество собственно политических отношений постоянно увеличивается, порождая тем самым как бы синергетический эффект свободы, осознание различий между демократией и массовым администрированием при тоталитаризме явилось бы для применения данной шкалы наиболее полезным результатом.

Как правило, конструктивную политическую активность мы наблюдаем в процессе роста политических взаимодействий в условиях отсутствия внешнего принуждения, а деструктивную, наоборот, в условиях, когда количество свободных политических взаимодействий сокращается, а степень свободы их участников ограничивается. В итоге может случиться, что политические отношения полностью трансформируются в административные. И хотя Д.Раду и писал, что культура является результатом всей человеческой активности, за счет конструктивной активности политическая культура развивается, а при деструктивной деградирует.

Впрочем, даже в конструктивной политической активности проявляется общее энтропийное начало деятельности человека. Как показывает политическая практика, соблазн быстрой эффективности единоличных решений, отождествления права с волей, а процессуальных юридических норм с "материальными" нормами (права - с "хорошим правом", говоря словами Ф.Хайека) все еще очень велик. Ведь как писал Ж.-Ж.Руссо, "если это хорошо - уметь использовать людей таковыми, каковы они есть, - то еще много лучше - сделать их такими, какими нужно, чтобы они были..."[391] Недаром Э.Фромм считал социальный реформизм психологически не менее привлекательным, чем прогресс науки и техники.

Как показывает история политики, деструктивная активность чаще всего возникает из стремления обеспечить гражданам "наибольшее счастье" усилиями правительств и законодателей.[392] В терминах Б.Спинозы, речь здесь идет о замещении индивидуальной политической активности деятельностью социальных институтов. Между тем, именно в "Этике" Б.Спинозы активностью считается лишь органическая индивидуальная активность. Активность же социальных институтов, в деятельности которых человеку принадлежит только частичная роль, для Б.Спинозы выступает не активностью а "страданием", претерпеванием индивидом внешних для него воздействий.[393]

В политической теории и практике накоплено немало свидетельств изначальной принадлежности человеку целого ряда разрушительных инстинктов. Как писал Ж.Батай, трудолюбивое накопительство и прочее филистерское аккумулятивное поведение всегда содержали в себе для человека некий раздражающий оттенок, нечто противостоящее его свободе. Поэтому закабаленный работой и накоплением индивид время от времени обычно возвращался к свободе через хаос и беспорядок, пусть и "по-детски нелепый".[394] Жажда истребления и разрушения, желание обратить в пепел ресурсы, писал Ж.Батай, обусловлены "бескорыстными, не приносящими пользы, самоцельными, никогда не бывающими подчиненными достижению каких-либо результатов" глубокими инстинктами свободы. Будь мы разумнее, человечество захирело бы, оказавшись в положении старых дев. Спасает же людей то, что периодически они ведут себя абсолютно противоположно собственным принципам.

По мнению А.Сахарова, политические претерпевания индивидов порождены избыточным присутствием в их жизни всевозможных фетишей и внешних авторитетов. Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали, распад идеалов права и законности, потребительский эгоизм, национализм и терроризм, алкоголизм и наркомания. И хотя в разных странах причины этих явлений различны, наиболее глубокая общая причина лежит, по мнению А.Сахарова, в вытеснении личной морали и ответственности абстрактным, отчужденным от личности авторитетом (вождя, государства, класса или партии). Все это не более, чем варианты одной и той же беды.[395]

Кроме того, писал некогда К.Лоренц, природе органически свойственны ступени агрессивности, идущие к нам "от петухов, подравшихся на помойке, через грызущихся собак, через мальчишек, разбивающих друг другу носы, через парней, бьющих друг друга об головы пивные кружки, через трактирные побоища, уже слегка окрашенные политикой, ...наконец к войнам и атомной бомбе".[396] Примечательно, говорил Б.Рассел, что многие люди более счастливы во время войны, чем во время мира. Страдания, производимые обычно войной, не являются для них столь уж тяжелыми персонально. Мы все обладаем разными агрессивными импульсами, а также индивидуальными творческими импульсами, которым общество запрещает предаваться, и альтернативы, которые социум предоставляет обычно гражданам в виде футбольных матчей и разнообразной спортивной борьбы, трудно назвать адекватными, считал он.[397] Поэтому в деструктивности человека есть нерациональное и непрактичное, но вместе с тем и вполне объяснимое начало. Как писал П.Валери, потребовалось несомненно "много знаний, чтобы убить столько людей, разметать столько добра, уничтожить столько городов в такую малую толику времени; но не меньше нужно было нравственных качеств. Знание и Долг - вот вы и на подозрении".[398]

В конституционном аспекте наиболее важной причиной политической деструктивности является, по-видимому, подавление или отсутствие в обществе демократии. По этой же причине правило о недопустимости политической диктатуры, пересмотра или отмены демократического правления, узурпации народного суверенитета суверенитетом государственным требует прямого конституционного закрепления. Конституционно запрещено также должно быть опрокидывание волей большинства политических соглашений, достигнутых на основе консенсуса. Кроме того, вряд ли следует пересматривать в парламентской процедуре итоги референдумов, состоявшихся в течение сроков легитимности любого данного парламентского созыва.

С другой стороны, политическая агрессия не должна накапливаться в обществе до таких пределов, когда ее единственным выходом становится война или гражданское неповиновение. Превентивную роль здесь могло бы сыграть конституционное

закрепление права народа на восстание против действий правительства, узурпировавшего народный суверенитет и политическую свободу. Вместе с тем, любые самообязательства народа должны иметь конституционно очерченные временные пределы. По истечении определенного срока они могли бы пересматриваться в порядке процедуры внесения конституционных поправок. Это позволило бы избежать придания конституции черт избыточной охранительности. Политическая свобода народа, частная экономическая и иная инициатива а также нестесненная коммуникация всех субъектов гражданского общества должны гарантироваться конституционным нормативным ансамблем если не исключительно, то, по крайней мере, в первую очередь.

## **НОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПОЛИТИКИ**

Хронологически рассмотрение понятия политической активности следовало бы начинать с ее истоков. Однако логика данного повествования диктует последовательность, в которой рассмотрение понятия политической активности предшествует истокам. Дефиниция же политической активности будет предложена в конце параграфа.

Определение политической активности в этом случае будет представлять собой продвижение от более общих представлений о ней к более специальным. В этом контексте характерно замечание М.Блиссет о том, что некоторые действия имеют политический характер, что и отличает их от действий иного типа.[399] В менее общем смысле политическую активность можно рассматривать как активность антиэнтропийную, способствующую сохранению организационного единства общества. У А.Богданова такая активность называется "перевесом ассимиляции". По-видимому, о ней же писал Г.Хельми, противопоставляя хаосогенным планетарным силам управляющую силу живого вещества, стремящегося к упорядоченности и организации.[400] По своей роли она близка целенаправленному изменению природной и социальной действительности.[401] В этом смысле политика всегда есть *sache*, некая посвященность задаче.[402]

Конечно (и следовательно), политическая активность выступает разновидностью действий по М.Веберу, поскольку действующий в политике индивид связывает с политической активностью некий субъективный смысл. Еще более она совпадает с его определением социального действия, которое, по предполагаемому действующим лицом или лицами смыслу, соотносится с действиями других людей и ориентируется на них.[403] У М.Вебера такая активность равна намеренному бездействию или нейтральности.[404]

Вполне допустимо понимание политической активности как деятельности, связанной с человеческим выбором варианта поведения, судьбы, пусть даже внешне это будут незначительные изменения в индивидуальном поведении людей, которые лишь постепенно становятся предпосылками крупных событий.[405] Политическую активность мы можем также отнести к разновидности человеческой энергетики (Т.де Шарден),[406] или поведению в хайдеггеровском смысле, то есть, собирающему началу, из которого разворачиваются разнообразные способы, какими мы ведем себя.[407] Поскольку в психологическом смысле поведение является наиболее действенной чертой активности,[408] оно может использоваться как ее синоним.[409] Характерно, что отношение к политической жизни как к "системе поведения" Д.Истон считает фундаментальным решением.[410]

Следуя путем приближений, в политической активности можно усматривать разновидность творчества, переход от природного начала к искусственному, значительность которого определяется богатством традиции, на которую этот переход опирается.[411] Психологически такая активность отражает человеческую способность

перестраивать элементы поля своего сознания. Не случайно Ж.-Ф.Ревель определял политическую активность, как трансформацию базисных структур в события, способ внедрения ценностного фактора в систему социального детерминизма.[412]

Говоря о политике, Г.Белль как-то заметил, что в структуре бытия она лежит на поверхности, занимает самый верхний, тонкий и уязвимый слой.[413] Именно этот слой Аристотель называл общением, которое "обнимает собой все остальные общения". Ш.Фурье относился к политической активности как к деятельности вне традиционных профессий, требующей не образования, а здравого ума и чувства справедливости. В более узком смысле политической считали активность государства, публичной власти, полиса в целом;[414] действия административной иерархии, лидеров, конфликтующих в обществе групп;[415] авторитарное распределение социальных ценностей;[416] деятельность по кооперации усилий в гетерогенной социальной среде[417] и др.

Интересно, что А.Ампер считал политическую активность средством сохранения обществ, обеспечения внутреннего мира и независимости народов.[418] Политически активными у него могут быть не только правительства, но и народы. Политическую науку он считал общественной дисциплиной, подразделением "ноологических" (касающихся мыслительной способности) наук. Позднее в своей обновленной классификации наук он разместил политическую науку в подразделении "энергетических наук".

А.Швейцер считал политику современной историей, а П.-А.Гольбах видел в ней управление людьми, основанное на понимании их индивидуальной и коллективной природы. Примечательно, что и Т.Гоббс познание политического предварял познанием склонностей, аффектов и нравов людей.[419] С тем, что политика основывает свои принципы на природе, соглашались многие.

М.Маринович называет политику абсолютной монархией, в которой нераздельно правит интерес.[420] Однако политическая активность не означает прямой реализации интересов, обычно более похожей на администрирование или диктатуру. Политическое начинается там, где интересам тесно, а директива невозможна, и где поэтому необходимо согласование позиций.

В английском языке политика как область или совокупность отношений, в которой взаимодействуют различные интересы, называется politics. Этот вид активности отличается от политики, понимаемой в качестве метода, программы активности или непосредственно действий, осуществляемых лидером или группой лиц по отношению к какой-либо проблеме или их совокупности. Последней соответствует термин policy.[421]

Р.Хиггинс понимал под политической активностью как возможное применение силы, так и компромисс. Участников политических действий он называл "львами" и "лисами". Сила в политике у него превалирует над компромиссом, злоупотребление которым, по его мнению, угрожает превращением общества в зоопарк с ручными животными.[422] Политическую активность сегодня отождествляют также с деятельностью, направленной на примирение "плюрализма групп",[423] цивилизованной альтернативой силы, применяющейся в обществе разделенных людей, через разделенных людей и во имя разделенных людей.

Если согласиться с тем, что феномен политического присущ не толпе, а разделенным людям, смысл политической активности будет определяться искусством возможного, а количество ситуаций политической активности - половиной суммы ее разделенных участников (Л.Баткин и П.Медавар).[424] В этом случае политическая активность

становится сложноструктурной деятельностью по публичному сопоставлению позиций, отысканию способов приведения их к равновесию,[425] которое при этом должно оставаться динамическим. Ведь в полезном компромиссе противоречия полностью не снимаются и не погашаются. Убивающие же энергию политических антиномий "окончательные решения" означают также конец политики.

Поскольку политикой является продвижение к компромиссу, а не его предмет (он может быть экономическим, моральным или общекультурным), постольку политические решения выступают решениями второго порядка по поводу некоторой системы решений первого порядка. Отсюда берет начало понимание политической активности как деятельности, создающей согласованные системы решений преимущественно неполитического характера.[426] Недаром у Х.Ортеги-и-Гассета политика выступает второстепенной функцией исторической жизни, в которой она является следствием всех остальных.[427]

Если это так, то деятельность "государственных людей" (А.Ампер) должна носить не субстанциональный, а процедурный характер, а политики могут вторгаться в область экономики, искусства или образования как согласователи и гармонизаторы, не имеющие полномочий принимать сущностные ("материальные") решения. Иначе говоря, политики не являются арбитрами в неполитических областях. Они в самом деле не хозяева, а слуги общества - тезис, который легче сформулировать, чем воплотить.

То обстоятельство, что политическая активность имеет вторичный по отношению к неполитическим действиям и решениям характер, отличает ее от любой другой деятельности, одновременно приближая к ней. Ведь политическое располагается на втором (а не на третьем или четвертом) месте вслед за неполитическим. Последнее обстоятельство нередко подталкивает к выводу, что либо экономическое диктует политическому, либо политическое определяет характер экономического.

Конечно, не существует политики вне связи с экономикой, и наоборот.[428] Политика есть контроль над средствами, процессом и продуктами труда,[429] а политическая активность связана с экономической.[430] Недаром Сен-Симон определял политику как науку о производстве, хотя и стоящую от него особняком. В свою очередь, В.И.Ленин определял политику то как концентрированное выражение экономики, то как область отношений всех классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами.[431] В целом, данный подход к политике типичен для всей марксистской школы,[432] представители которой обычно считают, что в политике реализуются концентрированные классовые интересы, что политика - это деятельность по завоеванию, захвату и удержанию государственной власти, что в ней реализуется сотрудничество и(или) противоборство социальных сил, фактическая судьба миллионов людей.[433]

Политическое в марксизме обладает качеством всеобщности, всеохватности. Не удивительно, что М.Горбачев относил к политике и преобразование производственных отношений, и методы хозяйствования, и стиль партийного руководства.[434] Социалистические лидеры обычно верили, что политически управлять можно практически всем. Впрочем, отношение к политике как к инструменту преобразований, свойственно любой социальной структуре с пирамидальной иерархией. Именно для пирамидальной политической структуры характерно стремление бесконечно повышать уровень стабильности и защищенности в социуме. Как писал К.Поппер, политическое доминирование и внедрение контроля возникают из желания избавиться от



экономического страха и шантажа. Так политическое действие становится ключом к экономической защите.

Убежденность, что политические действия производны от условий материального бытия людей,[435] объясняется человеческой привычкой рассматривать политику как соревнование за власть между экономическими интересами, борьбу за расширение благосостояния или получение иных хороших вещей в жизни, писал Ф.Фукуяма.[436] На самом же деле, хотя политика и отражает скрытые неполитические формы жизни, фокусируя в себе значительную часть ее многообразия[437], она не ограничивается обслуживанием экономической активности.

Для преодоления стереотипа прямой обусловленности политического поведения экономикой требуются известные усилия. Тем более они необходимы для осознания "главенствующей роли политики по отношению к экономике."[438] По мнению Ю.Хабермаса, К.Маркс и Ф.Энгельс расширили бытовавшее до них понимание политики как исключительно государственной деятельности. После К.Маркса государственную деятельность стали считать лишь частью феномена политического, выступающего теперь как "общественный порядок в целом". И хотя марксистский прогноз об отмирании государства оказался известным преувеличением, следует признать, что сегодня политическая роль государственной бюрократии не характеризуется вектором к возрастанию. Наоборот, становится все более заметным (например, в США), что люди хотят жить преимущественно в гражданском обществе и не отождествляют окружающую их политическую среду с государственной.

Все более заметным на Западе становится то, что люди распоряжаются своей собственностью, пересекают географические и политические пределы, работают в творческих профессиях уже как бы вне национальных границ и правил. Все большее их число реализует свои интересы непосредственно в гражданском обществе, а не государстве, вне санкций национальной бюрократии.

Как известно, становление полномасштабного гражданского общества в мире сопровождалось существенными изменениями в идеологической атмосфере. В интеллектуальное обоснование этого впечатляющего процесса попали не только политические программы и статуты, идеологические схемы и политические доктрины, но также целостные и автономные философские системы. Первоначально в США и Западной Европе, а затем и на более широком политическом пространстве гражданское общество все более становилось как бы самодостаточным. Историческую ограниченность политических качеств государства констатируют Ж.-Ж.Руссо, Д.Локк, Г.Спенсер и А.Токвиль, а начинают активно утверждать Гегель, И.Кант, М.Бакунин и К.Маркс.

Происходящее не воспринималось однозначно, и некоторые свидетели перемен констатировали в них признаки ослабления направляющей силы разума и пренебрежение обязанностью координации в общесоциальном масштабе. По мнению А.Уайтхеда, развитие специализированных функций общества сопровождалось ослаблением общего вектора социального прогресса.

В итоге понимание политической активности как активности исключительно государственной, на выборах, в условиях социальной стабильности и в подлежащих внешнему учету либо вербальным способам оценки формах, постепенно преодолевалось. Государство в новейшей истории уже не координировало происходящие в обществе процессы с прежней уверенностью, а падение тоталитарных режимов в XX в. лишь

подтвердило теоретические оценки современных политических трансформаций как сверхсложных.

Ничто не представляется более трудным, писал еще П.-А.Гольбах, чем умение заставить сограждан действовать сообща. Поэтому неудивительно, что недавнее фиаско методов авторитарного правления в мире стало доказательством организационного превосходства спонтанного гражданского хаоса над плановым государственным порядком. Не исключено, что тоталитаризм вырос из глубинных опасений политической энтропии в социуме даже в большей степени, чем из внешне очевидной неприязни всех его идеологов к свободе. Соперничая со своими беспорядочными и неорганизованными врагами, он был в итоге низвергнут не враждебным окружением, а спонтанной инициативой "неформалов". Как заметил однажды В.Буковский, коммунизм рухнул под давлением собственной тяжести "непобежденным".

В итоге спонтанная политическая активность утвердилась в мире на новом основании, а кооперация гражданских усилий стала возможной в масштабах мировых регионов. Парадоксальным образом старая идея Морелли об установлении истинных средств сохранения и поощрения общественного единения, а также о восстановлении в обществе согласия,[439] стала во все большей степени осуществляться не по скучному утопическому шаблону, а в условиях растущей и непредсказуемой по своим результатам свободы.

Постепенно гражданское самовыражение в условиях политического равновесия, обеспечиваемого силовым полем государственной власти,[440] перестало быть наиболее вероятной глобальной перспективой. В политике начало укрепляться не жестокое отчуждение общественной воли и бездушная технология принуждения, а возможность свободного согласования разнонаправленных интересов, как раз и образующего смысл изначального понимания политики как "общего блага".[441] Не удивительно, что одно из популярных определений политики говорит о ней как о процессе, благодаря которому люди, чьи мысли и интересы различны, достигают коллективных решений, считающихся обязательными для групп и обеспечивающихся как общее решение. Именно поэтому такие социальные группы как семья, школа, профсоюзы и иные профессиональные организации привлекаются к политике в самом широком смысле слова. Политики невозможно избежать, ведь политическая активность позволяет людям достигать тех целей, которых они не смогли бы достичь в одиночку.[442]

Плохая политика разжигает страсти, способствуя уничтожению самых активных, сетовал П.-А.Гольбах. Поэтому хорошей политикой долгое время считалась лишь та, которая в первую очередь могла обеспечить классическую триаду государственных приоритетов в лице безопасности, стабильности и защищенности. В целом восприятие политики в духе античности, то есть как явления государственно организованной жизни людей (отсюда и отождествление политики с государством), оставалось доминирующим вплоть до начала XIX в.[443]

Постепенно, однако, становилось все более заметным, что гражданское общество ценит в "общем деле" политики не столько стабильность, порядок и защищенность, сколько свободу, которая тесно и органически связана с вероятностью нестабильности, хаоса и даже деструктивности. Впрочем, новые политические приоритеты на официальном уровне воспринимались вначале в высшей степени критически.

И все же политика в конце концов, как мы знаем, стала делом свободных людей, воспринимающих ее не как правление (отношение между управляющими и управляемыми

- Д.Сартори[444]), а как самоуправление, демократию. Утверждение же демократии изменило не только приоритеты политики, но и саму природу политического. Именно успехи демократии доказали, что порядок и стабильность не являются исключительными политическими ценностями, и что наряду с ними существуют также иные ценности, главной из которых является свобода. Счастливой неожиданностью, сопровождающей это открытие, стало то, что демократии оказались на деле не только свобододолюбивыми, но также миролюбивыми и процветающими.

С крупномасштабным внедрением демократии политика стала средством обеспечения общественного порядка как общего блага лишь в качестве основы, но не конечной цели общественной жизни. Сегодня значимость этого наблюдения К.Ясперса трудно переоценить.[445] В демократии политическое стало рассматриваться теперь в присутствии обязательного компонента свободы, а социальные отношения трактоваться как собственно политические лишь при условии, что они осуществляется в режиме свободы. Свершившаяся перемена хорошо иллюстрируется приведенным А.Зиновьевым определением отношений между субъектами "А" и "В", как политических, если, и только если "А" и "В" независимы (суверенны) с точки зрения реализации ими совместного интереса "С", и "А" при этом не может не считаться с позицией "В". Только в этом случае действия "А" и "В" суть политические действия. Как считает А.Зиновьев, борьба индивидов за автономию и независимость еще не есть политика. Это есть лишь борьба за возможность вступать в отношения на уровне политики.[446]

Конечно, политическая активность на фоне мировых событий XX в. не может рассматриваться как "общее дело" вне традиционных государственных аспектов, или только лишь как общее благо свободы для всех. Еще и сегодня в ней наблюдаются феномены цинического манипулирования людьми ("усмирения человеческого стада"[447]), тайного сговора (у Х.Ортеги-и-Гассета политическое сообщество всегда тайное[448]), эксплуатации маниакальных страстей и интеллектуальной диктатуры,[449] "неистребимой аморальности". Не случайно Г.Флобер считал политику занятием для каналов, а Д.Мережковский - предметом "цинического обнажения".[450] В свою очередь, А.Бирс определял политическую прерогативу как "суверенное право причинять вред", а саму политику - как сражение публичных принципов во имя частных преимуществ.[451] По мнению П.Друкера, и в наше время политическое честолюбие остается разрушительным даже для самых сильных индивидуальностей.

Тем не менее, в современных определениях политического все чаще встречается некое оптимистическое начало. Для Д.Янкеловича и Д.Иммервара политика характерна потенциальной способностью самовыражения личности - "экспрессивизмом".[452] Адекватной демократии считает политику З.Бжезинский. А.Камю видел в ней смысл "общения с коллективом", источник "могучей радости",[453] а И.Витаньи - деятельность по созданию современного общества.[454] В росте политической активности П.Сорокин распознавал путь к возвышению идеалов личности, а Д.Писарев считал ее мощным средством умственного развития.

Ж.Ле Гофф в современной политике находит оправдание предназначению человека, а А.Швейцер видит в ней деятельность по внушению "дальновидного эгоизма".[455] Э.Фромм рассматривал политику в качестве неотчужденной, продуктивной активности, а А.де Сент-Экзюпери обнаружил в ней шанс человека "сыграть действительную роль".[456] У З.Бжезинского современная политика служит средством предсказания будущего.[457] Поэтому ее справедливо иногда называют "строительством из будущих кирпичей".[458]

Впрочем, кристаллизация современных продвинутых в направлении к свободе определений политической активности происходила непросто. Ведь за два миллиарда лет своей эволюции[459] человек сумел стать биогенной силой с "огромной свободной энергией". Неравномерность распределения этой энергии отчетливо проявилась и на политическом уровне. Энергетически по-разному заряженные этносы стремились к осуществлению различных целей,[460] что и заложило первоначальную основу феномена политического. Именно в этом ключе о "духе творческом и преобразующем" писал П.Новгородцев, о такого рода активности размышлял П.Анохин, ее политический смысл анализировал Н.Кейзеров.[461] Этническая пассионарность постепенно породила форму общины, социального института, философской школы, дружины, полиса.[462] Именно в рамках последних стали возникать коллективные стереотипы политического поведения, где политический принцип "в дружбе, но порознь" обрел свое первоначальное обоснование.

К началу XX в. большинство концепций геополитики базировались на политической модели, в основе которой лежало чувство социальной солидарности в противопоставлении "своих" "чужим".[463] Как писал Р.Фокс, поводы варьировались, но "мы" воевали с "ними", потому что они отличались от нас, и это подрывало ценность наших фундаментальных идей.[464] Первоначально политический мир состоял из систем сил повышенного напряжения. И там, где напряжение случайно понижалось, катастрофа становилась неизбежной. Регионализм приводил к различию социальных ролей, а затем и политик, писал И.Валлерштайн.[465] Так что не стоит удивляться, что используемые людьми понятия, стандарты рационального суждения и интерпретации опыта так сильно зависят от места, где индивиду довелось жить.[466] Закономерно, что политическое поведение человека и сегодня во многом определяется географией и природным разнообразием. Характерно, что у Б.Чичерина ничто не препятствует политической активности больше, чем однообразие естественных условий, среди которых человеку пришлось расти.

Как считал В.фон Гумбольдт, климат, почва и вообще вся внешняя обстановка способны породить воздействующий на политику отдаленный моральный импульс. Мысля антиномически, истоки политической активности он обнаруживал в рабстве, подобно тому как нравственные истоки он считал коренящимися в пороке, а теологические - в ереси. Естественно, что антиномии такого масштаба проявляли себя не только регионально, но и в исторически и географически необозримом целом.[467] Не исключено, что именно поэтому А.Швейцером императив политически активного поведения осознавался в категориях философии "благоговения перед жизнью", стимулирующей принимать ответственное участие во всем, что совершается вокруг сознающего себя индивида.

Как показывают современные исследования процессов политической эволюции, первоначально социальные симпатии человека распространялись лишь на семью и род, затем - на этнически близких "собратьев людей". Позже эти симпатии распространились на людей разных рас, слабоумных и увечных ("беспольных") членов общества. На определенном этапе они были экстраполированы за пределы человеческого сообщества, охватив также низших животных, ландшафты, моря и экосистемы.[468]

Что же касается сугубо антропологических предпосылок становления политического, то, как принято считать, существующие работы в этой области дают исчерпывающий материал.[469] Характерно, что и здесь представление о политическом начале как о противопоставлении своих чужим, подтверждается.[470] Как свидетельствуют имеющиеся сегодня данные, организационно-управленческая функция была присуща уже

развитой родовой общине.[471] Поэтому становление политических отношений не следует отождествлять исключительно с классовобразованием. Региональная идеология и региональный ритуал сплачивали население, создавая организационные структуры и выдвигая руководителей. При этом не удивительно, что в истоках политического обнаруживаются ритуально-религиозные, социологические, технико-экономические факторы.[472]

Вместе с тем, в теоретических поисках истоков политического важная роль по-прежнему принадлежит теории конфликта,[473] в соответствии с которой, как писал Р.Фокс, триада насилия, ненависти и вражды произвели на свет политику. Для Ибн-Хальдуна, Ж.Бодена и Т.Гоббса в истоках политического лежали как агрессивные устремления людей, так и попытки защититься от них. Стремление одолеть соперника является важнейшим стимулом политической игры у Й.Хейзинги. Интересно, что и у В.Белинского политическое начинается с разности представлений тех или иных народов о добре и зле. Всем известно, что Т.Гоббс дополитическую эпоху мог вообразить лишь как состояние перманентной войны всех против всех.[474]

Поэтому неудивительно, что коммуникативная по своей сути идея комфортного, гармоничного общения в конце концов стала квинтэссенцией политической теории. Уже у Г.Мабли Бог намеренно комбинирует эмоции людей таким образом, чтобы сделать их расположенными ко "взаимному доброжелательству".[475] Самосохранение видится целью политического управления также для Д.Уинстенли[476] и Морелли. Последний даже заявлял, что склонность человека к покою есть принцип его деятельности.[477] В литературе Кватроченто, писал Э.Гарэн, политическое объединение аргументируется соображениями приятного Богу дела солидарности.[478] У В.фон Гумбольдта политическое сообщество выступает устойчивой и широкой в основании пирамидой, на вершину которой стремится подняться каждый, хотя политическое у него и несводимо лишь к этой форме. Так или иначе, в политической теории приоритеты безопасности постепенно расширяются до стабильности, от стабильности они переходят к общению, а от общения движутся к свободе, пребывающей с безопасностью и устойчивостью в относительном конфликте. При этом политическому дрейфу к свободе сопутствует как бы переход социума от эмоционального разочарования к надежде.[479]

В государство нас объединяет не то, чем мы были вчера, а то, чем мы будем завтра, писал Х.Ортега-и-Гассет в условиях реальности, применительно к которой К.Ясперс говорил о политической воле, как о стремлении обрести судьбу посредством смены поколений.[480] Впрочем, еще до наступления этой реальности Ш.Фурье теоретически решился на замену политического принципа "удушения страстей" противоположным принципом "притяжения по страсти".[481]

У Д.Локка политический договор есть соглашение любого числа свободных людей,[482] что согласуется с мнением А.Тойнби о том, что политическое эволюционирует через "разрушение кристалла обычая" к возникновению республики как новой ситуации подчинения масс свободно избранному руководителю и свободно принятому закону.[483] Так постепенно политическая активность перенацеливается на интересы "реформации в мире" (Д.Уинстенли), не щадящей и королей. И если для А.Гамильтона народ без общенационального государства есть картина внушающая ужас, то для А.Линкольна история уже создается волей каждого человека. Более того, именно это делает ее итоги "фундаментальными и поразительными".

Известно, чем объясняет такую трансформацию марксизм. Будучи психологически близок к британским ортодоксальным экономистам XVIII в., К.Маркс естественной целью

политических действий считал обогащение.[484] У Ф.Энгельса рабочие политически активны в силу своей природы,[485] которая определяется материальными условиями их жизни.[486] Фактически вся политическая власть основана в марксистской теории на экономических предпосылках.[487] Впрочем, убеждение еще Платона в классово-антагонистических корнях политического вообще свойственно "утопическому сознанию угнетенных классов".[488] Как одно из простейших известных истории социальное деление на бедных и богатых, легко стало универсальным аргументом в объяснении истоков политической активности. Между тем, имущественная зависть проявляет себя чаще как психологический, а не политический мотив. И хотя бедняки в самом деле могут оказаться более корыстными, чем богатые,[489] сегодня на этом примитивном тезисе не построить всю теорию социальных перемен.[490]

Богатство есть нерв политики как во время мира, так и во время войны считал Г.Мабли, но едва ли пропаганды этой мысли в массах было бы достаточно, чтобы из "тупо смотрящего на землю или вокруг себя" (Р.Оуэн) существа рабочий новой эпохи быстро превратился в преисполненного полезными идеями активного индивида.

Материализму, однако, сопротивлялись даже в час его торжества. Уже В.Райх считал, что марксисты существенно ошиблись, отвергая и осмеивая душу и ум человека, которые на самом деле есть то, "что движет всем".[491] На рубеже веков Л.Франк обвинял российскую интеллигенцию в обожествлении материального благополучия. Ему вторил Н.Федоров, также критиковавший понимание социального вопроса лишь как вопроса о доступности нарядов и комфорта. Недаром А.Пятигорский назвал марксизм мещанской теорией, пробуждающей "бешеную энергию в средних слоях населения".[492] Постепенно сомнения в модели, по которой политогенезу предшествовал классогенез, все более укреплялись. И хотя М.Шимечка за занавесом политической власти по-прежнему видел лишь возлежание римских патрициев, пирушки военной аристократии, полные желудки епископов, набитые перины горожан и золотые краны в ваннах комнатах Вандербильтов,[493] постепенно идея о том, что классогенез и политогенез не происходили во всех регионах мира по однозначной схеме[494] трансформировалась в убеждение, что становление политических отношений вообще не является непосредственным продуктом развития производственных отношений.[495]

Хотя промышленная революция и затронула политические структуры общества вместе со всеми остальными (применительно к японскому ренессансу с этим соглашался и К.Кирквуд),[496] однако всплеск политической активности в Европе в конце XVIII в. и ее кульминация во взрывных событиях XX в. обязаны не только индустриализации, но также распространению литературы и урбанизации. Иначе говоря, новый кодекс политического поведения формировался преимущественно культурным путем.[497]

Именно культурное многообразие стимулировало политическую жизнь античного общества, равно как социальная пестрота и многообразие индустриальной эпохи - политическую активность эпохи капитализма. Как видимо правильно считал Г.Спенсер, политический либерализм возник из индустриализма, однако не непосредственно, а через трансформацию режима статуса на режим контракта.[498] Что же касается явления индустриализации, то ее логика принесла в общество скорее не политическую свободу и либеральные ценности, а идею рационализации бесконечного (А.Уайтхед); веру в универсальность законов небесной механики (Х.-Г.Гадамер); административную "машинизацию", ведущую к выгодам централизма (М.Хайдеггер); восприятие общественного устройства в виде часового механизма (Г.Честертон); сомнительную, с точки зрения И.Канта, математизацию природоведения (Н.Бердяев); стремление управлять социальными процессами по правилам линейного процессора (Р.Абельсон) и

др. В итоге, как писал А.Уайтхед, все это привело к ограниченности моральных представлений не менее, чем трех поколений.

После второй мировой войны динамизм, энергия и внутренняя структурная сложность становятся характерными чертами не только технологии, но и политики. Ведь в новом мире и "человеческая машина" должна следовать требованиям Сади-Карно.[499] Технические достижения XX в. склоняют общество к вере в возможность устранения политической тирании простыми способами, а экономическое процветание и образование делают народы радикальными.[500] В итоге индустриализация и наука политически дестабилизировали общество.[501] Так НТР, революция нравов и политическая революция привели ко "всеобщему мировому ускорению" (С.Лем).[502] В свою очередь это повлекло за собой усиление "ролического активизма", привело к растущему участию всех в принятии политических решений.[503]

И хотя ускоренному развитию гражданского общества все еще сопутствовали отдельные попытки к сохранению политического status quo (у Г.Маркузе при повышении уровня жизни неподчинение политической системе выглядит бессмысленным),[504] новая политическая культура в конечном счете привела к ограничению патерналистской роли государств и возрастанию количества демократически принятых решений.[505] Постепенно между теми, кто стремился продвинуться вперед, сохранив консервативные ценности, и теми, кто был готов прогрессировать рискуя, возник настоящий конфликт. Несмотря на неясность отдельных черт данного противостояния, О.Тоффлер считает его главной предпосылкой мировой сверх-борьбы за будущее.

Конечно, писал Ф.Фукуяма, демократическая революция в мире еще потребует значительных усилий и борьбы.[506] В посттоталитарных странах такая борьба предполагает выбор между прогрессом на основе стратегии правительственной дисциплины, и развитием по пути политического либерализма, усилением позиций гражданского общества и общим ослаблением влияния бюрократии. Данный выбор естественным образом отражается на характере применяемых в той или иной стране конституционных средств. Основываясь на балансе национальных "материалистических" и "идеалистических" предпочтений, он все еще остается для многих из этих стран сложной проблемой.

Тем не менее, уже сегодня посттоталитарные изменения в политической морали практически всюду влияют на форму новых конституций, их общий правовой дизайн, стимулирующий (провоцирующий) или подавляющий эмоциональный отклик населения на тот или иной основной закон. Поэтому и сегодня творцам новых конституций фактически приходится отвечать на старый вопрос об искренности в праве. И это только лишь одна сторона проблемы. Важен здесь также и вопрос об участниках конституционного процесса. Если создателями конституции становятся государственные функционеры, то очевидно, что бюрократический интерес в ней становится преобладающим. Если же конституционную инициативу удастся перехватить гражданскому обществу, тогда свобода индивида и его ответственность, как конституционные категории, существенно возрастают.

За выбор новых конституционных приоритетов, как и вообще за прогресс приходится многим платить.[507] Однако лишь избежание серьезных ошибок позволяет обществу надеяться на "покой и погружение в себя" в условиях мира и благополучия.[508] Хотя история и доказывает, что политически обновлялись быстрее те общества, в которых лучше использовались индивидуальные ресурсы, устранялись препятствия к спонтанному раскрытию потенциала личности и ценились новые идеи,[509] это не исключает

вероятности ощутимых всплесков политического честолюбия в атмосфере вновь обретенной свободы.

Уже римлянин (civis) - это житель крепости, полиса (civitas), в которых формируется эгалитарный менталитет, основанный на горизонтальной солидарности. Однажды возникнув, горизонтальная структура начинает замещать собой структуру вертикальной солидарности, прежде скрепленную клятвой верности, приносимой низшими высшим.[510] И если в средние века народная и государственная жизнь почти тождественны, то в Новое время это тождество нарушается.[511] Естественно, что этот процесс проявляет себя и в изменении ряда культурных акцентов.

Так В.Гейзенберг отмечает характерную увлеченность голландских художников изображением политически активных индивидов уже в пятнадцатом веке,[512] а Ф.Бродель констатирует явление "чуда терпимости" всюду, где есть сообщество купцов. С приходом капитализма европейские города становятся анклавами нестесненной политической деятельности и свободы. Постепенно в исторической комбинации городской революции, роста торговли и философии Просвещения экономический прогресс утверждается вместе с представительным правлением. Параллельно этому происходит широкий политический процесс становления "национальной свободы", включающей в себя гарантии status negativus (невмешательства государства в личную сферу) и status activus (политического участия граждан в формировании государственной воли).[513] Все это, разумеется, закономерно. Ведь преобразование старого мира предполагает опору на примат будущего или на капиталистическое накопление.

Именно капитализм приводит к тому, что социальный прогресс "не совершается больше людьми, занимающими общественные должности", а производится "самим общественным организмом".[514] Фатальное пребывание людей в плену у вяло текущего времени сменяется их все более растущим осознанием того, что историческое время может действительно принадлежать политическому сообществу.[515]

Прогресс приводил людей к демократии, а демократия доказывала им возможность управлять, основываясь на принципах свободы.[516] Однако мысль о том, что практическая история есть лишь одна из многих возможностей свободы, давалась политическому сообществу непросто.[517] Идея о том, что политическая цивилизация является результатом спонтанного выбора, а не predeterminedного проекта (design),[518] утверждалась в общественном сознании лишь постепенно.

Даже сегодня спонтанность и непредсказуемость как свойства политической свободы раздражают и беспокоят официальных представителей государства. Между тем, именно способность ускользать от контроля делает свободу ценной. Стремление человека к свободе настолько основательно заложено в его природе, что даже страх ядерного Армагеддона, писал Ф.Дайсон, не может противостоять этой силе. Это стремление поддерживается также осознанием людьми реальной возможности обновления их жизни. Ничто из "пост" не является постоянным, писал П.Друкер, поэтому наше время - это время делать будущее.[519] У М.Фридмана желание людей жить, руководствуясь лишь собственной системой ценностей, является наибольшим из известных человеку искушений. И с ним не совладать никакому правительственному регулированию.

Здоровый дух общества выражается в добровольной активности, основанной на провозглашении новых идей. И так как на Западе существует множество людей с независимыми средствами к существованию, общественные инновации оказываются здесь как бы гарантированными. Наоборот, в тоталитарном мире замена свободной инициативы



государственным регулированием стала тяжелейшим испытанием для философии реальности, свободы и личности.[520]

Для понимания природы политической активности особенно важным является также выяснение роли идеально-символических мотиваций в социальном поведении индивида. Иными словами, речь идет о роли и значении в активности человека политического воображения. Как принято считать, политическая мысль всегда стремится перейти в действие. Но это также доказывает, что истоки политического коренятся преимущественно в интеллектуальной среде, которая, в свою очередь, формируется в размышлениях индивидов над коллективными проблемами. Исторически практика решения таких проблем привела к формированию в человеческом сознании особой символической системы, интеллектуальной структуры или "платформы" (С.Тулмин), возвышающейся над хаосом первоначально иррационального существования индивидов.

Следует признать, что создание той или иной символической системы - это вообще ключевой момент становления политической цивилизации,[521] интеллектуальную основу которой формируют доктрины, ценностные ориентации, лозунги и упорядоченные процедуры политической практики. Посредством процедур создаются институты, для которых лозунги и доктрины служат символами, оправдывающими их существование.[522] Именно этот процесс, говоря словами Э.Фромма, можно было бы назвать "производством с помощью мысли", не забывая при этом, что именно с него начиналась человеческая цивилизация.

Поскольку, как полагает Э.Кассирер, символы располагаются между системой рецепторов и эффекторов человека,[523] постольку именно они преобразовали всю человеческую жизнь. Сходный взгляд можно обнаружить и у П.Сорокина. Рассуждая об истоках политических преобразований, П.Сорокин особо выделяет формулировку рецептов улучшения человеческой жизни. Логично, что при этом политика становится у него как бы "социальной медициной" или "учением о счастье".

Частичное признание важной роли политических символов и мифов можно встретить и в советской литературе.[524] Впрочем, еще в конце XIX в. И.Франко писал, что идеальные образы и символы чрезвычайно важны для прогресса. И если такими символами пренебрегать, то социум рискует рано или поздно попасть в китайский застой.[525] Поэтому возможно, что критикуя отход Европы от абстрактных символов "свободы, равенства и братства" в пользу более конкретных лозунгов "порядка-власти-нации" или "труда-семьи-родины", Э.Мунье руководствовался сугубо прагматическими соображениями.[526]

Характерно, что и в России, в русле интеллектуальной традиции "философии души" К.Кавелин доказывал, что духовное играет в практической жизни громадную роль, оказывая на нее не меньшее влияние, чем математика и материальные свойства тел. В свою очередь, С.Франк писал, что главный мотив поведения людей есть стремление к отвлеченным моральным благам, которое Ф.Ницше удачно определил, как "любовь к вещам и призракам". Управляемым главным образом идеями считал человека Р.Фокс. Идеи у него стоят даже выше инстинктов. Закономерно поэтому, что идеологическое существование человека он считал главным. По мнению Р.Фокса люди всегда сражались друг с другом преимущественно за идеи, а не за материальные ценности.

Убеждение, что в основе политики лежит накопительство, является только марксистской прерогативой, писал Б.Рассел. На самом же деле люди ставят власть и славу выше богатства, а нации легко жертвуют своими благополучием, пытаясь заполучить

престижное место в сообществе народов. Именно поэтому социальная система, которая противодействует идеальным устремлениям людей, является неустойчивой. Ленивое большинство в политике всегда уступает энергичному меньшинству.[527]

Человеку органически свойственно стремиться ввысь, конкретные же мотивы такого стремления имеют второстепенный характер, писал Й.Хейзинга. Плодотворен поэтому лишь фанатизм совершенства, страстное стремление человека к тому, что кажется ему истинным и прекрасным. Индивид жаждет ощутить свою силу в стремлении к власти (*streben nach macht*), с чем и связана его смутная "тоска по совершенству", писал А.Адлер.[528] К.Поппер верил, что люди живут не столько хлебом насущным, сколько стремлением к духовным идеалам. Какое право имеют люди, спрашивал на рубеже XIX и XX вв. Л.Шестов, в виду происходящего, утверждать, что целью нашего существования является успокоенность и удовлетворенность?

Недаром Д.Рисмен настаивал на привнесении в наше сознание именно того, что К.Маркс отвергал, как "утопическое", по контрасту с механистическим и пассивным, чему марксизм старался как раз способствовать.[529] Еще Д.Локк заметил, что власть и богатство ценятся людьми лишь в той степени, в какой они способствуют их счастью. Как свободный деятель, говорил Ж.Маритен, человек есть животное, "кормящееся трансцендентным".[530] Политическое в индивиде проявляется в его способности рассматривать вещи *a priori*, в то время как публичной власти присуща способность судить о вещах лишь *posteriori*, писал Сен-Симон.

Человек изначально более значителен, чем только изготавливающее орудие животное, говорил Л.Мэмфорд. Ему свойственно использовать ум, производить символы и на этой основе самосовершенствоваться.[531] Именно поэтому человеку дано стать гражданином лучшего мира, идею которого он носит в своем уме. Трансцендентальные идеи, писал И.Кант, хоть и не дают нам положительного знания, однако, предохраняют наш разум от суживающих его утверждений материализма, натурализма и фатализма.[ 532] Мир без идеи будущего, как и мир обывателя, не заслуживает внимания науки, писал Э.Блох.[533] По мнению же М.Хайдеггера, людям вообще свойственно загораться мировоззренческими истинами, видя в них смысл всей своей жизни.[534] При этом они могут допускать, что обнаружат в себе когда-нибудь аспекты ментальности высших организмов. Ведь человек способен воспринимать больше того, что дают ему даже обостренные чувства.

Силу царства духа Н.Лосский считал громадной. Как писал С.Франк, в одни эпохи доминируют материальные, а в другие - моральные "блага-призраки". Поэтому утоление человеком чувства истины и справедливости он считал такой же потребностью, как и утоление голода. Характерно, что и у П.Новгородцева источником социальной динамики является "постоянное стремление к вечно усложняющейся цели".[535]

Говоря о политике, Д.Рисмен доказывал, что проблемы экономического изобилия и народонаселения потребуют работы, инструментом которой является символизм.[536] Поэтому людям не избежать выбора между доктриной "интенсивного фанатизма" (коммунизма) и не менее могущественной, но менее определенной доктриной "американского стиля жизни", считал Б.Рассел. Ведь симптоматично, что, не обладая биологическим единством, США демонстрируют сегодня миру сплоченность, напоминающую "преданность своему предприятию" (А.Линкольн).[537]

Примечательно также, что причины фиаско коммунизма З.Бжезинский видит в его неадекватности развитию духовного начала индивида. И хотя коммунистический материализм есть идеология, отвергающая реальность,[538] а избыток "придуманного"

отмечал в нем уже Ч.Милош,[539] интеллектуальная парадигма тоталитаризма лишена настоящей духовности. Вспомним, например, что главную угрозу капитализму Д.Шумпетер видел не в его экономических особенностях, а в присущей ему интеллектуальной апологетике материального начала, "атмосфере враждебности", которую создает финансовый успех.[540]

Интересно также, что социальных "пассионариев" Л.Гумилев выделял из человеческой массы по признаку их способности соблазняться идеальными целями. Мнение же о том, что люди стремятся исключительно к личной выгоде или деньгам он считал ошибочным, хоть и принадлежащим П.-А.Гольбаху. Человек способен жертвовать собой и своим потомством ради честолюбия, тщеславия и гордости. Вот почему политическая активность выступает у него как антиинстинкт, или инстинкт с обратным знаком.

В свое время И.Франко упрекал М.Драгоманова за его неверие в силу символического, подчеркивая при этом, что его идейный "материализм" стал главной причиной бесплодности его же практических политических попыток. По мнению И.Франко, людей обычно не удается вдохновить меркантильными теориями о бассейнах рек и сферах экономических интересов.[541] То реальное обстоятельство, что политические действия имеют сложную детерминацию, хорошо метафорически выразил Г.Честертон. Попробуйте представить себе, писал он, что солдат говорит: "Нога оторвалась? Ну и черт с ней! Зато у нас будут все преимущества обладания незамерзающими портами в Финском заливе!" Поэтому, почему бы война не началась, ее поддерживает лишь то, что коренится глубоко в душе.[542] Как известно, Г.Гессе не верил в самодостаточное стремление человека к физической силе и богатству. Все это для человека лишь средства к обретению радости бытия, писал он.[543]

Анализируя взгляды Гегеля на стремление личности к обретению достоинства, статуса и престижа, Ф.Фукуяма писал, что если бы у людей действительно доминировали только материальные потребности, то они легко примирились бы с жизнью в таких рыночно ориентированных автократиях, как Испания при Франко, Южная Корея или Бразилия при военном правлении. Но поскольку на самом деле люди обладают "гордостью своей самооценности", то постольку они требуют демократического правления - единственного из всех, которое воспринимает их взрослыми, автономными и свободными.[544] "Совесь, - писал Гегель, - выражает абсолютное право субъективного самосознания, а именно знать в себе и из себя самого, что есть право и долг, и признавать добром только то, что она таковым знает".[545]

Борьба за чистый престиж и распознавание ведет к индивидуальной независимости и свободе. И все таки люди порой жертвуют жизнью, любовью, свободой и автономностью мышления ради того, чтобы оставаться членами человеческого стада, идти с ним в ногу. Как писал Д.Рисмен, люди иногда утрачивают свою свободу и автономность в стремлении быть похожими друг на друга.[546] Например, национализм Французской революции видел долг и достоинство человека в его единении с государством.[547] Но даже и в таком союзе человек весьма часто желает медали или вражеского флага - объектов совершенно бесполезных с биологической точки зрения.[548]

По мнению Л.Томаса, "стремление быть полезным"[549] является едва ли не центральным аспектом всего человеческого поведения. Политический альтруизм этого рода присущ индивиду изначально, но он может быть также и воспитан.[550] Поскольку важнейшей потребностью человека является признание его достоинства другими, постольку и "в самых эгоистических стремлениях он признает право общего".[551] Именно в этих пределах он уважает человечество и любит его.[552]

У А.Герцена есть интересная мысль о том, что политическую природу человека характеризует не только его "распадение" с внешней средой, но и внутренний раскол в самом себе. Трагическое "мучение" гонит человека вперед. Именно рефлексивность, считал П.Чаадаев, выделяет человека из "всеобщего распорядка". При этом политические чувства вначале помогают индивиду осознать свою обособленность, а затем указывают ему на принадлежность личности универсуму всего мироздания. Таково, по мнению П.Чаадаева, общее направление эволюции политического духа.

Следует заметить, что политическое поведение человека в большинстве случаев характеризуется эмоциональностью. И хотя у Ж.Ламетри политический человек призван лишь повелевать, он и в этом реализует "сумму страстей" (Т.Дезами), соответствующих определенным интересам. В итоге может получиться, что индивид будет вынужден "поступать хорошо".[553] Считая политическое поведение человека производным от эмоций в большей степени, чем от логики, В.Парето трактовал политические отношения как отношения "психологических статусов".[554] Г.Моска тоже верил, что в публичном поведении индивиды руководствуются чувствами,[555] а Х.Ортега-и-Гассет истоки политического обнаруживал в стихиях, неподвластных разуму.

По мнению Б.Рассела, эмоциональную основу политической активности образуют накопительство, тщеславие, соперничество и жажда власти.[556] Д.Дьюи политическими эмоциями считал себялюбие, альтруизм, эгоизм, алчность, страх и стремление к славе. Современные исследователи эмпирической ориентации насчитывают в человеке 50 - 60 политических инстинктов. Впрочем, еще С.де Бовуар говорила, что от литературы и любовных ухищрений проложена прямая дорога к политическим интригам. Ведь политическая реальность богаче, чем все убогие, односторонние системы вместе взятые. Все человеческое - политично. Поэтому политические начала можно обнаружить даже в затворнической поэзии Малларме. С другой стороны, человек меняет свои политические предпочтения так же, как он меняет их в спорте, досуге или личных привязанностях. В жизни всего важнее сама жизнь.[557] И ничто в ней так не старо, как жажда эмоциональной новизны.

Нет ничего удивительного в том, что органическая парадоксальность человека отражается затем и в парадоксах политики. Именно в политике индивидуалист может неожиданно стать альтруистом. Ведь желание человека жить в обществе является в такой же мере политическим, как и стремление бежать из него. Склонность индивида жить в тесном социальном окружении, одновременно как бы изолировавшись от него, отмечают сегодня теоретики градостроительства.[558] Как писал в свое время И.Кант, человек не совпадает с идеей человечества, но именно эту идею он носит в своей душе.

Человек политический - это конформист, бунтарь и диссидент одновременно. А человечество - это не усредненный природный вид, беспокоящийся исключительно о самосохранении. Его программа не стагнация, а прогресс, именно поэтому индивиды всегда стремятся превзойти себя. Сама история сделала человека выходящим за свои пределы, писал К.Ясперс. И не случайно у К.Юнга здоровое общество образуют именно те, кто "не соглашается", а давний спор между свободой и необходимостью не может быть удовлетворительно решен ни с помощью опыта, ни с помощью рассудка.

Этика нравственной личности индивидуальна, не регламентирована и абсолютна. Этика же общества безлична, регламентирована и релятивна, писал А.Швейцер. Однако именно поэтому индивид не должен подчиняться этике общества. Последняя всегда желает иметь рабов, "которые бы не восставали".[559]

Стоит заметить, что отдельные аспекты политического поведения обнаруживаются у людей на уровне подсознания. Тайна свободы воли есть проблема трансцендентная, которую психология может лишь описать, но не разрешить, считал К.Юнг. Стремясь лишь к рациональному, мы можем обнаружить себя на пороге утраты смыслов бытия, подчеркивал он, имея в виду политику тоталитарной Германии и России. Подсознательное стремление человека к насилию, господству и обладанию признавал и М.Рокар. По его мнению, без иррационального момента невозможно было бы политически сплотить общество в период серьезных потрясений.

Известно, что К.Манхейм видел в политическом поведении человека проявления "экстатически-оргастической энергии". Причины крестьянских войн в Европе обнаруживаются им в "глубоких жизненных пластах и глухих сферах душевных переживаний".[560] Кроме того, как говорил М.Кундера, политические поступки иногда основываются на фантазии, словах и архетипах, в сумме производящих тот или иной политический кич (kitsch).[561] В иррациональную политическую жизнь верил и В.Липинский. На личный опыт политически иррационального ссылается и Г.Костюк.[562] Однако этот раздел темы требует к себе отдельного внимания.

Так или иначе, вышеизложенное позволяет предложить следующее общее определение политической активности:

Политическая активность есть особый вид человеческого действия (сознательного бездействия), направленного на достижение любых целей в качестве вторичного либо конечного результата, и предполагающего в виде непосредственной цели и первичного результата, а также обязательного предварительного условия своей эффективности, реализацию одной из разновидностей социального контакта.

Такой вид деятельности имеет тенденцию к расширению выбора возможных вариантов реализации своего интереса, и осуществляется преимущественно, но не исключительно, на основе компромисса, в котором сфера свободы одних участников этой деятельности определяется пределами свободы других ее участников, находящихся с первыми в состоянии кооперации усилий или, наоборот, конфликта.

[1] См.: Речицкий В. Конституционные гарантии обеспечения участия граждан СССР в управлении государственными и общественными делами. - Правоведение, № 1, 1984. - С. 37-41; Речицкий В. Конституционный механизм обеспечения участия граждан СССР в управлении государственными и общественными делами. - Деп. в ИНИОН АН СССР, № 9063 от 19.01.82г., Библ. указатель Государство и право, 1982, № 6.

[2] Ожегов С. Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1984. - С. 785.

[3] Советский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1985. - 1525.

[4] Кропоткин П. Записки революционера. - М.: Мысль, 1990. - С. 416.

[5] Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т.2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - 41.

[6] Довженко А. Из записных книжек. - Огонек, 1987, № 43. - С. 4.

[7] Морелли. Кодекс природы. М.: Изд-во АН СССР, 1947. - С. 76.

[8] Овидий П. Наука любить. - М.: Вернисаж, 1992. - С. 143.

[9] Бергер П. Капиталистическая революция. - М.: Прогресс, 1994. - С. 184.

[10] Сорокин П. Голод и идеология в обществе // Квинтэссенция. - М.: Политиздат, 1990. - С. 409.

[11] Лайтфут К. Права человека по-американски. - М.: Прогресс, 1983. - С. 36.

[12] Tocqueville A. Democracy in America. - USA: A Mentor Book, 1984. - P. 265.

[13] Almond G. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // The Civic Culture

- Revisited. - USA: Sage Publications, 1989. - P. 17.
- [14] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. 326.
- [15] Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - USA: University of Oklahoma Press, 1991. - P. 34.
- [16] Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1. - N.-Y.: Arlington House. - P. XXXIX.
- [17] Розанов В. Религия и культура. Т. 1. - М.: Правда, 1990. - С. 146.
- [18] Лабро Ф. Киссинджер 2000-го года? - За рубежом, 1992, № 8. - С. 10.
- [19] Bryce J. Modern Democracies. Vol. 1. - London: Macmillan, 1921. - P. 150.
- [20] Toffler A. The Third Wave. - N.-Y.: Bantam Books, 1994. - P. 68.
- [21] Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия, социология, политика. - М.: Правда, 1989. - С. 14.
- [22] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. - С. 252.
- [23] Буковский В. Чтобы противостоять правым, нужна сильная левая оппозиция. - Известия, 1992, 4 апреля. - С. 3.
- [24] Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. - С. 63.
- [25] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 150.
- [26] Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - USA: University of Oklahoma Press, 1991. - P. 6.
- [27] Что такое демократия. - USA: Информационное агентство США, 1991. - С. 4.
- [28] Рейган Р. Откровенно говоря. - М.: Новости, 1990. - С. 200-201.
- [29] Арон Р. Демократия и тоталитаризм. - М.: Текст, 1993. - С. 53.
- [30] Демократия для всех. Манифест чехословацкого движения за гражданские свободы. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 25-26. - С. 229.
- [31] Маринович М. Украина: дорога через пустыню. - Харків: Фолио, 1993. - С. 7.
- [32] См.: Fukuyama F. The End of History and The Last Man. - N.-Y.: Free Press, 1992. - P. 43.
- [33] Wallas G. Human Nature in Politics. - London: Constable and Company, 1910. - P. 51.
- [34] Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - USA: University of Oklahoma Press, 1991. - P. 298.
- [35] Иоффе Й. Демократия со второго захода. - За рубежом, 1992, № 22. - С. 10.
- [36] Bell D. The End of Ideology. - USA: Free Press, 1960. - P. 191.
- [37] Некоторые примеры эволюции взглядов В.И.Ленина на демократию приведены в работе: Речицкий В. Політичне знання в оновлюваному суспільстві. - Україна в сучасному світі. - Київ: Вид-во РАУ, 1990. - С. 32-43.
- [38] Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991. - С. 373.
- [39] Bryce J. Modern Democracies. Vol. 1. - London: Macmillan, 1921. - P. 182.
- [40] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - USA: University of Chicago Press, 1979. - P. 138.
- [41] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 20-21.
- [42] Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1955. - С. 254.
- [43] Эбенстайн В. Платон и Аристотель. - Знание-Сила, 1990, № 8. - С. 46.
- [44] Банс В. Борьба за либеральную демократию в Восточной Европе. - Проблемы Восточной Европы, 1990, № 29-30. - С. 37.
- [45] Gottfried P. The Conservative Movement. - N.-Y.: Twayne Publishers, 1993. - P. XVII.
- [46] Berlin I. Four Essay on Liberty. - N.-Y.: Oxford University Press, 1986. - P. 164.
- [47] Лисяк-Рудницький І. Між історією та політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 393.
- [48] Сорос Д. Утвердження демократії. Київ: Основи, 1994. - С. 8.
- [49] Топорков Л. Л.Валенса атакует правительство. Война всех со всеми? - Известия, 1990, 16 мая. - С. 5.
- [50] Южанинов Ю. Политик волею судьбы. - Аргументы и факты, 1990, № 46. - С. 2.
- [51] Зиновьев А. Гомо советикус. Пара беллум. - М.: Московский рабочий, 1991. - С. 142.

- [52] Хорошие законы еще не законность. - За рубежом, 1992, № 12. - С. 9.
- [53] Даллес А. Искусство разведки. - М.: Международные отношения, 1992. - С. 226.
- [54] Банс В. Борьба за либеральную демократию в Восточной Европе. - Проблемы Восточной Европы, 1990, № 29-30. - С. 14.
- [55] Бжезинский З. Третья американская революция. - Новое время, 1991, № 1. - С. 40.
- [56] Линц Х. Крушение демократических режимов. - Проблемы Восточной Европы, 1993, № 39-40. - С. 17.
- [57] Аксенов В. В поисках грустного Бэби. - М.: Конец века, 1992. - С. 154.
- [58] Dewey J. Freedom and Culture. - N.-Y.: Capricorn Book, 1963. - P. 129-130.
- [59] Dewey J. The Essential Writings. - N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. - P. 234.
- [60] Американские федералисты: Гамильтон, Медисон, Джей. - Vermont: Benson, 1990. - P. 185.
- [61] Фукуяма Ф. Конец истории? - Вопросы философии, 1990, № 3. - С. 136.
- [62] Berlin I. Four Essays on Liberty. - N.-Y.: Oxford University Press, 1986. - P. 130.
- [63] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 110.
- [64] Гастил Р. Какая демократия? - Диалог США, 1991, № 47. - С. 11-12.
- [65] Моль А. Социодинамика культуры. - М.: Прогресс, 1973. - С. 406.
- [66] Sartory G. Democratic Theory. - Westport: Greenwood Press, 1973. - P. 126.
- [67] Мэнсбридж Д. Женщины, правление и общее благо. - Диалог США, 1991, № 477 - С. 16.
- [68] Рассел Б. История западной философии. Ч. 1. - М.: Миф, 1993. - С. 17.
- [69] Бжезинский З. Мое представление о демократии. - Мы, 1990, 4 июля. - С. 6.
- [70] Люббе Х. Технические и социальные изменения как проблема ориентации // Философия техники в ФРГ. - М.: Прогресс, 1989. - С. 170.
- [71] Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. - М.: Прогресс, 1991. - С. 322.
- [72] Сэнктон Т. Джаз умер... Да здравствует джаз! - За рубежом, 1991, № 3. - С. 18-19.
- [73] Аксенов В. В поисках грустного Бэби. - М.: Конец века, 1992. - С. 439.
- [74] Буш Д. Украина - США: новый этап партнерства. - Радянська Україна, 1991, 3 серпня. - С. 1,3.
- [75] Миллер А. Борьба за правду должна быть защищена законом. - Известия, 1992, 26 июня. - С. 7.
- [76] Тойнби А. Постигение истории. - М.: Прогресс, 1991. - С. 18.
- [77] Мілош Ч. Поневолений розум. Мюнхен: Сучасність, 1985. - С. 50.
- [78] Мэнсбридж Д. Женщины, правление и общее благо. - Диалог США, 1991, № 47. - С. 14.
- [79] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 105.
- [80] Тимофеев Л. Фашизм в конце туннеля. - Известия, 1992, 21 ноября. - С. 3.
- [81] Федоров С. Регулировать печать - все равно, что руководить деятельностью мозга. - Известия, 1992, 25 июля. - С. 7.
- [82] Kommers D., Thompson W. Fundamentals in the Liberal Constitutional Tradition // Constitutional Policy and Change in Europe. - N.-Y.: Oxford University Press, 1995. - P. 38.
- [83] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 4.
- [84] Revel J. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 40.
- [85] Dewey D. The Essential Writings. - N.-Y.: Harper Torchbooks, 1977. - P. 224.
- [86] Штейн Г. Джон Дьюи. - Перспективы, 1986, № 4. - С. 135.
- [87] Dahl R. Dilemmas of Pluralist Democracy. - London: Yale University Press, 1982. - P. 36.
- [88] Парижская хартия для новой Европы. - Известия, 1990, 23 ноября. - С. 1; Документ Копенгагенского совещания - конференции по человеческому измерению СБСЕ. - Международная жизнь, 1990, № 9.
- [89] Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - С. 66.

- [90] Tocqueville A. Democracy in America. Vol. 1. - USA: Arlington House. - P. 242.
- [91] Berlin I. Four Essays on Liberty. - N.-Y.: Oxford University Press, 1986. - P. 137.
- [92] Конституции буржуазных государств. - М.: Юридическая литература, 1982. - С. 111, С. 153.
- [93] Новые конституции стран СНГ и Балтии. - М.: Манускрипт, 1994. - С. 591.
- [94] Конституції нових держав Європи та Азії. - Київ: УПФ, 1996. - С. 487.
- [95] Nowa Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. - Warszawa: Liber, 1997. - С. 5.
- [96] Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. - С. 421.
- [97] Кууси П. Этот человеческий мир. - М.: Прогресс, 1988. - С. 66.
- [98] Плеханов Г. Еще раз социализм и политическая борьба. - М.: 1959. - С. 102-103.
- [99] Бланшо М. Сад // Маркиз де Сад и XX век. - М.: Культура, 1992. - С. 47-88.
- [100] Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. - М.: Книга, 1925. - С. 208.
- [101] Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. - М.: Наука, 1989. - С. 267.
- [102] Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. - М.: Наука, 1978. - С. 52.
- [103] Там же. - С. 51.
- [104] Мережковский Д. Больная Россия. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. - С. 4.
- [105] Урбан Д., Джилас М. Между революцией и контрреволюцией. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 23-24. - С. 78.
- [106] Попов Г. Обратного хода не имеет. - Советская культура, 1988, 7 апреля. - С. 6.
- [107] Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. - М.: Наука, 1978. - С. 152.
- [108] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. - С. 177.
- [109] Бродель Ф. Время мира. - М.: Прогресс, 1992. - С. 553.
- [110] Стрелер Д. Театр для людей. - М.: Радуга, 1984. - С. 37.
- [111] Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). Ч. 1. - М.-Л.: Книга, 1925. - С. 162.
- [112] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. - Вопросы философии, 1989, № 5. - С. 143-144.
- [113] Шацкий Е. Утопия и традиция. - М.: Прогресс, 1990. - С. 258-259.
- [114] Розанов В. Уединенное. Т. 1. - М.: Правда, 1990. - С. 145.
- [115] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. - N.-Y.: A Harvest Book, 1973. - P. 107.
- [116] Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. - N.-Y.: Cambridge University Press, 1994. - P. 279.
- [117] Там же. - С. 99-100.
- [118] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. - С. 124.
- [119] Сорокин П. Дальняя дорога. Автобиография. - М.: Терра, 1992. - С. 76.
- [120] Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет... - М.: Прогресс, 1983. - С. 55.
- [121] Розанов В. Уединенное. Т. 2. - М.: Правда, 1990. - С. 302.
- [122] Мушинский В. Личность и политическая культура. - Советское государство и право, 1989, № 4. - С. 41.
- [123] Russell B. Authority and the Individual. - N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. - P. 69.
- [124] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. - С. 317.
- [125] Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 40, 39.
- [126] Проблемы Восточной Европы, 1990, № 29-30. - С. 16.
- [127] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С. 353.
- [128] Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. - М.: Политиздат, 1991. - С. 463.
- [129] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. 214.
- [130] Talmon J. Political Messianism. - London: Secker and Warburg, 1960. - P. 134. См. также: Gierke O. Natural Law and the Theory of Society 1500 to 1800. - Boston: Beacon Press, 1950. - P. 148.
- [131] Fitzpatrick K. The Experience of the American Human Rights Movement // Problems of



- Eastern Europe. Washington, 1992, № 35-36. - С. 196.
- [132] Dworkin R. A Matter of Principle. - USA: Harvard University Press, 1985. - P. 105. В американской политической культуре Д. Ролз различает гражданское неповиновение, вооруженное сопротивление, сознательное интеллектуальное неприятие, которые он считает стабилизирующими приспособлениями американской политической системы, см.: Rawls J. A Theory of Justice. - N.-Y.: Oxford University Press, 1973. - P. 363-368, 368-371, 383.
- [133] Ле-Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: Прогресс, 1992. - С. 255.
- [134] Мережковский Д. Больная Россия. - Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1991. - С. 139.
- [135] Конституции буржуазных государств. - М.: Юридическая литература, 1982. - С. 178.
- [136] Конституції нових держав Європи та Азії. - Київ: УПФ, 1996. - С. 516.
- [137] Конституции буржуазных государств. - М.: Юридическая литература, 1982. - С. 406.
- [138] Конституції нових держав Європи та Азії. - Київ: УПФ, 1996. - С. 454.
- [139] Новые конституции стран СНГ и Балтии. - М.: Манускрипт, 1994. - С. 613.
- [140] Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1974. - С. 343.
- [141] Rawls J. A Theory of Justice. - N.-Y.: Oxford University Press, 1973. - P. 390.
- [142] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. - М.: Феникс, 1992. - С. 240.
- [143] Мунье Э. Что такое персонализм? - М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994. - С. 64, 73.
- [144] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 155.
- [145] Riesman D. The Lonely Crowd. - N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. - P. 285-286, 301.
- [146] Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. - М.: Наука, 1990. - С. 144.
- [147] Лем С. Не может быть рая на земле. - Огонек, 1989, № 13. - С. 27.
- [148] Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988. - С. 42.
- [149] Зэлдин Т. Все о французах. - М.: Прогресс, 1989. - С. 44.
- [150] Хайдеггер М. Время и бытие. - М.: Республика, 1993. - С. 133.
- [151] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М.: Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1934. - С. 201.
- [152] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. - М.: Мысль, 1985. - С. 142.
- [153] Розанов В. Уединенное. Т. 2. - М.: Правда, 1990. - С. 229.
- [154] Писарев Д. Исторические эскизы. - М.: Правда, 1989. - С. 428.
- [155] Українське питання в європейськiм освiтленнi. - Відень: 1905. - С. 8.
- [156] Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30-60-е гг. XX в.). - М.: Изд-во МГУ, 1986. - С. 136.
- [157] Гумилев Л. О людях, на нас не похожих. - Советская культура, 1988, 15 сентября. - С. 6.
- [158] Кропоткин П. Записки революционера. - М.: Мысль, 1990. - С. 195.
- [159] Гессе Г. Дамиан. - Иностранная литература, 1993, № 5. - С. 109.
- [160] Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985. - С. 59.
- [161] Ролстон III Х. Существует ли экологическая этика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. - М.: Прогресс, 1990. - С. 273.
- [162] Уайльд О. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. - М.: Республика, 1993. - С. 441.
- [163] Милль С. Утилитаризм. О свободе. - СПб.: 1900. - С. 140-141.
- [164] Шлезингер А. Циклы американской истории. - М.: Прогресс, 1992. - С. 159.
- [165] Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. - М.: Мысль, 1983. - С. 449.
- [166] Плеснер Х. Ступени органического человека // Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988. - С. 127.
- [167] Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1974. - С. 31.
- [168] Сахаров А. Вспышка во мраке. - Новое время, 1991, № 21. - С. 41.

- [169] Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. - USA: Badminster Press, 1968. - P. 36.
- [170] Чичерин Б. О народном представительстве. - М.: 1899. - С. 205.
- [171] Хиггинс Р. Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. - М.: Прогресс, 1990. - С. 72.
- [172] Солженицын А. Как нам обустроить Россию. - Литературная газета, 1990, 18 сентября. - С. 5.
- [173] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. 30.
- [174] Там же. - С. 68.
- [175] Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. - London: George Allen, 1976. - P. 282.
- [176] Бурдьё П. Социология политики. - М.: Socio-Logos, 1993. - С. 135, 196.
- [177] Pareto V. The Rise and Fall of the Elites. - USA: Bedminster Press, 1968. - P. 8.
- [178] Гоббс Т. Левиафан. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1936. - С. 192.
- [179] Токарев С. Религия в истории народов мира. - М.: Политиздат, 1986. - С. 76-77.
- [180] Весоловский В. Классы, слои и власть. - М.: Прогресс, 1981. - С. 50-51.
- [181] Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. - М.: Прогресс, 1988. - С. 17, 31.
- [182] Моруа А. Жизнь Дизраэли. - М.: Политиздат, 1991. - С. 110.
- [183] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М.: Прогресс, 1988. - С. 382.
- [184] Шлемкевич М. Загублена українська людина. - N.-Y.: 1954. - С. 73.
- [185] Шпакова Р. Легитимность политической власти: Вебер и современность. - Советское государство и право, 1990, № 3. - С. 138.
- [186] Мидлер А. Академия для депутата. - Вестник высшей школы, 1990, № 4. - С. 74-78.
- [187] Бовин А. Вожди и массы. - Новое время, 1988, № 19. - С. 26-27.
- [188] Russell B. Authority and the Individual. - N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. - P. 27-28.
- [189] Гельвеций К.-А. Сочинения. В 2-х т. - М.: Мысль, 1973. - С. 266.
- [190] Кампанелла Т. Город Солнца. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - С. 52-53.
- [191] Фромм Э. Иметь или быть. - М.: Прогресс, 1986. - С. 67.
- [192] Башкирцева М. Дневник. - М.: Молодая гвардия, 1991. - С. 206.
- [193] Ануфриев Б. Социальный статус и активность личности. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - С. 201.
- [194] Д.Сартори писал, что поразительной чертой нашего времени является разрыв между ноу-хау, которое известно людям, не принимающим политических решений, и любительским уровнем понимания этих проблем лицами, принимающими такие решения (Sartori G. Democratic Theory. Westport: Greenwood Press, 1973. - P. 405).
- [195] Моэм С. Подводя итоги. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. - С. 15.
- [196] Токарев С. Религия в истории народов мира. - М.: Политиздат, 1986. - С. 41.
- [197] Murray E. The Symbolic Uses of Politics. - Chicago: Illinois University Press, 1985. - P. 78.
- [198] Нунен П. Я писала речи президенту. - За рубежом, 1990, № 39. - С. 18.
- [199] Видал Г. 1876. - Иностранная литература, 1986, № 5. - С. 108-109.
- [200] Кшесинская М. Воспоминания. - М.: Изд-во АРТ, 1992. - С. 54.
- [201] Перрюшо А. Жизнь Сера. - М.: Радуга, 1992. - С. 192.
- [202] Голос України, 1991, 5 квітня. - С. 10.
- [203] Льоса М. Теперь я знаю, что я всего лишь писатель. - За рубежом, 1991, № 52. - С. 23.
- [204] Bryce J. Modern Democracies. Vol. 2. - London: Macmillan, 1921. - P. 603.
- [205] Русская литературная утопия. - М.: Изд-во МГУ, 1986. - С. 116.
- [206] Ануфриев Б. Социальный статус и активность личности. - М.: Изд-во МГУ, 1984. - С. 64.
- [207] Почему у нас мало по-настоящему образованных людей. - Литературная газета,

- 1987, 13 мая. - С. 12.
- [208] Берберова Н. Железная женщина. - М.: Книжная палата, 1991. - С. 50.
- [209] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 317.
- [210] Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 690.
- [211] Медведев Р. О Сталине и сталинизме. - Знамя, 1989, № 1. - С. 179.
- [212] Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. - М.: Прогресс, 1990. - С. 36.
- [213] Шлютер П. В поисках начала круга. - Огонек, 1989, № 6. - С. 14-15.
- [214] Havel V. Open Letters. - N.-Y.: Vintage Books, 1992. - P. 233.
- [215] Уэллс О. Уэллс об Уэллсе. - М.: Радуга, 1990. - С. 37.
- [216] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. - С. 396.
- [217] Моэм С. Подводя итоги. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. - С. 174.
- [218] Бовуар С. де. Друга статья. Т. - Київ: Основи, 1995. - С. 370.
- [219] Фрэйзер Д. Золотая ветвь. - М.: Политиздат, 1980. - С. 58.
- [220] Бакунин М. Философия, социология, политика. - М.: Правда, 1989. - С. 102-103.
- [221] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 112.
- [222] Тендряков В. На блаженном острове коммунизма. - Новый мир, 1988, № 9. - С. 29.
- [223] Лоренц К. Агрессия. - М.: Прогресс, 1994. - С. 257.
- [224] Наврозов Л. Коллективное мышление и бакенбарды Дизраэли. - Известия, 1992, 16 мая. - С. 6.
- [225] Уинстенли Д. Избранные памфлеты. - М.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 98.
- [226] Морелли. Кодекс природы. - М.: Изд-во АН СССР, 1947. - С. 141.
- [227] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 170.
- [228] Шульгин О. Державність чи гайдамащина. - Париж: Меч, 1931. - С. 1.
- [229] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. - С. 549.
- [230] Гавел В. Политику требуются принципы и хорошие манеры. - За рубежом, 1991, № 47. - С. 6.
- [231] Гавел В. Путь без насилия. - Известия, 1990, 24 февраля. - С. 5.
- [232] Черниловский З. Правовое государство: исторический опыт. - Советское государство и право, 1989, № 4. - С. 55.
- [233] Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. - London: George Allen, 1976. - P. 295.
- [234] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. - М.: Феникс, 1992. - С. 283.
- [235] Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30-60-е гг. XX в.) Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1986. - С. 136.
- [236] Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. - М.: Прогресс, 1989. - С. 182.
- [237] Гессе Г. Письма по кругу. - М.: Прогресс, 1987. - С. 117.
- [238] Пятигорский А. Философия одного переулка. - М.: Прогресс, 1992. - С. 38-39.
- [239] Рязанов Э. Борьба со сталинизмом. - Московские новости, 1988, 4 сентября.
- [240] Havel V. Open Letters. - N.-Y.: Vintage Books, 1992. - P. 320.
- [241] Корецкий И. О памятнике инакомыслию. - Советская культура, 1989, 31 января. - С. 1.
- [242] Кон И. Психология социальной инерции. - Коммунист, 1988, № 1. - С. 68.
- [243] Squires J. Liberal Constitutionalism, Identity and Difference // Political Studies, Vol. XLIV, 1996. - P. 623.
- [244] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. - N.-Y.: A Harvest Book, 1973. - P. 311.
- [245] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. - М.: Наука, 1969. - С. 219.
- [246] Гольбах П.-А. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1963. - С. 182.
- [247] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. - М.: Феникс, 1992. - С. 64.
- [248] Каньгин Ю. Основы когнитивного обществоведения. - Киев: 1993. - С. 163.
- [249] Шпет Г. Сочинения. - М.: Правда, 1989. - С. 483.
- [250] Благош Й. Формы правления и права человека в буржуазных государствах. - М.:

- Юридическая литература, 1985. - С. 35.
- [251] Гессе Г. Письма по кругу. - М.: Прогресс, 1987. - С. 294.
- [252] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. - С. 90.
- [253] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. - С. 544.
- [254] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. - С. 364.
- [255] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. - С. 282.
- [256] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. - С. 446.
- [257] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. - С. 252.
- [258] Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 3. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - С. 48.
- [259] Федотов Г. Будет ли существовать Россия // О России и русской философской культуре. - М.: Наука, 1990. - С. 460.
- [260] Brzezinski Z. Out of Control. - N.-Y.: 1993. - P. 116.
- [261] Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. - М.: Наука, 1992. - С. 65.
- [262] Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991. - С. 143.
- [263] Шахназаров О. О классовой борьбе. - Международная жизнь, 1989, ноябрь. - С. 99.
- [264] Винер Н. Кибернетика и общество. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. - С. 62.
- [265] Пятигорский А. Философия одного переулка. - М.: Прогресс, 1992. - С. 154.
- [266] Американська демократія. - USA: Сучасність, 1990. - С. 30-31.
- [267] Зиновьев А. Зияющие высоты Т. 2. - М.: Пик, 1990. - С. 176.
- [268] Einstein A. Out of My Later Years. - London: Thames and Hudson, 1950. - P. 11.
- [269] Лифшиц Р. Близок ли критический час. - Поиск, 1989, № 35. - С. 4-5.
- [270] Milosz C. Visions from San-Francisco Bay. - N.-Y.: Farrar Straus Girox, 1983. - P. 196.
- [271] Hayek F. The Constitution of Liberty. - Chicago: University of Chicago Press, 1960. - P. 114.
- [272] Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. - М.: Прогресс, 1989. - С. 165.
- [273] Berlin I. Four Essays on Liberty. - N.-Y.: Oxford University Press, 1986. - P. 120.
- [274] Батай Ж. Литература и зло. - М.: Изд-во Московского университета, 1994. - С. 93.
- [275] Дезами Т. Кодекс общности. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - С. 413.
- [276] Швейцер А. Благоговение перед жизнью. - М.: Прогресс, 1992. - С. 491.
- [277] Сергеев В. Тигр в болоте. - Знание - сила, 1988, № 7. - С. 73.
- [278] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1985. - С. 240-241.
- [279] Бакунин М. Философия, социология, политика. - М.: Правда, 1989. - С. 52.
- [280] Мережковский Д. Больная Россия. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - С. 19.
- [281] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. - С. 112.
- [282] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. - С. 68-69.
- [283] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. - С. 122-124.
- [284] Эйдельман Н. Оптимизм исторического знания. - Огонек, 1988, № 44. - С. 4.
- [285] Попов Н. "Глас народа" в условиях гласности. - Советская культура, 1987, 11 июня. - С. 3.
- [286] Дай Т., Зиглер Л. Демократия для элиты. - М.: Юридическая литература, 1984. - С. 246.
- [287] Никитинский В. Перестройка в правовой системе, юридической науке, практике. - Советское государство и право, 1987, № 10. - С. 52.
- [288] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. - N.-Y.: A Harvest Book, 1973. - P. 446.
- [289] Шпакова Р. Легитимность политической власти: М.Вебер и современность. - Советское государство и право, 1990, № 3. - С. 139.
- [290] Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Собрание сочинений. Т. 2. - М.: 1900. - С. 224.
- [291] Померанц Г. Будущее мироустройство и русская идея. - Век XX и мир, 1990, № 2. - С. 27.
- [292] Ионеско Э. Носорог: пьесы и рассказы. - М.: Текст, 1991. - С. 274.

- [293] Грушин Б. Массовое сознание. - М.: Политиздат, 1987. - С. 234-235.
- [294] Харц Л. Либеральная традиция в Америке. - М.: Прогресс, 1993. - С. 201.
- [295] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С. 26.
- [296] Хаксли О. И после многих весен. - М.: Изд-во Сабашниковых, 1992. - С. 219.
- [297] Кундера М. Бессмертие. - СПб.: Азбука, 1996. - С. 354.
- [298] Богданов А. Всеобщая организационная наука (Тектология). - Л.-М.: Книга, 1925. - С. 247.
- [299] Фейербах Л. История философии. В 3-х т. Т. 2. - М.: Мысль, 1974. - С. 79.
- [300] Иванова С. Зарплата мелкими купюрами. - Известия, 1991, 14 марта. - С. 3.
- [301] Бернар С. Моя двойная жизнь. - М.: Радуга, 1991. - С. 83.
- [302] Стейнбек Д. Наедине со временем. - М.: Прогресс, 1988. - С. 351.
- [303] Arendt H. The Origins of Totalitarianism. - USA: A Harvest Book, 1973. - P. 312.
- [304] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. - С. 498.
- [305] Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - С. 111.
- [306] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. - С. 370.
- [307] Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ. - М.: Прогресс, 1989. - С. 389.
- [308] Гулиев В. Теоретические вопросы социалистического самоуправления. - Советское государство и право, 1986, № 2. - С. 6.
- [309] Мамут Л. Великое открытие в науке о государстве. - Советское государство и право, 1983, № 3. - С. 39.
- [310] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. - С. 68.
- [311] Гулиев В. Теоретические вопросы социалистического самоуправления. - Советское государство и право, 1986, № 2. - С. 7. Аналогичный подход см.: Пчелинцева К., Шарафетдинов Н. Теоретические вопросы социалистического самоуправления народа. - Советское государство и право, 1986, № 7. - С. 138.
- [312] Масленников В. Трудовой коллектив и его конституционный статус. - М.: Наука, 1984. - С. 101.
- [313] Примерно так понимали роль самоуправления в конце 80-х годов В.Гулиев, Б.Лазарев, В.Лазарев, В.Додин, М.Цвик, А.Щиглик, В.Масленников, см.: Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. - М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1986. - С. 161.
- [314] Тихомиров Ю. О природе и системе социалистического самоуправления народа // Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. - М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1986. - С. 35.
- [315] Уилсон И. Новая американская тенденция: индивидуализм, плюрализм, децентрализация. - Америка, 1982, май. - С. 5.
- [316] Цвик М. Социалистическая демократия и самоуправление. - Советское государство и право, 1985, № 4. - С. 5.
- [317] Хорошилова Т. Застолье. - Комсомольская правда, 1984, 22 июля.
- [318] Моисеев Н. Зачем дорога, если она не ведет к храму // Иного не дано. - М.: Прогресс, 1988. - С. 54.
- [319] Бурлацкий Ф. Новое мышление. - М.: Политиздат, 1988. - С. 26-27.
- [320] Дьяконов И. История эмоций? - Знание-сила, 1988, № 5. - С. 37.
- [321] Писарев Д. Исторические эскизы. - М.: Правда, 1989. - С. 194.
- [322] Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. - Москва-Киев: REFL-book, 1994. - С. 91.
- [323] Мир философии. Ч. 2. - М.: Политиздат, 1991. - С. 341.
- [324] Ткачев П. Кладези мудрости российских философов. - М.: Правда, 1990. - С. 74.
- [325] Хайдеггер М. Время и бытие. - М.: Республика, 1993. - С. 106.
- [326] Вернадский В. Философские мысли натуралиста. - М.: Наука, 1988. - С. 90.
- [327] Грабович Г. Шевченко як міфотворець. - Київ, Радянський письменник, 1991. - С.

- [328] Tocquville A. Democracy in America. Vol. 1. - USA: Arlington House. - P. 218.
- [329] Гумилев Л. География этноса в исторический период. - М.: Наука, 1990. - С. 94, 198.
- [330] Havel V. Open Letters. - N.-Y.: Vintage Books, 1992. - P. 269.
- [331] Доменак Ж. Європа: виклик культурі. - Ї, 1995, № 1. - С. 17.
- [332] Лотман Ю. Культура и взрыв. - М.: Прогресс, 1992. - С. 29, 34.
- [333] Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 245.
- [334] Оуэн Р. Избранные сочинения. Т. 2. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 132.
- [335] Мабли Г. Избранные произведения. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 190.
- [336] Баткер Э. Предисловие // Хайек Ф. Общество свободных. - London: 1990. - С. 8.
- [337] Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. - М.: Новости, 1992. - С. 130-131.
- [338] Fukuyama F. The End of History and the Last Man. - USA: Free Press, 1992. - P. 63.
- [339] Walles G. Human Nature in Politics. - London: Constable and Company, 1910. - P. 21, 23.
- [340] Новгородцев П. Об общественном идеале. - М.: Правда, 1993. - С. 149, 132.
- [341] Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. - М.: Наука, 1991. - С. 28.
- [342] Дейвис П. Как познать природу?. - За рубежом, 1992, № 20. - С. 20.
- [343] Easton D. A Framework for Political Analysis. - USA: Prentice-Hall, 1965. - P. 30.
- [344] Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 413.
- [345] Talmon J. The Origins of Totalitarian Democracy. - London: Secker and Warburg, 1952. - P. 30.
- [346] Франк С. Сочинения. - М.: Правда, 1990. - С. 515.
- [347] Ортега-и-Гассет Х. Спортивное происхождение государства. - Философская и социологическая мысль, 1990, № 6. - С. 43.
- [348] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Vol. 3. - Chicago: University of Chicago Press, 1979. - P. 156, 157, 169.
- [349] Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. - М.: Наука, 1991. - С. 304.
- [350] Яковлев В. О мировоззрении Вацлава Гавела. - Социально-политические науки, 1991, № 1. - С. 62.
- [351] Steinbeck J. The Portable Steinbeck. - USA: Penguin Books, 1976. - P. 530-531.
- [352] Новгородцев П. Об общественном идеале. - М.: Правда, 1993. - С. 219.
- [353] Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 1, Ч. 1. - М.: Мысль, 1965. - С. 257, 260.
- [354] Крачфилд Д., Фармер Д., Паккард Н., Шоу З. Хаос. - В мире науки, 1987, № 2. - С. 28.
- [355] Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. - Киев: Air Land, 1994. - 298.
- [356] Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. - М.: Правда, 1990. - С. 288.
- [357] Riesman D. The Lonely Crowd. - N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. - P. 192-193.
- [358] Бродель Ф. Время мира. - М.: Прогресс, 1992. - С. 66.
- [359] Тойнби А. Постигание истории. - М.: Прогресс, 1991. - С. 276.
- [360] Самосознание европейской культуры XX века. - М.: Политиздат, 1991. - С. 260.
- [361] Лисяк-Рудницький І. Між історією й політикою. - Мюнхен: Сучасність, 1973. - С. 346.
- [362] Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: REFL-book, 1994. - С. 219.
- [363] Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - С. 203.
- [364] Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - USA: University of Oklahoma Press, 1991. - P. 316.
- [365] Там же. - С. 15-16.
- [366] Хома О. Паскаль про справедливість у суспільстві: машини, право, сили // Дух і літера, Т. 1-2. - Київ: 1997. - С. 289.
- [367] Talmon J. Political Messianism. - London: Secker and Warburg, 1960. - P. 518.
- [368] Мид М. Культура и мир детства. - М.: Наука, 1988. - С. 359.
- [369] Монтескье Ш. Избранные произведения. - М.: Госполитиздат, 1955. - С. 305.

- [370] Кристал И. Ответ Фукуяме. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 27-28. - С. 122.
- [371] Хантингтон С. Выхода нет: заблуждения эндизма. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 27-28. - С. 140-141.
- [372] Selden R. The Rhetoric of Enterprise // Enterprise Culture. - London and New-York: Routledge, 1991. - P. 66.
- [373] Waller G. Human Nature in Politics. - London: Constable and Company, 1910. - P. 44.
- [374] Шпет Г. Сочинения. - М.: Правда, 1989. - С. 572.
- [375] Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. - Изд-во ЛГУ, 1991. - С. 53.
- [376] Честертон Г. Вечный человек. - М.: Политиздат, 1991. - С. 248.
- [377] Ерофеев В. Москва-Петушки. - М.: Интербук, 1990. - С. 16.
- [378] Розанов В. Религия и культура. Т. 1. - М.: Правда, 1990. - С. 376.
- [379] Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. - М.: Прогресс, 1988. - С. 172.
- [380] Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. - М.: Terra, 1990. - С. 224.
- [381] Brzezinski Z. Out of Control. - N.-Y.: 1993. - P. XIV.
- [382] Стахів М. Україна в добі Директорії УНР. - USA: Ukrainian Free University, 1964. - P. 169.
- [383] Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. - М.: Новости, 1992. - С. 80.
- [384] Писарев Д. Исторические эскизы. - М.: Правда, 1989. - С. 26.
- [385] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. - М.: Феникс, 1992. - С. 322.
- [386] См.: Brzezinski Z. Out of Control. - N.-Y.: 1993. - P. 82.
- [387] Эрхард Л. Благосостояние для всех. - USA: Посев, 1990. - С. 23.
- [388] Gray J. Post-Liberalism. - London: Routledge, 1996. - P. 46.
- [389] Bell D. The End of Ideology. - USA: Free Press, 1960. - P. 271.
- [390] Гессе Г. Письма по кругу. - М.: Прогресс, 1987. - С. 45.
- [391] Руссо Ж.-Ж. Трактаты. - М.: Наука, 1969. - С. 119.
- [392] Атила А. Мир человека как субъекта производства. - М.: Прогресс, 1984. - С. 139.
- [393] Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. - М.: 1957. - Ч. 3, опр. 2.
- [394] Батай Ж. Сад и обычный человек // Маркиз де Сад и XX век. - М.: Культура, 1992. - С. 111.
- [395] Сахаров А. Мир через полвека. - Новое время, 1990, № 2. - С. 39.
- [396] Лоренц К. Агрессия. - М.: Прогресс, 1994. - С. 36-37.
- [397] Russell B. Authority and the Individual. - N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. - P. 8.
- [398] Валери П. Об искусстве. - М.: Искусство, 1993. - С. 84.
- [399] Гилберт Н., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. - М.: Прогресс, 1987. - С. 14.
- [400] Аксенов Г. Пространственно-временные аспекты организованности биосферы и ноосферы // Кибернетика и ноосфера. - М.: Наука, 1986. - С. 29.
- [401] Кирилюк А. Категория "активность": мировоззренческие и методологические функции. - Киев: Наукова думка, 1985. - С. 21.
- [402] Sartori G. Democratic Theory. - Westport: Greenwood Press, 1973. - P. 35.
- [403] Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990. - С. 603.
- [404] Там же. - С. 497.
- [405] Швейцер А. Культура и этика. - М.: Прогресс, 1973. - С. 75.
- [406] Шарден Т. де. Феномен человека. - М.: Наука, 1987. - С. 222.
- [407] Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. - С. 45-46.
- [408] Наэм Д. Психология и психиатрия в США. - М.: Прогресс, 1984. - С. 68.
- [409] Новый мировой порядок и политическая общность. - М.: Наука, 1983. - С. 197.
- [410] Easton D. A Framework for Political Analysis. - USA: Prentice Hall, 1965. - P. 23.
- [411] Раду Д. Идея культурного прогресса в современном мире. - М.: Прогресс, 1984. - С. 42.
- [412] Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 64, 85.

- [413] Белль Г. Франкфуртские чтения // Самосознание европейской культуры XX в. - М.: Мысль, 1991. - С. 314.
- [414] Вико Д. Новая наука. - М.: 1940. - С. 269.
- [415] Критика новейших буржуазных учений о государстве и праве. - М.: Прогресс, 1982. - С. 82.
- [416] Easton D. A Framework for Political Analysis. - USA: Prentice Hall, 1965. - P. 50.
- [417] Rawls J. Political Liberalism. - N.-Y.: Columbia University Press, 1993. - P. 183.
- [418] Поваров Г. Ампер и кибернетика. - М.: Советское радио, 1977. - С.32.
- [419] Гоббс Т. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 1. - М.: 1964. - С. 59-60.
- [420] Маринович М. Україна: дорога через пустелю. Харків : Фоліо, 1993. - С. 99.
- [421] Арон Р. Демократия и тоталитаризм. - М.: Текст, 1993. - С. 21-22.
- [422] Хиггинс Р. Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. - М.: Прогресс, 1990. - С. 63.
- [423] Нарта М. Теория элит и политика. - М.: Прогресс, 1978. - С. 122.
- [424] Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано. - М.: Прогресс, 1988. - С. 171, Тулмин С. Человеческое понимание. - М.: Прогресс, 1984. - С. 214.
- [425] Бжезинский З. Большой провал. - N.-Y.: Liberty Publishing House, 1989. - P. 255.
- [426] Дойч К. Основные изменения в политологии // Политические отношения: прогнозирование и планирование. - М.: Наука, 1979. - С. 83.
- [427] Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. - М.: Наука, 1991. - С. 11.
- [428] Бродель Ф. Время мира. - М.: Прогресс, 1992. - С. 482.
- [429] Весоловский К. Классы, слои и власть. - М.: Прогресс, 1981. - С. 43.
- [430] Кейзеров Н. Политическая и правовая культура. - М.: Юридическая литература, 1983. - С. 28.
- [431] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. - С. 79.
- [432] См.: Лебедев М. К вопросу о закономерностях политики, их характере и механизме действия. - Советское государство и право, 1984, № 11. - С. 4, а также: Бурлацкий Ф. Ленин, государство, политика. - М.: Наука, 1970. - С. 47-48; Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс, 1979. - С. 21, 157; Дейцев С. Политические аспекты глобальных проблем современности. - Советское государство и право, 1986, № 5. - С. 130-132; Зайцев Ф. Проблема освоения интеллектуальных систем в политической деятельности // Проблемы развития и освоения интеллектуальных систем. - Новосибирск: 1986. - С. 234; Кирилук А. Категория "активность": мировоззренческие и методологические функции. - Киев: Наукова думка, 1985. - С. 110-111; Ключев А. Особенности развития политической активности граждан при социализме // Политические институты и процессы. - М.: Наука, 1986. - С. 122; Курашвили Б. Очерк теории государственного управления. М.: Наука, 1987. - С. 66; Пискотин М. Социализм и государственное управление. - М.: Наука, 1988. - С.252; Политика и общество: социально-политические проблемы развитого социализма. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. - С. 106-116; Рац М. Каков поп, таков и приход. - Книжное обозрение, 1993, № 37. - С. 22; Рудич Ф. Политика как объект системного исследования. - Философская и социологическая мысль, 1990, № 1. - С. 21; Тихомиров Ю. Социализм и политическая деятельность. - М.: ИГПАН СССР, 1984. - С. 48; Философская энциклопедия. Т. 4. - М.: Советская энциклопедия, 1964. - С. 295; Шахназаров Г. Введение // В.И.Ленин как политический мыслитель. - М.: Политиздат, 1981. - С. 6; подобные определения и подходы предлагались также Азаровым Н., Арской Л., Артемовым Г., Сергиевым А. и др.
- [433] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. - С. 132.
- [434] Горбачев М. Ответы на вопросы газеты "Юманите". - Правда, 1986, 8 февраля. - С.1.
- [435] Кэндзюро Я. Философия свободы. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. - С. 15.
- [436] Fukuyama F. The End of History and the Last Man. - N.-Y.: Free Press, 1992. - P. 162.
- [437] Скуратов Ю. О конституционном содержании некоторых политических категорий. -



- Правоведение, 1986, № 1. - С. 25.
- [438] Арон Р. Демократия и тоталитаризм. - М.: Текст, 1993. - 26.
- [439] Морелли. Кодекс природы. - М.: Изд-во АН СССР, 1947. - 67.
- [440] Восленский М. Номенклатура. - М.: Советская Россия, 1991. - 581.
- [441] Аристотель. Политика. - М.: 1893. - С. 123.
- [442] National Standards for Civics and Government. - USA: Center for Civic Education, 1994. - P. 45.
- [443] Алексеева Т., Кравченко И. Политическая философия: к формированию концепции. - Вопросы философии, 1994, № 3. - С. - 6.
- [444] Sartori G. Democratic Theory. - Westport: Greenwood Press, 1973. - P. 35.
- [445] Ясперс К. Цель - свобода. - Новое время, 1990, № 5. - С. 36.
- [446] Зиновьев А. Зияющие высоты. Т. 2. - М.: Изд-во ПИК, 1990. - 138-139.
- [447] Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. - М.: Феникс, 1992. - С. 84.
- [448] Ортега-и-Гассет Х. Спортивное происхождение государства. - Философская и социологическая мысль, 1990, № 6. - С. 47.
- [449] Демократия для всех. Манифест чехословацкого Движения за гражданские права и свободы. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 25-26. - С. 227.
- [450] Мережковский Д. Больная Россия. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. - С.29.
- [451] Бирс А. Избранное. - М.: Прогресс, 1982. - С. 457-458.
- [452] Иммервар Д., Янкелович Д. Новая трудовая этика. - Америка, 1986, № 350. - С. 4-5.
- [453] Камю А. Бунтующий человек. - М.: Политиздат, 1990. - С. 247.
- [454] Витаньи И. Общество, культура, социология. - М.: Прогресс, 1984. - С. 108, 114.
- [455] Швейцер А. Культура и этика. - М.: Прогресс, 1973. - С. 161.
- [456] Сент-Экзюпери А.де. Военные записки 1939-1944г. Художественная публицистика. - М.: Прогресс, 1986. - С. 53.
- [457] Бжезинский З. Научная необходимость в стратегии по отношению к бывшим коммунистическим государствам. - Проблемы Восточной Европы, 1992, № 35-36. - С. 5.
- [458] Кашук Ю. Камни и кони. - Книжное обозрение, 1990, 1 июня. - С. 4.
- [459] Вернадский В. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. - С. 28.
- [460] Гумилев Л. География этноса в исторический период. - Л.: Наука, 1990. - С. 33-34.
- [461] Кейзеров Н. Политическая и правовая культура. - М.: Юридическая литература, 1983. - С. 7.
- [462] Там же. - С. 31.
- [463] Липа Ю. Призначення України. - N.-Y.: Говерля, 1953. - С. 17.
- [464] Фокс Р. Фатальная привязанность: война и человеческая природа. - Проблемы Восточной Европы, 1993, № 37-38. - С.132.
- [465] Skocpol T. Social Revolutions in the Modern World. - N.-Y.: Cambridge University Press, 1994. - P. 64.
- [466] Тулмин С. Человеческое понимание. - М.: Прогресс, 1984. - С. 65.
- [467] Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991. - С. 349.
- [468] Ролстон Х. III. Существует ли экологическая этика // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. - М.: Прогресс, 1990. - С. 287.
- [469] История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. - М.: Наука, 1983. - С. 157.
- [470] История первобытного общества. Эпоха классовообразования. - М.: Наука, 1988. - С. 326.
- [471] Там же. - С. 198.
- [472] Там же. - С. 6.
- [473] Вятр Е. Социология политических отношений. - М.: Прогресс, 1979. - С. 80-82.
- [474] Гоббс Т. Левиафан. - М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1936. - С. 115.
- [475] Мабли Г. Избранные произведения. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 60.

- [476] Уинстенли Д. Избранные памфлеты. - М.: Изд-во АН СССР, 1950. - С. 241.
- [477] Морелли. Кодекс природы. - М.: Изд-во АН СССР, 1947. - С. 99.
- [478] Гарэн Э. Проблемы итальянского возрождения. - М.: Прогресс, 1986. - 43.
- [479] Дайсон Ф. Оружие и надежда. - М.: Прогресс, 1990. - С. 17.
- [480] Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Политиздат, 1991. - С. 67.
- [481] Фурье Ш. Избранные сочинения. Т. 3. - М.: Изд-во АН СССР, 1954. - С. 283-284.
- [482] Локк Д. Сочинения. В 3-х т. Т. 3. - М.: Мысль, 1988. - С.319, 328.
- [483] Тойнби А. Постижение истории. - Прогресс, 1991. - С. 135.
- [484] Рассел Б. Практика и теория большевизма. - М.: Наука, 1991. - С. 72-73.
- [485] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 33. - С. 328.
- [486] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. - С. 18-19.
- [487] Розин Э., Нцкирвели Г. Ф.Энгельс и проблемы государства. - Правоведение, 1984, № 6. - С. 11-19.
- [488] Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. - М.: Прогресс, 1991. - С.129.
- [489] Уайльд О. Социализм и душа человека // Вехи. - М.: Новое время, 1990. - С. 201.
- [490] Рассел Б. Практика и теория большевизма. - М.: Наука, 1991. - С. 93.
- [491] Райх В. Психология масс и фашизм. - М.: Университетская книга, 1997. - С. 33.
- [492] Пятигорский А. Философия одного переулочка. - М.: Прогресс, 1992. - С. 40.
- [493] Шимечка М. Мой товарищ Уинстон Смит. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 27-28. - С. 227-228.
- [494] Явич Л. Сущность права. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. - С. 25.
- [495] Белов С. Общественно-политическая активность как проявление политической культуры. - Советское государство и право, 1984, № 6. - С. 3.
- [496] Кирквуд К. Ренессанс в Японии. - М.: Наука, 1988. - С. 254.
- [497] Гаврилишин Б. Дороговкази в майбутне. - К.: Основи, 1993. - С. 120.
- [498] Spencer H. The Man Versus The State. - USA: Indianapolis, 1981. - P. 29.
- [499] Подолинский С. Вибрані твори. - Canada: Університет Квебеку, 1990. - С. 179.
- [500] Эндерс У. Брожение среди мусульман советской Средней Азии. - Проблемы Восточной Европы, 1989, № 23-24. - С. 181-182.
- [501] Леге Ж.-М. Кого страшит развитие науки. - М.: Знание, 1988. - С. 81.
- [502] Лем С. Что будет через 10-20 лет. Я знаю, что этого никто не знает. - Литературная газета, 1990, 14 ноября. - С. 15.
- [503] Brzezinski Z. Out of Control. - N.-Y.: 1993. - P. 204.
- [504] Маркузе Г. Одномерный человек. - М.: REFL-book, 1994. - С. 2, 11-12.
- [505] Toffler A. The Third Wave. - N.-Y.: Bantam Books, 1994. - P. 10-11.
- [506] Фукуяма Ф. Полемика о статье "Конец истории". - Диалог США, 1990, № 45. - С. 11.
- [507] Бжезинский З. Окончилась ли "холодная война". - Международная жизнь, 1989, № 10. - С. 36.
- [508] Талбот С. В истории еще будет немало интересного. - За рубежом, 1992, № 8. - С. 10.
- [509] Гарднер У. К самообновляющемуся обществу. - Америка, 1971, № 5. - С. 49.
- [510] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: Прогресс, 1992. - С. 89.
- [511] История буржуазного конституционализма 17-18 в. - М.: Наука, 1983. - С. 55.
- [512] Гейзенберг В. Шаги за горизонт. - М.: Наука, 1987. - С. 228.
- [513] История буржуазного конституционализма 17-18 в. - М.: Наука, 1983. - С. 16-17.
- [514] Сен-Симон А. Избранные сочинения. Т. 1. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. - С.445.
- [515] Аршинов В., Климонтович Ю., Сачков Ю. Естествознание и развитие: диалог с прошлым, настоящим и будущим // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. - М.: Прогресс, 1986. - С. 415.
- [516] Что такое демократия. - USA: Изд-во Информационного агентства США, 1991. - С. 32.
- [517] Селюнин В. Истоки. - Новый мир, 1988, № 5. - С. 174.

- [518] Hayek F. Law, Legislation and Liberty. V. 3. - USA: University of Chicago Press, 1979. - P. 244.
- [519] Drucker P. Post-Capitalist Society. - USA: Harper Business, 1993. - P. 232.
- [520] Бердяев Н. Философия свободы. - М.: Правда, 1989. - С. 21.
- [521] Тулмин С. Человеческое понимание. - М.: Прогресс, 1984. - С. 52.
- [522] Там же. - С. 173.
- [523] Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988. - С. 28-29.
- [524] Семенов В. Основы, структура и роль политических идей и символов // Новый мировой порядок и политическая общность. - М.: Наука, 1983. - С. 139.
- [525] Франко І. Позиція межами можливого // Вивід прав України. - Львів: Слово, 1991. - С. 76.
- [526] Мунье Э. Что такое персонализм. - М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1994. - С. 24.
- [527] Рассел Б. Практика и теория большевизма. - М.: Наука, 1991. - С. 74.
- [528] Адлер А. Индивидуальная психология // История зарубежной психологии (30-е-60-е гг. XX в.). Тексты. - М.: Изд-во МГУ, 1986. - С. 132.
- [529] Riesman D. The Lonely Crowd. - N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. - P. 347.
- [530] Маритен Ж. Ответственность художника // Самосознание европейской культуры XX века. - М.: Политиздат, 1991. - С. 175, 186.
- [531] Мэмфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. - С. 230.
- [532] Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 1, ч.1. - М.: Мысль, 1964. - С. 188.
- [533] Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. - М.: Прогресс, 1991. - С. 78.
- [534] Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. - М.: Прогресс, 1988. - С. 310-311.
- [535] Новгородцев П. Об общественном идеале. - М.: Правда, 1991. - С. 47.
- [536] Riesman D. The Lonely Crowd. - N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. - P. 153.
- [537] Russell B. Authority and the Individual. - N.-Y.: Simon and Shuster, 1949. - P. 6.
- [538] Revel J.-F. Democracy Against Itself. - USA: Free Press, 1993. - P. 142.
- [539] Мілош Ч. Поневолений розум. - Мюнхен: Сучасність, 1985. - С. 67.
- [540] Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. - London: George Allen, 1976. - P. IX.
- [541] Франко І. Позиція межами можливого // Вивід прав України. - Львів: Слово, 1991. - С. 76.
- [542] Честертон Г. Вечный человек. - М.: Политиздат, 1991. - С. 179.
- [543] Гессе Г. Письма по кругу. - М.: Прогресс, 1988. - С. 148.
- [544] Fukuyama F. The End of the History and the Last Man. - N.-Y.: Free Press, 1992. - P. XIX.
- [545] Гегель Г.В.Ф. Философия права. - М.: Мысль, 1990. - С. 178.
- [546] Riesman D. The Lonely Crowd. - N.-Y.: Doubleday Anchor Books, 1953. - P. 349.
- [547] Кон Г. Азбука национализма. - Проблемы Восточной Европы, № 25-26. - С. 257.
- [548] Fukuyama F. The End of the History and the Last Man. - N.-Y.: Free Press, 1992. - P. 147.
- [549] Томас Л. О нашем несовершенстве. - Америка, 1981, № 297. - С. 53.
- [550] Амосов Н. Реальности, идеалы и модели. - Литературная газета, 1988, 5 октября. - С. 13.
- [551] Юркевич П. Философские произведения. - М.: Правда, 1990. - С. 185.
- [552] Там же. - С. 184.
- [553] Дезами Т. Кодекс общности. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. - С. 427.
- [554] Pareto V. Rise and Fall of the Elites. - USA: Bedminster Press, 1968. - P. 27.
- [555] Mosca G. The Ruling Class. - USA: Greenwood Press, 1980. - P. 287.

- [556] Рассел Б. Практика и теория большевизма. - М.: Наука, 1991. - С. 73.
- [557] Гарделин Н., Берлин И. Две стороны национализма. - Проблемы Восточной Европы, 1993, № 37-38. - С. 166.
- [558] Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. - М.: Стройиздат, 1990. - С. 259.
- [559] Швейцер А. Благоговение перед жизнью. - М.: Прогресс, 1992. - С. 208, 209.
- [560] Манхейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. - М.: Прогресс, 1991. - С. 130.
- [561] Kundera M. The Unbearable Lightness of Being. - London-Boston: Farber and Farber, 1984. - С. 257.
- [562] Костюк Г. Зустрічі і прощання. Т. 1. - Edmonton: Канадський інститут українських студій, 1987. - С. 603.